

№4

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Варис ЁЛЧИЕВ. *Билет на ночной рейс. Документальный роман* 3

ПОЭЗИЯ

Габдулла ТУКАЙ. *Стихи* 129
Лилия ГАЗИЗОВА (Dr. Janti). *Стихи* 130
Марат ШАФИЕВ. *Пародии* 131
Сафа ГАЛЕЕВ. *Басни* 132

ПУБЛИЦИСТИКА

Махир ГАМЗАЕВ. *Апрельский переворот глазами
литовского консула* 116
Винцас КРЕВЕ. *Большевики* 118
Лилия ГАЗИЗОВА (Dr. Janti). *История и значимость первых
переводов лирики Тукая на русский язык 1913-1917 гг.* 125

2025

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 19.3. 2025 г.
Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2025г.

ВАРИС ЁЛЧИЕВ

БИЛЕТ НА НОЧНОЙ РЕЙС

Документальный роман

Перевод Сабины САМИДХАН

*Надо собирать камни, которые в вас бросают.
Это основание будущего пьедестала.*

Гектор Берлиоз

Глава 1

От резкого торможения стоявшие пассажиры электрички покачнулись, а габаритный проводник выронил поднос и разлил чай, который подавал в металлических подстаканниках – прямо на мужчину в клетчатом пиджаке. Тот устроил скандал. При этом с пафосом заявил, что является известным режиссёром, а такое грубое отношение к деятелям искусства – самая главная проблема современности:

– Своим аморальным поступком вы подыгрываете адептам капитализма, обывавшего войну массовому творчеству. Вы все вместе взятые – противники творческих людей.

А ведь только сегодня железнодорожное управление в целях культурного обслуживания пассажиров начало предлагать чай во время поездок... Но, кажется, после сегодняшнего происшествия продолжение этой инициативы не светит.

Два десантника, будучи слегка навеселе, не пренебрегали нецензурной бранью, смеялись над происходящим вокруг, а намокший режиссёр стал для них вишенкой на торте этого развлечения. Одноногий калека, крепко обняв свою гитару, игрой на которой подрабатывал себе на жизнь, ждал, чем всё это закончится. Рядом молодая женщина пыталась успокоить расплакавшегося младенца, а две женщины поодаль без умолку болтали, будто ничего не случилось.

Назим как бы находился вне всей этой суматохи. Он несколько раз перечитал смс-сообщение от жены. За последние шесть месяцев она уже во второй раз грозила бросить его. *«Тоже мне, нашёлся молодец, поехал в Москву, видите ли, ради благосостояния семьи. И где обещанное благосостояние? Уже шесть месяцев как уехал. Если и дальше будешь продолжать в том же духе, я уйду к родителям. Не смог ты стать ни мужем, ни отцом»*. А вдруг и взаправду уйдёт? Что тогда будет? От этих вопросов у него ещё сильнее разболелась голова. Вчерашний кутёж с Субханом, продолжавшийся до полуночи, давал о себе знать. Нет, во что бы то ни стало надо попытаться размягчить и уговорить Зарнишан остаться. Как же жить? И что он будет делать без Айсу и Анара? Несмотря на суровость, Зарнишан была покладистой, послушной женщиной, но сейчас её все настолько достало, что стала писать угрозы. Надо было хоть что-то отправить домой, а не откладывать это постоянно.

Чтобы добраться от Перхушково до Москвы на электричке, требовалось проехать тридцать два километра, которые тянулись иногда час, иногда час и двадцать минут, а иногда ещё больше. Назим в это время наслаждался красивым видом за окном, разглядывал пассажиров, а если среди них оказывалась красивая девушка, то рассматривал её с умилением. А иногда так увлечённо играл в тетрис, уткнувшись носом в телефон, что голову поднимал, только когда поезд останавливался.

Но сейчас все было иначе.

Приключение с тормозами подошло к концу. Поезд ровно мчался по рельсам. За окном простиралась бескрайняя берёзовая роща. Назим разглядывал рядом сидящего и пристально уставившегося в книгу мужчину. Интересно, что он там нашёл?

В своей жизни, кроме учебников в школе и одной художественной книги, он ничего не читал. Для него чтение книг как разновидность увлечений в свободное время стояло в конце, а лидировали игра в тетрис, просмотр фильмов на ютуб-каналах, времяпровождение в соцсетях, а также на сайтах знакомств.

«Зачем Зарнишан так делает?»

Он снова вспомнил сообщение жены, которое ему показалось слишком длинным и нудным. *«Я устала одевать Айсу и Анара в изношенную одежду, кормить их дешёвой и некачественной едой. А как насчёт моих потребностей? Я молодая женщина, а живу как вдова. Я уже отвыкла покупать себе обновки, а то, что принесла из отцовского дома, давно превратилось в старьё. Если честно, у меня уже нет желания наряжаться и прихорашиваться. А ещё есть косметические средства, которыми женщина должна пользоваться, даже сидя дома. На что мне их покупать? На те деньги, которые ты якобы собирался заработать и послать нам?»*

Сидящий рядом «книжный червь» комментировал, указывая на что-то прочитанное в книге. Но Назим ничего не слышал.

«Иногда я так завидую Зулейхе. Две подружки вышли за вас, за двух друзей. Ну почему её судьбой оказался Расим, а моей – ты? Женился бы ты на Зулейхе. Именно мне надо было жизнь испортить? Я завяла, как цветок. У Расима был рынок, а сейчас и кафе открыли. Везунчики, денег куры не клюют».

«Книжный червь» дотронулся до его плеча. Он упорно хотел передать полученное ощущение от прочитанного этому неразговорчивому и хмурому человеку:

– Смотрите, что пишет. Если будете читать об известных и успешных людях, обязательно что-то переймёте от них и тоже станете успешным. Представляете?

Назим с отвращением отвернулся, подумав: у кого что болит, тот о том и говорит.

Прошло ровно шесть месяцев и пять дней, как Назим покинул село. Сегодня 22 мая, а он уехал 17 ноября. Имея высшее образование (окончил факультет математики Педагогического университета), он не смог найти работу ни в селе, ни в районе. А сельскохозяйственные работы не по нему были. Ведь у этого ремесла имелись свои правила и заботы. К нему надо было относиться ответственно: там и сажать, и поливать, и удобрять, и саженцы перебирать, и с препаратами от вредных насекомых возиться — все в своё время надо делать, заниматься только землёй. По настоянию отца он пытался что-то начать, но у него ничего не получилось. Он мечтал о «чистой» работе, по образованию, где ему каждый месяц исправно на карту перечислялась бы зарплата. Ему пообещали место в частной мебельной фабрике и на цементном заводе в районном центре, но надо было ждать. Эти ожидания продлились два-три года. Он женился пять лет назад, Айсу было четыре, а Анару три годика. Жили на то, что отец даст. Родители покупали продукты на неделю и давали на карманные расходы. Разве мог тридцатилетний мужчина жить за счёт родителей?

Когда он приехал, грезя о заработке, то был уверен, что очень скоро станет купаться в деньгах. Ведь столько односельчан зарабатывали здесь на жизнь – и при том неплохо зарабатывали. Повёлся он на эту авантюру по вине своего соседа Афласа. Летом, когда Афлас приехал в село повидаться с родными, наплёл ему, что даст ему две полки на Дорогомилловском рынке, и Назим зарабатывает кучу денег. А когда он в ноябре приехал, Афлас не сдержал данного обещания, ссылаясь на военный конфликт и его последствия, которые выбили его из колеи. А конфликт между Россией и Украиной начался разве сегодня? В 2022 году, когда Афлас обещал молочные реки да кисельные берега, а приехал Назим в 2023-м.

Афлас не стал решать для него вопрос с работой, а лишь посоветовал обратиться к своему двоюродному брату Мумтазу, намекнув, что у того руки длинные. Из-за разногласий с Мумтазом ему уже было ясно, что никакого толка от этого не будет. Поэтому с помощью другого односельчанина, Аслана, Назим оказался на Москворецком рынке, в юго-западной части города. Но разница между этими рынками была налицо. Первый рынок был центральным рынком столицы, там можно было найти всё, да и клиенты были не из бедных слоёв населения. А это – обычный пролетарский рынок. Там за баснословные цены продавали клиентам ананас, кокос, грейпфрут, манго, авокадо, а здесь за гроши – яблоки и груши. И доходы от дешёвого товара были соответствующими. Если бы работал на Дорогомиловском, наверное, уже заработал бы приличные деньги, и домой мог бы отправить. Да и приберёг бы на чёрный день. А Зарнишан сейчас наслаждалась бы запахом и шелестом зелёных купюр...

Его безразличие абсолютно не понравилось соседу – оказывается, тот ещё и в обществе «Знание» работал, занимался просвещением, всячески старался привить людям любовь к чтению. Мужчина, поправив очки, сказал:

– Я знаю, что у всех на уме сейчас только деньги. И вы, молодой человек, конечно же, думаете о деньгах. А вы знаете, что говорит один из самых богатых людей планеты, Илон Маск? Он говорит, что стал Илоном Маском благодаря книгам. Особенно – книге о жизни Бенджамина Франклина. Поэтому говорю вам: чтение книг об известных людях принесёт только лишь пользу.

Ох, как же Назиму надоел этот прилипала.

Десантники продолжали громко смеяться, режиссёр до сих пор вытирал носовым платком мокрые пятна на пиджаке и брюках, одноногий калека расположился поудобней, начал наигрывать что-то на гитаре, поставив перед собой беретку в надежде на подавание, молодая женщина кормила успокоившегося ребёнка, а две подруги всё так же болтали.

Очередная суматоха началась, когда десантник напал на пенсионера. А причиной тому стал осуждающий взгляд в ответ на нецензурные высказывания бойца. Несколько пассажиров призвали десантника к порядку. Рядом сидящая женщина накричала на Назима: «Такой здоровенный, высокий, что ты за мужик, как ты можешь молчать и сидеть спокойно, здесь чуть старика, который тебе в отцы годится, не убили?»

Только этого ему не хватало – связываться с разъярёнными десанниками. Май на дворе, у них скоро увольнение. С ними сейчас связываться не стоит. Подумав об этом, Назим с мыслью «зачем мне эта головная боль», чтобы избавиться от укоризненного взгляда женщины, поднялся и вышел в тамбур.

Хорошо, что поездка приближалась к концу. Поезд наконец доехал до Москвы.

Глава 2

Эта весна в Шамахинских горах будто отличалась от предыдущих. Проливные дожди затопили улицы. А когда ливни утихали, выглядывало солнце, и, будто желая отстраниться от людей, мгновенно исчезало.

11 апреля один из самых знатных людей Шамахи, торговец Мирза Махмуд, в почтовом отделении пил чай, предложенный ему начальником почты, и читал письмо от своего брата, живущего в Санкт-Петербурге, Мамедтаги Алиева.

Наступившая весна 1908 года выдалась удачной для семьи Алиевых, так как Мамедтаги, ставший депутатом Первой Госдумы Российской империи, возвысился до члена Совета Думы. Для мусульманина такая почётная ступень, естественно, была невероятным и уму непостижимым делом.

Мамедтаги Алиев окончил Петровскую сельскохозяйственную академию, некоторое время жил в Германии и Финляндии.

Он стал одним из активных просветителей, его жизненными приоритетами были борьба с невежеством, привлечение девочек к образованию, издательство и распространение как можно большего количества книг среди населения.

Мирза Махмуд щедро выделял средства сперва на образование брата, а потом и на его путешествия по миру, освоение на чужбине, и никогда не вмешивался в его дела. А больше всего его радовало, когда Мамедтаги тратил деньги на книги для созданной им библиотеки. Он везде говорил, что раздача людям книг – вид пожертвования, ведь у читающих людей открывается третий глаз. Ведь люди бывают голодны как физически, так и духовно. А как можно насытить желудок, но остаться без духовной пищи?

Мирза Махмуд дошёл до самой интересной части письма брата. Он снова большую часть своей прибыли потратил на книги, среди которых были издания по экономике, сельскому хозяйству, политике, философии, а также образцы литературных произведений, приобретённых в основном в России, Германии и Франции. Мамедтаги писал: «Дорогой брат, моя главная опора в этом мире. Пишу тебе, и как бы я хотел, чтобы ты увидел слёзы радости на моих глазах. В глубине моей души праздник. Я чувствую счастье каждой клеточкой. Произошло чудо. Я приобрёл рукописи великого Низами Гянджеви. Не скажу, сколько денег потратил. Потому что рукописи одного из самых великих философов и поэтов истории человечества, к великому счастью – представителя нашей нации, бесценны, никакая купюра, никакая золотая монета не может обозначить их стоимость».

Глаза Мирзы Махмуда наполнились слезами от прочитанных слов, наряду с радостью он чувствовал гордость и восхищение. В этот момент прибежавший соседский мальчик выпалил второпях слова, больше приличествующие взрослым:

– Дядя Мирза, дядя Мирза, у тёти Набат начались схватки, вас не было и поэтому слуга отправил за старухой Хейрансой, и...

Жена Мирзы Махмуда Набат-ханым была беременна, роды ждали со дня на день. Не сдержав своего волнения, Мирза закричал на ребёнка:

– Не тяни, сынок, скажи, произошло что-то плохое?

Мальчик улыбнулся:

– Нет, дядя Мирза, ничего плохого не произошло, дай подарок за весть, тогда скажу.

Мирза Махмуд после этих слов успокоился, понял, что родился мальчик. Вытащив из кармана несколько больших бумажных купюр, протянул мальчику, который выпучил глаза от удивленного вознаграждения, и принял сказанные слова как благодать:

– У вас сын родился, дядя Мирза.

Мирза Махмуд безмерно любил свою жену. Старался окружать её роскошью. У супруги имелись разные наряды в европейском и восточном стиле, её рубашки и платья были расшиты золотом, а к воротникам, поясам и краям шалей были пришиты золотые монетки. Украшений было несчитанное количество. Её ожерелья, браслеты, кольца и серьги хранились в нескольких шкатулках. Все восхищались этой красивой, нежной и стройной женщиной. Влюбившийся в неё с первого взгляда Мирза Махмуд после женитьбы всегда потакал её капризам, выполнял все желания. Дороже жены для него были только его родители.

Поспешивший домой Мирза Махмуд ещё у калитки услышал плач младенца. В тот момент он решил, что его новорождённого первенца будут звать Муса. Моментально в уме мелькнула мысль: пусть Муса будет миловидным как мать, богатым как отец, статным и вежливым как дедушка, образованным и просвещённым как дядя. Разве человек не строит своё будущее грёзами? Не зря говорили предки: «доброе намерение – залог доброго конца».

Мирза Махмуд вошёл в комнату. Боли и муки родов чужды мужчинам, почувствовать это свойственно только женщинам. Несмотря на бледные губы и лицо, обес-

силенная Набат-ханым была божественно красива. Она лежала в широкой и крепкой никелированной кровати. Никель будто светился огнём. Эту кровать с узорчатыми ножками Мирза Махмуд заказал в Варшаве, где собрались все мастера этого ремесла, в честь свадьбы. Он наклонился и поцеловал руку супруги. Она дрожащим голосом произнесла: «Я родила тебе сына, мой Мирза, я исполнила твоё желание».

С момента получения вести Мирза Махмуд ещё не полностью осознал радость, ведь ни радость, ни горе не воспринимаются сиюминутно. Через некоторое время он позвал слугу, приказал зарезать быка, накрыть на стол и объявил, что три дня и три ночи будут отмечать это радостное событие. А также не забыл распорядиться раздать еду бедным сельчанам – и о пожертвовании. Заявив, что шесть лет народ не мог радоваться, так пусть рождение Мусы станет праздником.

Шесть лет назад в Шамахе произошло страшное землетрясение.

Частые подземные толчки были для жителей края явлением из ряда привычных. Землетрясение 1859 года было особенно разрушительным, город сравнялся с землёй. Все дома превратились в руины, было много жертв среди населения. Большая часть строений, имевших историческую ценность, была разрушена, город словно обнищал. Азербайджан, находившийся под игом царской империи, в те времена делился на несколько губерний, одной из которых была губерния Шамаха. После чудовищного землетрясения столица из Шамахи была перенесена в Баку. Город большими усилиями был частично отстроен, но землетрясение 1902 года стало для него смертоносным: от древней Шамахи и следа не осталось. Усадьба, хозяйство, скотный двор семьи Мирзы Махмуда остались под завалами, все жилые дома, мечети, рынки, бани города в один миг превратились в груды камней. Не случайно тот день, 31 января, местные называли «Судным днём». И с того дня люди забыли о радости. Все оплакивали погибших и потери.

А сейчас намечался праздник. Младенец Муса своим рождением изменит настроение сельчан и своего края.

Один из тихих летних вечеров 1978 года.

Лёгкий ветерок через открытое окно проносил шелест листьев. Муса Алиев слушал этот шелест и размышлял. Он хотел понять, почему люди приходят на этот свет, зачем живут, какая у них цель и миссия. Ему было семьдесят лет. Жизнь как кинолента проносилась перед глазами. Места, где он жил – Шамаха, Ашхабад, Баку, Санкт-Петербург, Москва, Алжир и, наконец, Перхушково, – они все прошли перед ним в тёплых воспоминаниях, остались в памяти днями, в которых были и радость, и печаль. Рука непроизвольно потянулась к листу бумаги и ручке, и он начал писать.

Первые строки были следующие: «...1978 год. Посёлок Перхушково-Академия в Подмосковье. Огромный, но тихий. Даже сейчас тихая летняя ночь. Окно распахнуто. Тёплый ветер шелестит в кустах. Я слушаю этот шелест и размышляю...»

Он писал мемуары. Отражать на бумаге основные моменты своей нелёгкой жизни стало для него внутренней потребностью. Почему он так решил? Мир менялся, наступило совершенно другое время. Пережитое никогда не повторится, это однозначно. Не будет того времени, тех великих людей. Тайны времён покроются завесой мрака после ухода из жизни таких свидетелей, как он. Хотя эти истины могли быть очень нужны людям нового мира. Ведь нет ничего более просветляющего, чем история с достоверными доказательствами. Люди нового мира, вооружённые этими истинами и усвоившие уроки, возможно, смогут пройти свой путь без боли и потерь.

К концу жизни он потеряет зрение. Но все равно будет писать, не устанет до конца запечатлевать моменты, богатые происшествиями долгой и нелёгкой жизни. Он знал, что делает это ради человечества.

Глава 3

Москворецкий рынок располагался в историческом здании. Чтобы добраться до него, Назим после электрички пересеживался на автобус и ехал ещё две остановки. Проходя между прилавками рынка к рабочему месту, здоровался со знакомыми, большинство из которых были земляками, а потом ловко устроивался на своём месте. За прилавками Аслана, благодаря которому он тут оказался, он должен был продавать и принимать товар, а также следить за двумя продавщицами лет шестидесяти-семидесяти, которых называл «бабусями». За несколько месяцев он даже не потрудился узнать их имена.

Первое время после обмана Афласа, когда Назим вынужденно оказался прикованным к этому рынку и начал работать на побегушках у Аслана, он страстно мечтал заработать денег и открыть свою точку. Но за шесть месяцев иллюзии прошли. Сейчас в мыслях у него было одно: как бы оправдать свой приезд перед женой.

Поздоровавшись с бабусями, немедленно подошёл к целлофановым пакетам с фруктами и овощами, привезёнными оптовиками, как обычно, в восемь утра. Посчитал, сверил по чек-фактуре, убедился, что все сходится. А потом, распоров мешки, проверил качество товара, кое-что разложил на прилавке. Одна из бабусь продавала овощи, а другая – фрукты, сам Назим стоял посреди и торговал на двух прилавках.

Старшая из женщин спросила:

– Назим, Аслан сегодня объявится? Хочу аванс взять у него, у внука день рождения, подарок надо купить.

Назим утвердительно кивнул, телефон запищал, оповещая о полученном сообщении. Сердце дрогнуло: догадывался, что от Любы.

Текст был кратким: *«Зая, скинь мне на карту денег. Нужно в салон сходить».*

С Любой он познакомился сразу после того, как устроился на рынок. Ведь завести себе любовницу считалось среди земляков, работающих на рынке, чуть ли не достижением, за которое уважали и почитали. Вот и он прямо на рынке познакомился с женщиной старше его на пять-шесть лет. А потом пошло-поехало: жила она по соседству с рынком, сперва он посылал ей бесплатно фрукты и овощи, потом стал водить по кафе и ресторанам, в конце концов стали любовниками. Люба все свои траты повесила на Назима, а он всячески угождал ей. Люба обещала уговорить свою дочь, чтобы та не противилась желанию матери поселить Назима в их квартире. А Назим, таким образом, стал бы жить под одной крышей с дамой своего сердца, а также избавился от ежемесячной квартплаты и ежедневных длинных поездок до Перхушково.

Не прошло и десяти минут, как Люба отстрочила следующее смс: *«Зая, и ещё мы попросили придержать плащ в универмаге, сегодня нужно обязательно заплатить и забрать. А то продадут, и ты лишишься удовольствия любоваться, как твоя красавица будет в нём щеголять».* Люба его всегда называла «зай». Вначале он противился, мол, какой заяц, называй тигром или львом. А потом, со временем, согласился быть зайей Любы. Порылся в карманах. Вытащил несколько бумажных купюр. Понятно было, что этого не хватит. Сразу набрал номер Аслана. Поздоровавшись, перешёл напрямик к делу:

– Аслан, если можно, дай нам аванс сегодня. Мне и бабуся в овощном.

После короткой паузы Аслан явно недовольным тоном сказал:

– Ты что, зарплату не получил? Какой ещё аванс, Назим?

Назим был готов к такому повороту событий, поэтому и ответ был уже готов:

– Пусть будет со следующей зарплатой, какая разница? Ну позарез нужны деньги, домашним пошлю.

Ответ Аслана расстроил его:

– А не врёшь? Нияз недавно был в деревне. Говорит, что Назим семье денег не посылает. Бедные нуждаются. Нияз говорит...

Нияз был братом Аслана. Назим знал: если разговор будет продолжаться, настроение вконец испортится, и постарался закрыть тему:

– Вот поэтому и хочу срочно послать домой немного денег.

После утвердительного ответа Аслана сразу написал Любе, что скоро деньги будут на карте, а ночью возьмёт выпивку и придёт к ней. Как только представил, что ждёт его ночью, по телу побежали мурашки. В постели с Любой он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Эта женщина была всесторонне привлекательна.

Лишённые большого счастья начинают искать маленькое. Люба была единственной его отдушиной в московской жизни. С Субханом, единственным его другом здесь, первое время часто ходили «налево», тратили деньги на красоток в ночных клубах, стриптиз-барах, интимных массажных салонах. После знакомства с Любой он отказался от такого рода развлечений, так как потребность в женской ласке полностью удовлетворялась, да и ещё и расходов стало больше. С Субханом встречались, если тот уж очень настаивал.

Грезя о Любе, вдруг неожиданно для себя вновь вспомнил сообщение Зарнишан. *«Иногда я так завидую Зулейхе. Ну почему её судьбой оказался Расим, а моей ты? У Расима был рынок, а сейчас и кафе открыли. Везунчики, денег куры не клюют...»*

Расиму повезло с отцом, он был одним из лучших торговцев советских времён, он открыл первый в селе кооперативный магазин. Расим за счёт отца добился своего богатства. А ему, бедному, что делать? Отец чернорабочий, с утра до вечера как муравей трудится на хозяйстве, зарабатывая на хлеб. На свадьбу ему построили дом, и то не до конца. Крышу полностью не смог поставить, средств не хватило.

«Разве не Всевышний определяет, кому быть богатым, а кому бедным? Хоть огонь, хоть медные трубы, а толку-то никакого». Вот с такой установкой он жил. Каждый раз провал, ничего не добивался, а просто обжигался.

Взвесил два килограмма помидоров для женщины с перламутровой помадой. Вдруг заметил ребёнка рядом с ней, сердце сжалось. Он только сейчас понял, как соскучился по своим детишкам. Зарнишан упрямая, а вдруг на самом деле надумает развестись, что он будет делать? Срочно нужно домой деньги отправить. Вот решит с Любой сегодня, потом возьмёт тайм-аут, семье тоже надо помочь, так и скажет ей. Люба же не каменная, немножко обуздает свои желания. Он так и сделает, отложит на самое необходимое, а остальное в деревню. Пусть Зарнишан купит для себя и детей обновки, продукты.

Проголодался. В конце рынка была закусочная под названием «Шахбургер», один из земляков, Шахмурад, из своего имени и известных названий «гамбургер» и «чизбургер» создал свой бренд. Шахбургер состоял из плоской котлеты, приправленной сушёным чабрецом и перцем, а все остальное было как и полагается: помидоры, огурцы, – и в меру заправлял кетчупом и майонезом. К шахбургеру полагалось подавать айран. Умный мужик, собрал себе приличный клиентский контингент. Низкая цена была не в убыток, так как выигрывал за счёт количества клиентов.

Назим, как обычно, взял бургер и айран в долг. У Шахмурада была вредная привычка. Он надоедал клиентам с вопросами вроде: «Ну как, вкусно?», «Чувствуешь, как к месту приправы?», «А мясо какое нежное?» Когда последовала череда вопросов, Назим, получивший свою порцию в долг, не только поддакивал, но и бодро похваливал: «Да какой там гамбургер и чизбургер, шахбургер вне конкуренции!»

После еды, как обычно, прошёл между рядами. Типа разузнать, что к чему, какой товар на данный момент пользуется большим спросом. По возвращении увидел перед бабусей известную газету бесплатных объявлений «Купи-Продай», где большими буквами было написано: «Требуется работники».

– Бабуся, что хочешь продать или купить? – спросил, указывая на газету перед ней. Сытым он был весел и любил подшучивать.

Бабуся начала издалека, как и в какой последовательности покупали с покойным мужем домашнюю утварь, сколько среди них антикварных вещей, какие хотела бы продать. Например, среди вещей имелась швейная машинка «Зингер», которую можно было бы втридорога продать, а взамен купить обычную.

А Назим прямо зациклился на себе. Может, найти вторую работу? Например, устроиться куда-нибудь сторожем. Работая в двух местах, может, сэкономит и встанет на ноги. А то так тяжело.

– Бабусь, дай посмотреть, – взял газету и начал рассматривать объявления.

Не отрываясь от газеты, нехотя общался с клиентами. На седьмой странице на глаза попало слово «Перхушково», со вниманием начал читать объявление: «Требуется сторож в дом-музей Академического посёлка при селе Перхушково. Работа в ночную смену. Мужчина с самодисциплиной и порядочный, зарплата по договору».

Дом-музей. Интересно, что за дом-музей? За шесть месяцев успел узнать все ходы и выходы в Перхушково. Но не видел никакого дома-музея. Номер тоже был необычный, запоминающийся, комбинация из цифр три и пять.

Работать сторожем в селе было бы неплохо. Но не в доме-музее. Музей, клуб, библиотека – это неимущие заведения. Ему нужны были такие объекты, как офис, строительство, крупные маркеты.

Неохотно положил газету обратно на прилавок.

Глава 4

С появлением на свет Мусы 11 апреля стало самой важной датой для семьи Алиевых. На следующий год первый день рождения отметили торжественно и с почестями. Мирза Махмуд зарезал быка, приготовили море угощений, пригласили знатных и уважаемых людей. Не забыли и про бедняков. Приехал даже брат Мамедтаги из Петербурга с подарками и гостинцами. Это пополнение в семье Алиевых, кажется, собиралось стать самым значимым для всего рода. Мамедтаги осторожно надел цепочку с крупным кулоном, на котором красовалась голова дракона, на шею маленького Мусы:

– Дракон испокон веков считался символом удачной жизни и долголетия. Правда, у нас в Шамахе религиозность очень сильна, поэтому такие символы считаются богохульством. Как в Мекке бросают камни в шайтана, так и упоминание дракона считается чуть ли не оскорблением. Хотя если шайтан – религиозный образ, то дракон – явление мифическое, волшебное и сказочное. – Поцеловав в лоб Мусу, добавил: – Этот талисман будет оберегать его от негативной энергии, бед и несчастий, а также будет способствовать глубокомыслию и хранению полученных знаний в памяти.

В тот день братья долго беседовали. Первым делом Мирза Махмуд рассказал брату обо всем происходящем в Азербайджане. Азербайджанская нефть по доле экспорта превзошла американскую и поднялась на первую ступень. Недавно в Баку начали действовать кинотеатр «Азербайджан», Собор Святых Жён-Мироносиц, мельница братьев Скобелевых, а в Шамкире – лютеранская церковь. Но основной темой беседы было продолжающееся движение Мешруте в Тебризе. Братья знали, что народ живёт под гнётом, северный Азербайджан был под властью Российской империи, а южный — под игом Иранской империи. В такое время при сильной управленческой царской власти в Северном Азербайджане распространение просветительских идей было возможным и полезным. Братья не видели пока путей для революционного движения в каком-то национальном аспекте. Но бунт азербайджанцев, достижения Саттархана в Иране, где властвующий шахский режим не имел сильных опор, придавал братьям моральных сил. Маленький Муса принёс удачу своим рождением. В прошлом году, когда он появился на свет, нападение шахских войск

численностью сорок тысяч человек завершилось поражением, а позиции Саттархана и его правой руки Багирхана ещё больше укрепились.

Мамедтаги, будучи тесно связанным с политикой, несмотря на такие радующие вести, не скрывал и своих сомнений и опасений.

– Дорогой брат, свобода Южного Азербайджана – это не наше внутреннее дело, знай это. Прежде всего Российская империя, властвующая в одной части разделённого Азербайджана, не будет в восторге от освобождения неподвластной ему части. Так как никто не может гарантировать, что происходящее на юге не станет основой для революционного настроения на севере. А ещё большая угроза исходит от Англии. Я информирован, о чём пишет и какие распоряжения даёт в письмах министр иностранных дел англичан Эдвард Грей своему послу в Иране Джорджу Барклаю. Англичане ни под каким предлогом не согласятся на появление мусульманского государства на Кавказе.

1909 год предвещал быть годом, насыщенным событиями. К беседующим братьям присоединились также женщины: Набат-ханым и Сафура-ханым. Набат-ханым в последнее время увлеклась чтением, полюбила писать, и всё время просила Мирзу Махмуда покупать разные книги. Она попросила Мамедтаги рассказать об услышанных новшествах. Мамедтаги оповестил, что впервые в мире людям, ушедшим с работы по старости, полагаются ежемесячные выплаты: в Британии вводилась система выплаты пенсий. Мирза Махмуд забеспокоился:

– И что это значит? Англичане с ума сошли? Я что, буду платить зарплату своему конюху, садовнику, повару, няне после того, как состарятся и уйдут от меня, до самой их смерти? Разве так можно?

Мамедтаги успокоил брата: это касается только работающих на госслужбах, а ты торговец. И добавил: мол, нам до англичан далеко, такое у нас возможно лет через двадцать-тридцать.

И ещё Мамедтаги рассказал о нескольких событиях, происходивших в тот период. В Америке Уильям Тафт сменил на посту президента Теодора Рузвельта. После поражения турок в балканской войне был подписан мирный договор между ними и русскими. В Османской империи начались розни, движение под названием «Младотурки» стремилось свергнуть с престола проигравшего войну султана. Мамедтаги уверил всех, что в ближайшие месяцы и османский султан Абдул-Хамид II, и иранский шах Мамедали будут свергнуты. Беседа была настолько интересной, что если бы слуга не позвал их к столу, они ещё долго сидели бы.

Столы накрывали в этом доме обильные. И на этот раз сели за стол со множеством угощений. Гости не скупились на похвалы повару, приготовившему кебаб, который ели с удовольствием, не скрывая своего негодования по поводу того, что лишены этого блюда в Санкт-Петербурге. Отдельно подали ароматный чай, заваренный в огромном самоваре.

Муса, которому исполнился год, уже начал ходить. Все понимали, что он будет отличаться от других детей. Он был мальчиком спокойным, красивым, с вьющимися волосами, большими карими глазами. Он мог часами играть сам с собой. Разговор вновь вернулся к ребёнку: дяде было интересно, каким его будущее представляет отец. Тот сказал:

– В Ашхабаде наладил свои торговые дела. Там могу заработать намного больше, чем здесь. Уже сколько времени подумываю переехать, но из-за беременности Набат ждал. Опасался, что дорога может её утомить, и потом – смена климата, воды негативно повлиять. Думал, после рождения ребёнка переедем в Ашхабад. Прошедший год оказался достаточно насыщенным. Полагаю, в следующем месяце направимся в Ашхабад. Там отличные русскоязычные школы, найму и учителей. Хотел бы, чтобы он стал врачом, но, наверное, дядя пожелает, чтобы племянник продолжил его путь и стал политиком.

Мирза Махмуд ждал подтверждения от брата, но случилось обратное. Мамедтаги, покачивая головой, сказал:

– Политика – очень грязное дело, брат. Там в основном правый оказывается виноватым. А врачом может стать каждый. Я хотел бы видеть Мусу деятелем науки. Сейчас очень много новых наук, в будущем их представители не останутся без хлеба. Создай условия для получения образования, но не приковывай своими условиями. Пусть сам выберет. Свободная птица всегда счастливее птицы в золотой клетке.

Мамедтаги приехал в Шамаху со своей семьёй. Его четырёхлетняя дочь Сона играла с Мусой, отец подозвал её к себе.

– Дядя Мирза Махмуд, спроси у моей Соны, кем она хочет стать, когда вырастет?

Мирза Махмуд обнял племянницу и, поцеловав в голову со словами «Пусть Аллах бережёт», спросил:

– Кем станет Сона-ханым, когда вырастет?

Сона, став смирно, отчеканила громким голосом:

– Сона Мамедтаги гызы Алиева станет врачом. Терапевтом.

Её ответ вызвал улыбки на лицах окружающих.

В тот день, 11 апреля 1909 года, было непривычно для этого времени года душно, слугам не хватало льда для напитков гостей. После полудня со стороны гор подул лёгкий прохладный ветерок, спасая от жары не только тело, но и душу.

Глава 5

Назим долго ворочался в постели, несколько раз переворачивался с правого на левый бок.

Такого с ним никогда не случалось. Мрачный, отчаявшийся – как ни старался, он не мог уgomониться. Столько нерешённых проблем оставил в Азербайджане. Безработица, беда, случившаяся с родителями, несчастье сестры Сельмы, друг Шакир из-за него настрадался – всё это надо было решить, а он просто сбежал. «Вот приду в себя – хотя сколько это займёт времени, хоть приблизительно! – обязательно вернусь и решу всё». За шесть месяцев эта мысль то вихрем проносилась в голове, то давала о себе знать слабыми отголосками. Главное же было в самом присутствии этой мысли, которая проходила красной нитью через его жизнь. Но в эту ночь он будто упал в ужасную бездну. Чувствовал удушье. Трудно было дышать, не хватало воздуха. Встал, открыл окно. В комнату ворвался прохладный ветер. Он с жадностью дышал свежим воздухом.

Взял телефон с подоконника. Был второй час, значит в Азербайджане уже третий. Хотел позвонить Зарнишан, но, учитывая время, понял, что скорее всего она уже спит. А если даже и не спит, ответила бы она ему? Ни в коем случае не ответила бы. Своим сообщением она поставила точку. После длинного сообщения написала ещё одно, короткое, и сожгла все мосты. *«Знаю, у тебя кто-то появился, а то ты так не поступил бы».*

Не могли ей донести. Кому было бы интересно рассказать ей про его шуры-муры с Любой. Наверное, просто почувствовала. У женщин интуиция сильная. Если она догадывается, значит, всё. Никакими мольбами не вернуть её обратно. Надо было послать деньги, доказать, что он думает о семье, принадлежит только им. Только деньги могли восстановить обрушенные им же моральные мосты.

«Я завяла, подобно цветку...»

В самом деле он стал причиной того, что манящий ароматом и красотой цветок завял. Мужики – убийцы женщин!

Нервно бросил телефон на комод.

Ощупал стену и включил свет. От ярко вспыхнувшей лампочки прищурил глаза,

долго протирал их, пока не привык. Прошёл на кухню, тоже включил свет. Открыл холодильник. На глаза попала бутылка водки, из которой выпита было всего одна рюмка. Может, позвать Субхана и пить до полного опьянения? Может, выпив эту бутылку, взять вторую, третью и так до утра пить и забыть все невзгоды?

Быстро пришёл в себя, поняв, насколько глупа эта идея. Позвать Субхана, который живёт на шоссе Энтузиастов, в Перхушково пить водку? Жди, прибежит!

Глотнул прямо из горлышка. Горьковато. Поперхнулся на середине, потом затошнило. Открыл кран, глотнул воды.

Из-за голода водка подействовала сразу. В глазах потемнело, голова стала тяжёлой. Вещи на кухне стали двоиться.

Никогда так не пил. Он был не в себе, как будто его подменили. Язык онемел, слова тяжело давались, с трудом выговорил заплетающимся языком:

– Не отвечаете на мои звонки? Считаете меня врагом? Ничего, вы ещё пожалеете!

Он имел в виду не только Зарнишан, а всех – мать, отца, сестру, друзей, всех, с кем испортились отношения. Сперва не догадывался, каким образом заставит их пожалеть, потом с растущим упорством, угрожая, называл имена:

– Ладно, Зарнишан! Ладно, отец! Ладно, мать! Ладно, Сельма! Ладно, Шакир! Я заставлю вас пожалеть, вот увидите!

Потом стал метаться по комнате как угорелый. Кричал, плакал. Бился кулаками об стенку.

– Да, у меня нет денег, да, я бедный. Я признаюсь. И смелости у меня тоже нет, трус я. Значит, я должен умереть? Значит, мне нельзя жить на белом свете?! Ну почему?! Почему?!

Внезапная мысль показалась страшной: самоубийство. Перерезать вены. Почувствовал мурашки по телу.

Вернулся на кухню, выпил до дна всю оставшуюся водку. Зашёл в ванную. Взял лезвие. Открыл воду. Он видел в фильмах, как самоубийцы, перерезав вены, ложились в ванну, наполненную водой, чтобы кровь быстрее вытекала. Поднёс лезвие к вене.

Вот и конец. Значит, он должен был наступить здесь, в чужой стране, в чужих стенах, вдали от родных, которые стали ему врагами. Вот тебе и судьба, написанная на лбу. Невольно дотронулся до лба. Как будто хотел прочитать, что там написано.

Лезвие было ледяным. Приложил к вене правой руки. Тело горело, поэтому холод лезвия чувствовался особенно остро.

Вдруг выскочил из ванной. Оставляя мокрый след, вернулся в комнату, взял телефон и написал сообщение.

«Мне надоело жить, и я решил покончить с собой. Никто не виновен в моей смерти, кроме моей судьбы».

Написал. Бросил телефон туда, откуда взял, будто тот был виновником всех бед.

Цифры выстроились в ряд, покрутились, поменялись местами. Комбинация из цифр три и пять. Он не понимал, какое значение имеют эти цифры.

Потом опять начал кричать. Снова произносил имена, грозился, бился кулаками об стенку. Вернулся в ванную комнату, взял в руки лезвие, прошёлся им по вене, но не хватало смелости ввести глубже. Закрыв глаза. Собрал все силы. Уверял себя, что жизнь для него уже не имеет никакого смысла. Он и так не жилец. Живой труп. В момент, когда собирался вонзить лезвие в вену, перед глазами мелькнули его дети, одинокий дуб в деревне, прочитанное днём объявление о работе, ящики с малиной – не связанные между собой кадры.

Подставил голову под воду, льющуюся из крана. Резко протрезвел. Вспомнил, что цифры, крутящиеся перед глазами, были из объявления в газете.

Вернулся в комнату. Окно осталось открытым. Глотнул свежего прохладного воздуха. Может, пойти поискать тот музей, где сторож требовался?
Он никак не мог понять, как эти цифры захватили его мозг.

Глава 6

Город Ашхабад, построенный на руинах древнего парфянского города Конджигала, разрушенного монголами в XIII веке, располагался на Великом Шёлковом пути, с севера которого можно было выйти на Самару и другие русские территории, с юго-запада – на Иран, а от юго-востока можно было дойти до Хивы. Дома в нем были каменными, а улицы – широкими. История нового поселения началась в 1881 году, когда Российская империя, занявшая эти земли, решила построить большой город и перенести сюда центр своей Закаспийской области. До этого здесь были только фруктовые сады и небольшие глинобитные хижинки.

Город был спроектирован с прямыми улицами и одноэтажными домами. Из-за частых землетрясений строить высокие здания посчитали нецелесообразным. Мирза Махмуд удивлялся тому, что жил только в двух из миллионов городов мира, но оба, и Шамаха, и Ашхабад, оказались очагами землетрясений.

В центре города располагались магазины, торговавшие самыми разнообразными товарами. Торговля в основном была сосредоточена в руках армян и частично азербайджанцев. Большую часть населения составляли русские и персы. Поскольку туркмены предпочитали жить в деревнях, их численность в Ашхабаде была невелика. Здесь красовались рестораны с разноцветной рекламой, сады, богатые фруктовыми и декоративными деревьями. Мирза Махмуд купил дом с большим двором. Дом был одноэтажный, но очень большой, с просторным подвалом и резными деревянными перилами, которые придавали особую красоту балконам и лестнице. Во дворе росли фруктовые деревья, стоял круглый деревянный стол со скамейками и был подведён водопроводный кран. Здесь же был и большой бассейн.

Мирза Махмуд, как и в Шамахе, нанял несколько слуг для ведения хозяйства. Они выполняли всю работу по дому. Сам Мирза выходил рано утром и до захода солнца торговал в магазине на улице Кирпичной, покупал у жителей дыни и арбузы, качественный шёлк подешевле – и отправлял их на товарных поездах с железнодорожного вокзала в Баку, Иран, Самару. Он часто заходил на почту и никогда не терял связи с братом Мамедтаги. А Набат-ханым была занята воспитанием маленького Мусы.

Муса бегал по комнате и всё ждал момента, чтобы, скрывшись из виду матери, спуститься в подвал. Любопытство манило его в эту часть дома. Конечно, там можно было упасть с лестницы и разбиться, поэтому мать не сводила с него глаз ни на минуту.

Во дворе держали кур и овец. А ещё в Ашхабаде была одна особенность – почти в каждом дворе были голуби. На крыше дома Мирзы тоже жила стая. За птицами присматривал садовник Гулам. Голуби ворковали, гуляли по двору, время от времени хлопали крыльями и улетали. Среди них была голубка с хохолком на голове, которую Гулам называл «мать-голубица». Мусе нравилось гоняться за этим голубем. После долгой беготни тот просто улетал от Мусы.

Однажды друзья подарили Мирзе Махмуду очень большого барана с чудовищными рогами. Его все боялись, обходили стороной. Всё, кроме Мусы. Когда Муса играл с мячом, баран подходил, наклонялся и бил по мячу головой, что очень забавляло мальчика. Если голуби с шумом взлетали, баран грозно рокотал, и Мусе это тоже нравилось. Чувствовалось, что животное привязалось к ребёнку. Он становился на колени, чтобы малыш мог погладить его спину и голову.

Однажды произошёл интересный случай. Муса испачкал руки, играя с землёй.

Гулам схватил его за запястье, подвёл к бассейну и наклонил, чтобы вымыть ему руки. В это время, почувствовав угрозу для Мусы, баран набросился на Гулама, столкнув его рогами прямо в бассейн. Никто не смог удержаться от смеха, когда бедняга вышел из воды, намокший и испуганный.

Мирза Махмуд и его жена пили чай за деревянным столом и дивились привязанности животного к ребёнку. Какова же причина этой любви?

Однажды Набат сказала Мирзе:

– Мирза, я вчера читала книгу. Там было написано, что иногда люди обладают необыкновенной силой притяжения к себе окружающих. Она ощущается настолько сильно, что действует даже на животных. Не только люди, но и животные подчиняются обладателю этой силы. – Несмотря на удивление мужа, она продолжила: – Я думаю, это про нашего Мусу.

Говорят, когда человек рождается, он чист, как белый лист бумаги. Родители, учителя и жизнь пишут на этом листе свои заметки и определяют его судьбу.

Но данное суждение в корне неверно – ведь есть ещё и гены.

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ

Каждый человек после рождения, согласно своей генеалогии, наследует некоторые черты характера от представителей своего рода. То есть родившегося человека следует сравнивать не с чистым листом бумаги, а в лучшем случае с наполовину исписанным листом. Половина этой страницы уже написана генами, а остальная часть будет заполнена родителями, учителями, а в более поздний период – обществом и окружающей средой.

Отец создал все условия для всестороннего развития маленького Мусы. Очень немногие дети в Ашхабаде имели трёхколёсные велосипеды, и, конечно, Муса был в их числе.

– Мы из рода Ширваншахов, наши предки владели в своё время большими землями. Мы выигрывали войны силой оружия и слова. Наши Ширваншахи воспитали величайших полководцев и самых блестящих писателей.

С этими словами Мирза Махмуд купил сыну набор оловянных солдатиков, а также подобие боевой пушки, чтобы его сын был смелым и бесстрашным. Муса устраивал батальные сцены и расстреливал из пушек солдат противника. После игр мать водила его на прогулки. Маленький Муса безмерно любил мать, он всюду следовал за ней, он успокаивался, положив голову на её колени. По ночам она читала ему сказки. Так были созданы первые капли его океана знаний.

Набат попросила Мирзу Махмуда купить и привезти сытинское издание книги «Сказки» Александра Пушкина¹. Это издание в переплёте зелёной кожи, с красивыми иллюстрациями сразу привлекло внимание ребёнка. Мирза Махмуд, охотно выполнявший все просьбы жены, заказал книгу из Самары. И Набат-ханым с большим энтузиазмом, как профессиональный чтец, по вечерам читала сыну сказки.

Пока звучал голос Набат, Муса рассматривал картинки. Ему хотелось поскорее научиться буквам. Мальчик очень быстро выучил алфавит – и начал читать вместе с матерью. Наряду с этим раскрылся и его врождённый талант к заучиванию стихов.

Набат-ханым была не только воспитательницей и покровительницей Мусы, но и сердечным другом ребёнка: она учила его восхищаться красотой природы, ароматом цветов, закатом солнца, красотой птиц, наслаждаться духовным общением. Она советовала другим женщинам, с которыми подружилась здесь, регулярно общаться с детьми, потому что такие разговоры могут сыграть роль в их воспитании.

¹ Иллюстрированное издание сказок А. С. Пушкина было начато И. Д. Сытиным в 1887 году и продолжалось до 1917 года.

– Муса, ты видишь, как садится солнце?

– Да, мама. Но почему-то эта сцена меня огорчает.

– Конечно, дитя моё. Солнце – свет, солнце – тепло. Существовала бы жизнь на Земле без Солнца? Но как мы днём работаем, находим различные занятия, устаём и восстанавливаем утраченные силы ночным сном, так и солнце ночью отдыхает и набирает силы для следующего дня. Поэтому не нужно огорчаться.

– Мама, а вдруг солнышко не проснётся?

– Не дай Бог, дитя моё, это невозможно. Правда, есть люди, которые спят и не просыпаются, но есть миллионы людей, и тот факт, что некоторые из них уходят из мира, ничего не меняет. Но Солнце единственное, и его сила равна силе миллионов. Оно создано дарить свет и тепло людям на земле.

Однажды мать прочитала ему книгу о добром дожде. В далёкой стране из-за засухи горели поля для посева. Люди молились, чтобы небеса подарили им дождь. В то время на небе было только одно черное облако, и оно было очень далеко. Мольбы людей дошли до облака, оно обошло все другие поселения и пролилось сильным дождем на землю молящихся.

Муса таким образом узнал, что мир не лишён облаков-спасителей.

Следующим летом они поехали отдыхать в Пятигорск. Этот курортный регион Северного Кавказа пользовался большой популярностью. Минеральные воды считались лекарством от тысячи недугов. Мирза Махмуд подарил своим любимым жене и сыну счастье увидеть этот загадочный уголок. Они сняли дом, каждое утро выходили на прогулку и возвращались домой на закате. У хозяев дома была дочь – ровесница Мусы. Это была склочная, капризная девчонка. Однажды они поругались с Мусой из-за игрушки. Девочка поцарапала Мусе лицо. А он в ответ побил девочку. В это время Набат разняла детей, отвела Мусу в угол и сказала:

– Дитя моё, Бог создал мужчин и женщин. Бог дал мужчинам непобедимую силу. Они способны создавать и выполнять самые сложные задачи. А женщины – существа нежные, слабые. Бог дал им не силу, а любовь и человечность. А теперь задумайся, правильно ли мужчине бить женщину?

Муса понял свою ошибку. Это объяснение сразу запечатлелось в сознании ребёнка, оно будет сопровождать его на протяжении всей жизни.

В то время восточные женщины не умели читать и писать, не тянулись к этому, исключения были возможны в очень редких случаях. Набат-ханым была именно таким исключением. После того, как она пришла в дом Мирзы Махмуда как невеста, она за короткое время научилась читать и писать как на тюркском, так и на русском языке. Можно ли не любить такую мать? И Муса очень любил свою мать. Вскоре мать подарила ему брата. Мирза Махмуд назвал второго сына Исой. Это было в 1913 году. Мусе только что исполнилось пять лет.

В восьми часах езды от Ашхабада находился райский уголок под названием Фирюз. Богатые ашхабадцы строили дома и любили отдыхать в летние месяцы в этих местах, в окружении гор и протекающей реки Фирюзинки. Мирза Махмуд обустроил здесь дом. Летом 1913 года он привёз сюда свою семью, здесь родился его второй ребёнок.

Однажды летом они посетили азербайджанский город Шушу, который с трех сторон окружали высокие и неприступные крепостные стены, а с четвертой – крутой труднопроходимый склон. С этого склона поднималась извилистая дорога со множеством серпантинов, соединяющая город с внешним миром. Знаменитая равнина Джыдыр простиралась прямо на краю обрыва. Внизу находился роскошный ресторан с постоянно играющим оркестром, который расположился посреди густого зелёного парка. Родители приводили своих детей в парк на прогулку, а молодые люди сидели и разговаривали на лужайках. Население в основном состояло из азербайджанцев, которые проживали в нижней части города. Были и армяне, жившие в особняках.

Мирза Махмуд снял дом в центре района Ходжа Марджанлы. Двухэтажное белокаменное здание с выступающим балконом гармонично смотрелось с белокаменной дорожкой. Рядом с ними красовались мечеть, баня и небольшой сквер, а чуть дальше располагались ремесленные мастерские.

Мирза Махмуд, заселив семью, вернулся в Ашхабад. Иногда бабушка Гюлер смотрела за Исой, а Набат брала Мусу на прогулки по Шуше:

– Муса, ты знаешь, что говорят о Шуше? Город называют маленьким Парижем, консерваторией Закавказья. Здесь такие певцы-ханенде, такие исполнители на таре, что, когда они поют, играют, прилетает соловей и садится им на плечи.

Однажды они пошли посмотреть дом известного шушинского ханенде Садыджана, и внимание Мусы привлекли несколько сгоревших домов. Он спросил у матери, отчего они сгорели, и мать рассказала, что в 1905 году в городе произошло армяно-мусульманское противостояние, и город был сожжён.

Набат не пустила Мусу напиться воды из источника Ходжа Марджанлы, она боялась, что у него заболит горло. Увидевший это старик с арагчином¹ на голове улыбнулся и сказал, что от природной родниковой воды горло болеть не будет. С того дня и до самого отъезда Муса каждый день пил ледяную воду из источника и получал от этого удовольствие.

Как-то, проходя мимо мастерской медника, они остановились и наблюдали, как искусно мастер изготавливает изделия из серебра. Набат, указав на сложенную готовую посуду, спросила мастера, зачем нужно делать столько серебряной посуды, разве все это покупают? Улыбнувшись, Мастер рассказал о традиции мусульман в Шуше, которые покупали только столовое серебро. Набат также купила пять серебряных подстаканников, по одному для каждого члена семьи. Муса поинтересовался, зачем они нужны, а Набат улыбнулась и сказала, что будет подавать в них стаканы с чаем, чтобы не обжечь руки.

С рождением второго ребёнка любовь Набат к Мусе ничуть не убавилась, но из-за грудного малыша она не могла, как раньше, проводить с Мусой столько времени. Но как только находила минутку, то выводила Мусу на прогулку, обнимала его, целовала и нюхала его густые волосы.

Они часто выезжали на телеге с извозчиком на прогулку за город. Тогда Набат старалась показать сыну что-нибудь новое:

– Муса, посмотри, какие красные горы, покрытые маками. Знаешь, горные цветы бывают более ароматными?

– Муса, как низко летают ястребы. Вероятно, они нападут на чью-то овцу или на кур.

– Муса, вслушайся в шум реки, насколько он совершенен — словно гениальнейшее музыкальное произведение...

Глава 7

Что здесь самое красивое? Пение птиц. Они пели на разные голоса, но синхронно и слаженно, словно ими управлял дирижёр. Слушая их, казалось, действительно, душа успокаивается. Прекрасными были и частые дожди. Запах влажной земли и окружающей зелени создавали совершенный аромат. Вдыхая воздух, ощущаешь чудесную лёгкость.

Деревня Перхушково относится к Одинцовскому району Подмосковья, расположена вдоль Можайского шоссе. Когда надежды Назима на Дорогомиловский рынок не оправдались, и он начал работать на Москворецком рынке на юге Москвы, он в первый же день работы выразил желание снять квартиру неподалёку.

¹ Арагчин — восточный головной убор, стёганая шапочка.

Тогда Аслан заявил, что снимать квартиру здесь довольно дорого, а вот Подмосковье – идеальный вариант. Просто немного устанешь в дороге и потеряешь время, но точно можно сэкономить. Поискали, расспросили – и выбрали вариант Перхушково. Назим ездил на электричке, это было удобно. Единственной трудностью была полуторакилометровая прогулка от станции «Перхушково» до съёмной квартиры, но со временем он и к этому приспособился.

По мере того, как человек привыкает к новому месту жительства, начинает одну за другой изучать самые интересные достопримечательности, он узнаёт о нём некоторую информацию. Эта деревня полностью утопала в зелени, берёзовые леса создавали впечатление сказочного мира. Журчание протекающей сбоку речки Медвенки дополняло эту красоту. По соседству была ещё одна деревня – Трубачеевка. Виллы богатых людей располагались по трём другим сторонам. Московская элита, не упускавшая возможность насладиться этой красотой, любила селиться здесь ещё с советских времён.

Среди достопримечательностей села для Назима новый восьмиэтажный небоскрёб не имел особого значения, но его очень интересовали исторические постройки, Лужецкий монастырь и усадьба Перхушково, которыми гордились и посещали местные жители. Когда он только приехал и почти каждый день общался с Зарнишан и детьми по видеосвязи, он рассказывал жене о некоторых особенностях Перхушково.

– Когда-то это было собственностью дяди известного писателя Герцена.

– Во время русско-французской войны здесь ночевал император Франции Наполеон.

– В советское время здесь располагался дачный посёлок Академия, где жили известные советские академики. Говорят, что среди них был и один азербайджанец.

Поэтому Назиму было легко найти адрес, указанный в газете. Это оказалась одна из дач с высокой черепичной крышей в посёлке Академия. Он позвонил Аслану, сказал, что опоздает на работу, и решил найти это место рано утром. Поскольку вечером после работы, когда он доедет, здесь уже никого не будет.

Когда он увидел дощечку, не заметную с первого взгляда, то онемел. Он и в грёзах не мог бы себе представить, что дом-музей, куда он пришёл устраиваться сторожем, принадлежал его соотечественнику.

Он несколько раз подряд прочитал слова «дом-музей заслуженного академика Мусы Алиева», позвонил в дверь и на вопрос «Кто там?» по домофону ответил: «Я пришёл по объявлению о работе в газете». Назим вошёл, как только дверь открылась. По коридору он попал в зал через открытую дверь. Мужчина лет шестидесяти пяти – семидесяти, сидевший в зале, встал, они пожали друг другу руки и поздоровались.

Сцена знакомства была очень впечатляющей.

– Вадим Борисович.

– Назим Мамедов.

– Как? Вы азербайджанец?

– Да.

– Какое приятное совпадение! Судьба не может просто так привести азербайджанца работать охранником в доме-музее Мусы Алиева. Случайностей не существует. Если каким-то ветром занесло вас из Азербайджана в Москву, в Перхушково, с намерением найти работу, если эта работа связана с именем вашего знаменитого соотечественника, то это переломный момент, обещающий коренные перемены в вашей судьбе.

Со слезами на глазах Вадим Борисович рассказал, что его отец и академик Муса Алиев когда-то работали в одной сфере, что его отец своей карьерой обязан Мусе Алиеву, и что его семья в долгу перед этим человеком, который верно служил своей стране и народу, занимая высокие посты в Баку и Москве на протяжении всей своей жизни. Муса Алиев был феноменальной личностью, рождающейся раз в столетие.

Вадим Борисович предложил Назиму чай. Тот, почувствовав жажду, сразу согласился. Странно, в Азербайджане можно комфортно переносить сорокаградусную жару, ведь климат там преимущественно сухой. Здесь же невозможно выдержать тридцатиградусную жару из-за высокой влажности.

Вадим Борисович включил электрочайник. Не прошло и двух минут, как налил каждому по чашке чая, открыл сахарницу, наполненную карамелью, и сказал:

– В истории было много государственных и общественных деятелей. Было немало людей, совершивших великие дела и вписавших свои имена в историю. А вот в отношении Мусы Алиева ситуация совершенно иная. Дело в том, что этот человек – школа жизни. Закон жизни написан на каждой странице его истории. Если молодое поколение усвоит эти законы и применит их, оно сможет успешно выйти из самых критических периодов.

Назим вспомнил «книжного червя», рядом с которым они вчера сидели в электричке. Тот тоже говорил подобные вещи и подчёркивал важность изучения судеб известных людей. Назим проигнорировал тогда его слова. «Судьба даётся от Бога. Книги не могут изменить это». Он остался при своём мнении.

После чаепития они вместе осмотрели дом-музей, Вадим Борисович показал вещи, картины, письма покойного академика и дал краткий комментарий к некоторым из них.

Оказалось, что музей ещё не функционировал, только создавался. Вадим Борисович планировал зарегистрировать музей и начать официальную деятельность до конца года по согласованию с родственниками покойного, проживающими в Баку. Он бывал здесь днём, но ночью ему требовался охранник. Вадим Борисович решил взять под защиту это место, так как на близлежащих дачах стали нередкими случаи воровства. Среди вещей академика были старинные украшения, которые носила его мать во время проживания в Шамахе в прошлом веке, интересные сувениры, которые он привёз из Алжира, где в своё время работал, а также дорогой туркменский ковёр. Всё это могло стать настоящим сокровищем для домашних воров.

На большом портрете был изображён приятный на вид мужчина, с устремлённым вдаль взглядом. Академик Муса Алиев.

Слева от большой вазы снимок – красивая женщина в длинном черном платье с широкой пряжкой на поясе, с арагином на голове и блестящими украшениями на шее. Это мать Мусы Алиева. Снимок справа от вазы – мужчина в черном пальто, черном шарфе и белой рубашке – отец Мусы Алиева. На другом снимке во дворце с колоннами и вышитым ковром на полу стоят и смотрят в объектив четыре человека – двое в офицерской форме, двое в штатском. Трое из них сидят, один стоит. В центре сидящих – Мамедтаги Алиев, дядя Мусы Алиева. Еще на одном фото – старшеклассник в белой рубашке, черных брюках и кепке изображён стоящим перед сделанной им самим моделью самолёта. Он радостно улыбается. Это Муса Алиев, память из юности.

Предметы тоже были интересными. Одним из них был огромный ковёр во всю стену – лёгкий, изящный, с необычным узором, из тонкой овечьей шерсти ручной работы. В правом нижнем углу ковра находился брелок, надпись на котором сразу привлекла внимание Назима. Оказалось, что этот ковёр был удостоен второй премии как лучший ковёр на республиканской выставке в Туркменистане в 1927 году.

Привлекла его внимание и широкая, прочная никелированная кровать. Никель сверкал огнём, узоры подножек приковывали взгляд. Кровати такого размера сейчас не производятся, нынешние в два раза меньше. У неё тоже была бирка, где сообщалось, что кровать произведена в Варшаве в 1906 году.

Сохранившаяся в стеклянном футляре золотая цепочка с большой подвеской, на которой изображена голова дракона, вызвала неподдельный интерес. Это был настоящий антиквариат.

К тому времени, как Назим вышел из музея, он многое узнал своём соотечественнике-академике. Он спустился немного от посёлка Академия и дошёл до ряда домов, где жил. Здесь на дороге стоял огромный дуб, выглядевший одиноким среди окружающих его берёз, и Назим любил сидеть под ним на деревянной скамейке, когда у него было время. Это дерево было похоже на росшее в тридцати шагах от их дома в деревне. Дуб в деревне был немного больше, мальчишки оставляли письма девочкам в его дупле. Назим сидел здесь, срывал дубовый лист, тёр его в руках, и, когда он вдыхал его запах, словно на мгновение чувствовал аромат своей деревни.

Их деревня была действительно красива. Как и здесь, по одной стороне протекала река, а другая была окружена лесами. С той лишь разницей, что его деревня примыкала к горе, а здесь гор не было.

Почему человек не может найти счастья там, где он родился, почему он следует за ним в далёкие края? Может быть, если набраться терпения, бороться до конца, то и Назим сможет построить на родине ту жизнь, о которой мечтает? Он вспомнил историю, которую однажды рассказал на свадьбе старик из деревни, дядя Билал. Назим уже забыл, чья это была свадьба. Дядя Билал рассказал историю, когда за заработками из деревни уехали многие мужчины, кто в Баку, а кто в Россию. Суть истории такова: жил-был один охотник. Взяв ружьё, выходил он одним утром из дома с мечтой найти белого медведя. Бродил по лесам и горам, сменяли друг друга времена года, но ему не удавалось найти белого медведя. Тогда он, потеряв надежду, измученный, будучи стариком, возвратился в свой дом. И, к своему великому удивлению, обнаружил белого медведя, которого искал все это время, перед своим домом.

Глава 8

Дни не могут проходить одинаково. Они приносят радость или горе. В один миг можешь от счастья чувствовать себя на седьмом небе, а иногда от горя оказываешься в бездонной бездне.

Так же и 1913 год, уже принёсший семье радость, принёс и настоящее несчастье. Набат внезапно заболела, врачи поставили диагноз – туберкулёз. Мирза Махмуд рыдал от горя, когда услышал эту новость. Плакал и Муса.

Мирза Махмуд должен во что бы то ни стало спасти свою жену, это была единственная мысль, которая тревожила его. Врачи сказали, что для выздоровления Набат нужна новая квартира, где будет больше воздуха и простора. Мирза немедленно поменял свою квартиру в Ашхабаде на необходимое жильё за большие деньги. В этой квартире в зелёном центре города началось лечение Набат в очень большой, проветриваемой просторной спальне. Слуги, самые профессиональные врачи кружили вокруг неё как бабочки и делали все возможное, чтобы помочь ей выздороветь.

Мирза Махмуд пригласил из Петербурга лучшего врача-фтизиатра России, заказал и доставил из-за границы самые дорогие и труднодоступные лекарства. Врач из Петербурга пояснил, что с точки зрения атмосферы для больных туберкулёзом благоприятнее сельская местность, южный климат, высокогорные районы с сильным потоком воздуха, чем город, северный климат и низменные населённые пункты. Он также сообщил, что центр номер один в империи по лечению больных туберкулёзом – больница «Кумысолечебница», расположенная под Самарой. Там больным давали кумыс, то есть кобылье молоко, имеющее особую лечебную силу, применяли ванны, русские бани, специальную гимнастику.

Так вся семья отправилась в Самару. Помимо мужа, жены и двоих детей, с ними была ещё мать Набат – бабушка Гюлер. Мирза снял дом, где жили тёща с детьми, а Набат осталась в больнице. Всё это время Муса ходил мрачным. Ребёнок, который раньше никогда не отходил от матери ни на шаг, болезненно переносил эту разлуку.

Мирза одаривал подарками врачей, надеялся на Бога и на них. Наконец курс лечения закончился, они вернулись из Самары в Ашхабад, где состояние Набат снова ухудшилось. Она очень ослабла и начала стремительно худеть.

В те времена Муса даже не ходил играть с детьми во двор, он сидел рядом с матерью. Если нужно было куда-то пойти, слова «моя мама одна» пронзали его сознание и заставляли передумать. Поскольку туберкулёз — заразная болезнь, ситуация была очень опасной. Однажды лечащий врач предупредил Мирзу, что они по мере обстоятельств не разлучают грудного ребёнка с матерью, но старшего сына хотя бы уберечь надо. Что будет, если туберкулёз перейдёт от матери к нему?

В результате Мирза был вынужден под предлогом подготовки к гимназии поместить Мусу в пансион; шестилетний мальчик внезапно оказался вдали от дома, семьи, а главное, от матери. Он страдал из-за этой разлуки, тосковал и плакал по ночам. Мать тоже не выдержала разлуки и вскоре вернула Мусу домой.

Маленький Муса садился рядом с ней и читал ей сказки из книги, чтобы она могла расслабиться и забыть о боли. Он без перерыва читал стихи Пушкина:

*Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
...Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана.
...Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.*

Мирза узнал об источнике с целебной водой, где излечиваются все больные, он отвёз туда свою жену, но и это не помогло. Верующие советовали паломничество в Мешхед, где все молитвы бывают услышаны Всевышним. Они посетили Мешхед, но опять никаких изменений. Мирза делал все, что ему советовали, он хотел спасти любимую жену. Для этой цели он даже был готов потратить всё своё богатство. Но Набат переживала закат своей жизни.

В 1916 году Муса не был принят в гимназию, хотя успешно сдал экзамены. Существовал неписанный закон, согласно которому в гимназии могли учиться только дети христиан и дворян. И тогда Мирза отдал сына в коммерческое училище, где мальчик стал заниматься в начальной школе.

Говорят, лицо женщины перед смертью озаряется красотой. В последние дни своей жизни Набат, мучаясь лихорадкой, была похожа на ангела с белоснежным лицом. Как только Муса возвращался домой с занятий, он брал книги и бежал в комнату матери. При чтении то становился серьёзным, то улыбался, и его настроение передавалось матери.

*Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах...*

Однажды вечером мать лежала в постели, Муса стоял у двери и тихо наблюдал за ней. Мать позвала его к себе, чувствовалось, что сердце её жаждет обнять, поцеловать и приласкать своего мальчика. Но этого нельзя было делать. Слёзы покатились по щекам. Сглотнув комок в горле, она сказала:

– Муса, ты помнишь, как мы встречали восход солнца? Ты тоже стал моим солнышком, своим рождением подарил мне счастье. Дети всегда – солнце для своих матерей. Однако при виде твоего ума, совершенства, способностей, образа мышления, не свойственного детям, знаешь, чего я желаю? Желаю тебе быть таким замечательным человеком, таким ярким солнцем, рождённым не только для своей матери, но и для всех.

На следующий день, когда Муса возвращался из школы, он увидел во дворе толпу, услышал плач, примчался домой и увидел мать в постели с закрытыми глазами и улыбкой на лице. Его отец сидел на полу и рыдал.

Муса коснулся ледяного лица матери. Кто-то сказал, что мать умерла; услышав это, он потерял сознание. Это был сентябрь 1917 года.

Гораздо позже, в 1978 году, когда ему исполнилось семьдесят лет, он сидел в своей квартире в посёлке Академия в Перхушково и сочинял мемуары. По его слезам сразу же можно было понять, что Муса Алиев пишет отрывок о своей матери.

Несмотря на то, что прошло столько лет, её образ всегда был перед его глазами. И самой впечатляющей частью этих воспоминаний стало то, что он нарисовал платье и украшения своей матери, когда ему уже было семьдесят.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ

Мать, родившая ребёнка, девять месяцев носит его в своём чреве и питает своей кровью. Ребёнок должен всю жизнь служить матери, не перечить ей. Даже о простой обиде не может быть и речи, не говоря уже о безразличии к матери.

Любой ребёнок, отрёкшийся от долга перед матерью, проклят и не встретит в жизни добро, даже если мать его не проклинает.

Глава 9

Назим, бросив все в родной деревне, приехал в Москву не только из-за нужды в деньгах. Много чего произошло, некоторые обстоятельства напоминали пороховую бочку, готовую взорваться в любую минуту. Каждый вопрос имеет свой ответ, но иногда на заданные вопросы невозможно подобрать ответов.

Назим сошёл с автобуса и направился к зданию, на котором крупными буквами по дуге было написано «Москворецкий рынок».

Он всегда выходил из дома не позавтракав. Потому что завтрак – это специфический процесс приёма пищи, имеющий свои условия. На столе должны быть масло, сыр, сметана, яйцо и сладкий чай. Накрывать стол каждый день – значит, через каждые два-три дня нужно делать покупки. У него не было на это ни времени, ни желания. В час дня во время обеденного перерыва он одновременно и завтракал, и обедал. А вечером, приходя домой, либо варил сосиски, либо ел готовую китайскую лапшу, залитую горячей водой.

На рынок он явился примерно на полтора часа позже обычного, так как до работы заходил в дом-музей. Назим торопился: женщины не имели права получать товары, так как он сам подписывал квитанции, проверял товары и раскладывал их на прилавках. Вероятно, эта полуторачасовая задержка сильно повредит работе.

В стеклянном киоске узкоглазая женщина готовила и продавала пирожки с мясом, рисом и картошкой. Покупатели с удовольствием их ели. Аппетитным был и запах пирожков. Назим почувствовал, как у него заурчало в животе и потекли слюнки. Он должен был поесть. Подошёл к стеклянному киоску и спросил цену, по-

просил по две штуки каждого. Женщина завернула шесть пирожков в бумагу, протянула ему банку кетчупа и спросила, что будет пить. Он ответил: «Колу».

Пирожки действительно были очень вкусными и хрустящими.

– Узбечка? – спросил он женщину.

И невольно удивился ответу: «Нет, таджичка». Ведь таджики не бывают узкоглазыми. Он хотел ещё что-то спросить, но вдруг увидел Нияза, брата Аслана. Нияз доставлял товары на автокаре и контролировал два других прилавка Аслана на другом конце рынка.

Вчера Аслан сообщил, что Нияз, только что приехавший из села, сказал, что семья Назима в плохом положении, потому что тот не посылает им деньги. Прямо сейчас можно было бы узнать положение его семьи у Нияза.

Он позвал Нияза, чтобы поговорить. Увидев его, Нияз остановился, они поздоровались. Нияз попросил водителя автокара ехать дальше без него и стал ждать, что скажет Назим, которого он недолюбливал.

– Чего надо?

Нияз был женихом Сельмы, сестры Назима, они уже пять лет не могли пожениться и создать семью.

– Ты недавно приехал из деревни?

– Да, два дня назад.

– Аслан сказал, что наши жаловались, как тяжело им живётся. Тебе Зарнишан пожаловалась? Или ты это от Сельмы услышал?

Нияз, не скрывая ненависти, злобно ответил:

– Слушай, деревня маленькая, все обо всех знают. Необязательно, чтобы Зарнишан или Сельма мне что-то говорили. Продавец сельского магазина сказал, что думал, ты пошлешь деньги, закроешь долги за месяц или два. А ты, бедолага, не то чтобы закрыть долги – даже своей семье деньги не посылаешь, твоя жена хлеб каждый раз в долг берет.

Нияз был на год старше, но даже эта мизерная разница в возрасте давала ему право поучать. На что в ответ Назим пообещал со следующего месяца стабильно посылать своим деньги. Он извинился, будто это было его пороком, ошибкой перед Ниязом, и хотел загладить свою вину.

Нияз сказал:

– Твоя семья, твои родные – твоё дело. Я просто хотел дать понять, что не на правильном ты пути.

Нияз собирался уйти, но вдруг остановился. Пристально посмотрел на остолбеневшего Назима, державшего в руках пирожки, масло с которых каплями стекало прямо на его обувь. Резким тоном добавил:

– Отца твоего тоже видел. Он просил передать: найди Афласа и поговори, чтобы его двоюродный брат Мумтаз оставил нас в покое. Он сказал, что несколько раз предупреждал тебя, а ты не воспринял всерьёз и ничего не предпринял. А мать твоя сказала, что если из-за твоей безалаберности их выселят из дома, то она даже в могиле будет проклинать тебя.

Нияз ушёл, напрочь испортив настроение Назиму. Даже аппетит пропал. Положив пирожки, завернутые в бумагу, прямо на выступ, Назим зашёл на рынок. Товары уже были выложены на прилавки, женщины занимались продажей. Он понял, что Аслану самому пришлось выполнить работу из-за его опоздания. Он поздоровался с женщинами и прошёл за прилавки.

Мумтаз, двоюродный брат Афласа, начав работать на Дорогомиловском, за короткое время открыл свои точки ещё на нескольких рынках. Позднее на заработанные деньги открыл несколько кафе, и сейчас у него была целая финансовая империя. Создавая её, он жёстко обходился с соперниками-соотечественниками, имея цель их «обезвредить»: кого-то запугивал, кого-то избивал и выводил «из игры». Все про это

знали. В прошлом году он купил участок земли на стыке реки и леса в своей деревне, начал строить там туристический комплекс. Он планировал купить дома троих жителей села, живущих в отдалённой части, чтобы снести их и построить на их месте инфраструктуру. В отличие от двух других, отец Назима Аршад упорствовал и не желал продавать свой дом. На мужчину после безрезультатных попыток уговоров посыпались угрозы, сожгли стог сена, даже сбили экскаватором его корову, возвращавшуюся с пастбища. Но он был непреклонен.

Пока жили в селе, отец уговаривал сына противостоять Мумтазу и его людям, но Назим не нашёл в себе смелости. Как он мог противиться человеку при деньгах? Зачем наживать врагов? При каждом разговоре пытался уговорить отца: «Продай этот дом и построй новый, тебе нечего терять». Он понимал, что Мумтаз вложил приличные деньги в строительство и из-за одного дома не отменит планы, он просто этого не допустит. Ну зачем на ровном месте наживать себе врагов?

Лишь однажды, прошлым летом, когда Афлас пришёл и предложил поехать в Москву на заработки на Дорогомиловский рынок, спросил его, что сделать, чтобы Мумтаз оставил его отца в покое?

Афлас сказал:

– Ей-богу, ты не соображаешь. Мы строим там объект на десять миллионов, разве откажемся от этой затеи ради твоего отца? Но твой отец легко может отказаться от глупого упорства. Итак, решение проблемы зависит только от вас. Мумтаз предложил твоему отцу приличную сумму денег. Можем и тебе скинуть пять тысяч, если уговоришь отца.

С желанием заполучить пять тысяч Назим отправился к отцу, но в этот раз говорил уверенно, даже хотел мать подключить, как посредника, чтобы отца на путь истины направить. Обещав отцу, если тот ответит «да», потратить две тысячи на стройку нового дома, оплатить покупку дверей и окон. А его отец Аршад упирался, аргументируя тем, что этот дом достался ему от предков, и каким же он должен быть трусом, чтобы уступить его проходимцам. Отец обругал его и выгнал. В деревне пошли сплетни, что даже сын не поддержал старика Аршада, и причиной их стали угрозы Мумтаза. Если добавить ко всему этому слёзы матери, намёки отца, то становилось понятно, в каком положении был Назим. Он ничего не мог сделать.

Сейчас отец скорее всего хочет получить юридическую помощь от Назима. Он образованный, пусть поможет, найдёт адвоката, обратится в суд. Упирая на то, что «имущество моё, я его не продам, закон на моей стороне», поставил вопрос ребром и завёл Назима в тупик.

Как же ему уговорить отца? Поскольку Назим находится в Москве, то может выманить не только обещанные пять тысяч, но и воплотить в жизнь мечту работать на Дорогомиловском рынке.

Пришло сообщение от Любы. *«Зая, может, в кино меня сводишь?»*

Ответ написал сразу: *«Нет, любимая, я устроился на работу, по вечерам буду работать охранником. Чтобы денег побольше было».*

Не надо было этого писать. Тут же пришло очередное сообщение от Любы: *«О-о-о, как ловко придумал мой зайчик. Очень хорошо. Что это за работа? Слушай, зайка, давай возьмём машину в кредит на моё имя. Оплачивать кредит ежемесячно будем с зарплаты новой работы. Будем на колёсах».*

И так настроения не было. Она за секунду нашла куда потратить ещё незаработанные деньги. Сперва хотел написать «нет», объяснить положение семьи, как им тяжело, что хочет детям на нужды деньги послать. Но сразу передумал. А что, если Люба разозлится и бросит его? За уважение на рынке он обязан своей связи с Любой. Он что, должен от этого отказаться?

– Почему за картошку так дорого берёте, гражданин?

– Сами дорого берём, поэтому.

– Это же не мясо, а картошка. Какое вы имеете право продавать по такой цене? Черномордые скоты. Приезжаете и свои законы устанавливаете. Я буду жаловаться на вас.

Опять эта пенсионерка-демагог бастует, приходит раз в неделю и устраивает скандал из-за цен.

У него сильно заболела голова. Сказав: «Бабуся, дай мне лекарство от головной боли», он обратился к обеим женщинам одновременно. Женщина во фруктовой лавке достала из сумки таблетку анальгина и пластиковую ёмкость с водой и протянула ему.

Назим проглотил лекарство и выпил воды. Потом закрыл глаза и стал ждать, когда боль утихнет.

Глава 10

1917 год был обычным на первый взгляд. Но все годы одинаковы – они начинаются и заканчиваются в один и тот же день, в одно и то же время. Только кардинально отличаются по содержанию.

Классной руководительницей в коммерческом училище, где учился Муса, была очень надменная женщина. Как-то, когда дети шумели в классе, она придралась только к Мусе, прикрикнув: «Хватит безобразничать, облезлый татарин». Мусе настолько стало неловко от оскорбления учительницы и насмешек одноклассников, что он взял свои учебники и убежал из класса. Вернувшись домой, сказал отцу, что никогда больше не пойдёт в школу. После смерти матери психика мальчика и так была уязвима, а этот случай полностью выбил его из колеи. Как отец ни старался, уговорить сына не получилось. Он даже отвёл ребёнка к невропатологу, который посоветовал перевести Мусу на домашнее обучение. Отцу ничего не оставалось, кроме как нанять домашнего репетитора. Учителем был прилежный мужчина – Сергей Сергеевич. Большинство детей богатых дворян получали начальное образование дома, так что на образование Мусы это не оказало негативного влияния.

Сергей Сергеевич уже на первом уроке понял, что Муса намного опережает своих сверстников, поэтому начал урок весьма необычно. Он попросил убрать книги и тетради со стола. Удивлённый Муса, выполнив поручение, с большим интересом смотрел на учителя.

Учитель сказал:

– Сегодня мы отправимся в путешествие.

Когда Муса решил, что надо собираться, думая, что они действительно куда-то пойдут, учитель улыбнулся:

– Нет, друг мой, это будет воображаемое путешествие.

И он начал рассказывать о Франции, где ему довелось побывать несколько раз. Он так ясно и подробно рассказывал, словно брал Мусу за руку и вёл его по Парижу. Эйфелева башня, Лувр, Триумфальная арка, Мулен Руж... Муса словно видел эти чудеса своими глазами. Потом они отправились из Парижа в знаменитую провинцию Шампань – в обитель качественного шампанского, которое французские фермеры поставляют по всему миру. Старинные винные коллекции, слуги-лакеи, повозки с вином, цыгане, развлекающие гостей сумасшедшими танцами и пением... Как интересно было об этом слушать! На следующем уроке отправились в Испанию, и Муса с восхищением представлял себе шедевры мавританской архитектуры на юге страны. Муса настолько полюбил эти воображаемые путешествия, что заинтересовался географией. Потом история, математика, химия – учитель прививал ему любовь к каждому из предметов по-разному. Муса быстро усваивал уроки, поражал всех своим мышлением и речью.

Конечно, больше всего его успеху радовались отец и брат.

В то время в Ашхабаде прошёл слух, что скоро произойдёт армяно-мусульманское противостояние. Мирза Махмуд спорил с радикальными националистами, распространявшими эти слухи, и пытался объяснить масштабы бед, которые постигнут простых людей, если такое противостояние случится. Вскоре он создал комитет по примирению, собрав вокруг себя представителей интеллигенции обоих народов, проживавших в Ашхабаде.

Мирза Махмуд с беспокойством получал информацию со своей родины. Его брат Мамедтаги после роспуска Государственной Думы подал в отставку и переехал из Петербурга в Шамаху – на свою родину. Он привёз собственную богатую библиотеку и посвятил жизнь просвещению местных жителей. Мамедтаги боролся с неграмотностью населения, создав просветительский кружок. Он полностью отошёл от политики. Мамедтаги сказал брату, что в Шамахе и Баку относительно спокойно, но он также сообщил, что в России активны большевики, эсеры и меньшевики. На фоне ослабевшей царской власти восстания и революции неизбежны.

Мирза Махмуд вёл очень активную общественную жизнь. Он советовался с маленьким Мусой, как с равным себе взрослым человеком, о предпринятых им шагах, словно готовил его к великим и добрым делам. Глаза Мирзы Махмуда наполнились слезами радости, когда он смог открыть в Ашхабаде четыре класса школы для девочек-мусульманок. После смерти матери Муса впервые увидел отца радостным. Его отец нашёл подходящее здание для школы, купил оборудование и мебель. Он договорился с учителями и назначил им высокую зарплату. Все было готово ко дню открытия.

В день открытия Мирза Махмуд взял с собой и Мусу. Фасад здания был украшен разноцветными лентами, это была особая роскошь. Но их праздник длился недолго. Когда они вошли в школу, то пришли в ужас. Кто-то сломал всё – доски, парты, книжные шкафы. Разнесли всю школу. В тот же день Мирза Махмуд узнал, что это сделали мусульманские религиозные радикалы, которые считали обучение девочек в школе противоречащим законам шариата.

Девятилетний Муса видел разочарование отца, но видел также его силу воли, его решительность. Отец обратился к губернатору с просьбой обеспечить защиту школы, вместе с друзьями вложил деньги, купил всё заново и восстановил школу. Несмотря на опоздание на несколько дней, школа всё-таки открылась.

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ

Родитель – наилучший пример для ребёнка. Если родитель, которого он видит, каждый день лжёт, ругается, плохо себя ведёт по отношению к другим, избегает тяжёлой работы, затаивает обиду на других, проявляет зависть, сплетничает, имеет вредные привычки, это неизбежно отразится и на ребёнке. Ведь обычно ругаться, курить мальчик учится у отца, а девочки учатся у матери проклинать и сплетничать. Поэтому родителям следует скрывать все свои отрицательные черты от детей, подобных лакмусовой бумажке.

Мирза Махмуд реализовал успешные коммерческие проекты, активно участвовал в общественной жизни города, воспитывал сыновей.

А в октябре слова его брата Мамедтаги сбылись. В Петербурге был свергнут царь и к власти пришли большевики. Мирза Махмуд сидел с Мусой и обсуждал с ним сложившуюся ситуацию, как со взрослым человеком: «Моя интуиция подсказывает мне, что революция в Петербурге нам во вред. Не внушают доверия те, кто называет себя рабоче-крестьянской властью».

Муса увидел глубокую печаль, запечатлённую на лице отца.

Новый, 1918 год начался в полной неопределённости. Иса, младший брат Мусы, был очень слаб и часто болел. Это было связано с туберкулёзом, которым он заразился в детстве от матери. Муса, хоть и сам был ребёнком, вёл себя как взрослый, заботился о брате. Он играл с ним, учил алфавиту, читал книги. Но очередное обострение болезни сразило Ису так быстро, что ребёнок не смог оправиться. Муса получил второй удар от жизни: его брат скончался.

Его отцу тяжело было справляться с этой бедой, он плакал втайне, Муса тоже никак не мог смириться с потерей родных.

А вскоре из Азербайджана начали приходить страшные новости. Армянские дашнаки, пришедшие к власти вместе с большевиками, устроили массовые убийства. Масштабы резни в Зангезуре, Баку, Шуше, Губе и Шамахе были ужасающими.

Муса отрывками слышал разговор отца с соотечественниками, сердце от гнева чуть не вырвалось из груди. «В Зангезуре армянский генерал по имени Андраник предал мечу тысяч турков... Армяне разрушили Шахскую мечеть в Баку... В Шуше население отдало свои серебряные изделия медникам, из чего были сооружены две пушки, чтобы противостоять полностью вооружённым армянам... Шамахинскому ахунду отрезали нос и уши...» После таких известий Мирза Махмуд решил отправиться в Азербайджан. Он поручил Мусу бабушке, няне и учителю, поцеловал его, сказал: «Будь сильным, маленький мужчина». И отправился в путь.

Известие о резне в Шамахе взволновало Мусу: его родственники, дядя Мамедтаги и его семья жили в Шамахе. Он начал молиться за своего дядю, за свою двоюродную сестру Сону, которая была его другом с детства, и за других своих родственников. Стал с тоской и нетерпением ждать возвращения отца.

Когда армянские захватчики, вооружённые до зубов, напали на Шамаху, возникла паника. Беспомощные жители бежали, бросая свои дома и имущество. Азербайджанцы, будучи совершенно беззащитными, беспомощно уповали только на Аллаха. Мамедтаги Алиев не сбежал, а встал на защиту своего дома. Не сбежал, так как решил, что отдать отцовский очаг подлым врагам – бесчестие для мужчины. Более того, он не смог бы отдать свою библиотеку, в которой хранились бесценные редкие рукописи и старинные книги. Он, поручив свою семью брату Искандеру, добился его отъезда в Баку. А сам стоял перед своим домом и сопротивлялся врагу с помощью одной винтовки. Но что может сделать один человек против армии? Мамедтаги Алиев был зверски убит. Ненавистные дашнаки вынесли из его дома ценные вещи, подожгли книги, рукописи и другие вещи.

Когда Мирза Махмуд прибыл в Азербайджан, он уже знал об убийстве своего брата Мамедтаги. Смерть другого брата, Искандера, умершего в пути, стала очередным ударом. Без крова остались шестнадцать человек – это были женщины и дети. Среди них не было ни одного мужчины. Мирза ходил из деревни в деревню, искал своих, а когда нашёл их, маленькая Сона обняла его со словами: «Дядя Мирза, армяне убили моего отца». Они долго оплакивали родных.

Мирза спас своих близких, в том числе дочку брата Сону, и увёз с собой в Ашхабад. Это был очень тяжёлый и мучительный путь.

И вот в один из дней в дом, где жил Муса, вошли семнадцать человек. Он был опечален смертью своего дяди, но был рад, что его отец и Сона прибыли живыми и здоровыми.

Наступили трудные времена. Обязанность обеспечивать этих людей легла на плечи одного человека – Мирзы Махмуда. Смена власти, беспредел, беспорядок нанесли серьёзный ущерб торговле, и Мирза Махмуд переживал финансовый кризис. Ему нужно было обеспечить всех жильём и продовольствием. Бесстрашный, трудолюбивый и никогда не падавший духом Мирза Махмуд смирился с этой ситуацией и сумел обеспечить родных самым необходимым.

Но, как говорится, мы предполагаем, а Бог располагает.

На этом трагедии 1918 года не закончились. В последние дни года в Ашхабаде объявили забастовку железнодорожники, начались беспорядки, массовыми стали случаи грабежей и убийств. Дом Мирзы Махмуда несколько раз обстреливали, бросали в него камни и выбивали окна. Целью были богатые люди, приезжим уже было невозможно жить здесь комфортно. Поняв, что ситуация невыносима, холодным декабрьским вечером 1918 года Мирза Махмуд принял решение: ночью все они покинули Ашхабад и с большим трудом добрались до Баку. Мирза Махмуд снял дом для семьи брата Мамедтаги на улице Колодезной, а для себя, тёщи и сына – на улице Каменистой. Он разместил и других родственников, которых взял под свою защиту.

Мирза Махмуд уже не был богатым человеком, он потерял почти всё своё богатство. Каким бы он ни был трудолюбивым и глубоко усвоившим коммерческие правила, очень трудно что-либо сделать в Баку – городе, разваленном и опустошённом царской и последующей большевистско-дашнакской властями, где нехватка продовольствия и экономический кризис были на пике.

Мирза отдал Мусу в старший класс азербайджанской школы. Поскольку национальное правительство заботилось о родном языке, появилась потребность в обучении детей на нём. У Мусы, который, до этого момента получал образование на русском, появились трудности, посыпались «двойки». Но Мирза верил, что его умный сын вскоре привыкнет учиться на родном языке и улучшит оценки.

Бакинский период их жизни начался как время, полное лишений, без благ и удобств.

Глава 11

Внутри пахло свежесваренным чаем. Назим с удовольствием вдохнул этот запах, подошёл к Вадиму Борисовичу и поздоровался.

– Теща очень тебя любит, я только что чай заварил, – сказал Вадим Борисович, наливая ему чай в чашку.

Затем продолжил:

– Я знаю, у вас богатая чайная культура. Когда Муса Алиев разговаривал с моим отцом, я был свидетелем этих бесед. Он говорил, что чай растёт не везде, в Азербайджане есть только два региона, где почва всегда влажная, а небо облачное, ведь чайные листья не любят прямого солнечного света. Это Лянкяран-Астаринский и Загатайский районы. Он говорил, что выращенный там чай – самый вкусный чай в мире, а его аромат завораживает.

Эти слова об Азербайджане затронули сердце Назима, в мыслях он перенёсся в родной дом. И правда, чаепитие в Азербайджане не было простым утолением мгновенной жажды, это была целая церемония, ритуал, культура. Мать просила принести сухие ветки, чтобы вскипятить самовар. Отец отправлялся к роднику за водой. Сестра мыла стаканы и блюда, а затем собирала их на поднос. Как только отец возвращался с бидонами, наполненными родниковой водой, мать наполняла самовар. Стоял приятный запах горящих сухих веток. Они всей семьёй садились за большой стол во дворе, а отец приглашал соседей на чаепитие. Мать на стол ставила сахар, набат¹, разные варенья, в обязательном порядке на столе должно быть и печёное. Все наслаждались цветом и вкусом свежесваренного чая и долго беседовали.

Назим с детства знал всё о чае. Он знал, что натуральный чай долго заваривается. Чай, который сразу приобретает ярко-красный цвет, это полный красителя ненатуральный чай. Вот и чай, который заваривал Вадим Борисович, был из ряда богатых красителями, он понял это сразу по вкусу и размыто-мутному цвету, но не сказал, чтобы не обидеть человека.

¹ Набат – центральноазиатская и иранская сладость, местная традиционная разновидность леденцо-

Зарнишан тоже была любительницей чая. А ещё она любила шоколад. К родителям ездила, предвкушая не только радость от встречи со своими, но и чаепитие с шоколадом.

Интересно, что сейчас делают Зарнишан и дети? Он посмотрел на часы. Было почти восемь часов. Значит, в Баку почти девять. Его жена укладывала детей спать в десять часов. Дети, наверное, сейчас ужинают. Что они едят? Им есть что покупать? Скорее бы наступило лето, Зарнишан легче будет приготовить что-нибудь из фасоли, баклажанов и помидоров.

Ему так захотелось в этот момент оказаться вместе со своей семьёй... Посадил бы детей на колени и беседовал с Зарнишан.

Зарнишан и Зулейха были самыми красивыми девочками в классе. Если сравнивать, Зарнишан была красивее. Все мальчики тайно вздыхали о них. От сердечных признаний у девочек отбоя не было. А их было три друга – Назим, Шакир и Махад. Все трое втайне друг от друга были влюблены в Зарнишан. Остальным друзьям пришлось отступить, когда Назим первым заявил, что он увлечён этой девушкой и без ума от неё.

Назим был высоким и красивым, он был уверен, что Зарнишан его не отвергнет. Но произошло неожиданное. Это было в девятом классе. Однажды Зулейха сказала Назиму: «Подожди меня рядом с клубом после уроков». При встрече она призналась, что влюблена в него. Сердце начало так сильно биться, будто ещё чуть-чуть – и вырвется из груди. В этот момент перед его глазами появился образ Зарнишан. Он не мог вести двойную игру, Зарнишан всё равно узнает об этом. Дрожащим голосом он сказал Зулейхе: «Я люблю Зарнишан». Это было первое признание Назима. Он понимал, как обидел девушку. Но что он мог сделать? Ему надо было преодолеть все препятствия на пути к Зарнишан, другого выхода не было. После этой истории Назим решил как можно скорее открыть своё сердце Зарнишан. Но из-за того, что Назим отказал её подруге, она даже слышать о нём не хотела.

В то время Расим был самым избалованным в их классе. Пухленький мальчик из небедной семьи. Его отец договорился с дирекцией: он редко посещал уроки, но оценки ему ставили. Назима спасли отношения Расима с Зулейхой. Зарнишан забыла свою обиду за подругу и стала с ним общаться. Вскоре они признались друг другу в любви и поженились. Зарнишан поверила обещаниям Назима о счастливой семейной жизни. Ей казалось возможным, что он найдёт хорошую работу, будет в достатке воспитывать детей, подарит ей шелка, золотые украшения, впервые вместе полетят в Стамбул, Дубай и Москву.

Теперь она пишет: *«Я была подобна цветку, увяла в твоих руках...»*

Назим вздохнул.

Вадим Борисович смотрел в окно, долго разглядывал что-то, потом взял из музейных экспонатов пожелтевшие страницы, исписанные непонятным почерком, с многочисленными исправлениями, с очень мелкими пометками, и поставил их перед Назимом. Он так осторожно до них дотрагивался, будто боялся, что они рассыплются.

– Читать любишь? – спросил он Назима.

Назим покачал головой:

– Ненавижу.

Не ожидая такого резкого ответа, Вадим Борисович нахмурил брови:

– Почему молодые такие? Вас называют «поколением зет». Прагматичным поколением, которое высоко социализировано и ставит материальное выше духовности.

Вадим Борисович, положив бумаги на стол, подумал о чем-то и вдруг сказал:

– Я хочу, чтобы ты прочитал мемуары Мусы Алиева. Прочитал и ознакомился с его правилами. Каждый из нас следует своему пути. Мы идём, не видя конца. Это понятно. Но должны же мы под ноги смотреть.

У Назима в голове крутилось предупреждение Нияза.

Нужно было решить спорный вопрос, возникший между отцом и Мумтазом, иначе они могли предпринять неподобающие шаги. Мумтаз был очень богат. Когда человек материально обеспечен, все действия и поступки совершаются уверенно и решительно. А Назим – человек с дырками в карманах, даже семью прокормить не может. Кто он такой, как он пойдёт к Мумтазу и пригрозит ему, чтобы тот отстал от отца? Над ним только насмехаться будут. Мумтаз прикажет своим телохранителям вышвырнуть его вон.

Вадим Борисович задал вопрос и дожидался ответа:

– Я тебя спрашиваю, ты будешь читать или нет?

Он встал и вздохнул.

– Вадим Борисович, я про Ивана, вы про болвана. Ей-богу, если бы вы знали, какие у меня проблемы.

Вадим Борисович обиделся и ушёл. Даже дверь за собой захлопнул. Как только он ушёл, Назим налил себе стакан чая и решил дожидаться двенадцати часов, чтобы лечь спать.

«Интересно, что делают дети?»

Было без пяти минут одиннадцать. Значит, там без пяти минут двенадцать. Сейчас дети крепко спят.

Он взял телефон, чтобы написать Зарнишан.

«Здравствуй, Зарнишан». Не слишком ли сухо? Удалил и написал заново.

«Привет, душа моя». Какая душа? Всю душу ей вымотал, страдает она там. Удалил; не зная, что писать, отложил телефон в сторону.

Он очень устал. Сегодня помогал Аслану и Ниязу разгружать обувь, купленную оптом из Китая, на арендованный ими склад на улице Болотниковской, где находился рынок. Он чувствовал напряжение мышц, болело всё тело.

Позвонил Субхан. Не ответил, проговорив про себя: «Отстань от меня». Сел в кресло Вадима Борисовича, устроился поудобнее и закрыл глаза, чтобы задремать. Откуда-то перед глазами появился образ матери. Со словами: «Я не прощу тебя. Проклинаю!» она начала кружиться вокруг него.

Он открыл глаза.

Ему хотелось плакать навзрыд. Вот той ночью набрался же ведь храбрости, почему не покончил с собой? Почему не попрощался с этой жестокой жизнью раз и навсегда?

Он встал и пошёл в ванную, умылся холодной водой. Когда вернулся в кабинет, на глаза попались пожелтевшие рукописи на столе. Невольно вытащил страницу из середины стопки, внимание привлекла выделенная часть.

ПРАВИЛО ЧЕТВЁРТОЕ

Многое произошло и прошло. Главное, что, несмотря на все страдания, ты жив и здоров. Ничего, что душа всё ещё болит. Ничто в мире не происходит просто так. Если ты ещё не умер и дожил до сегодняшнего дня, значит, так оно и должно было быть.

Вчерашний день был дан не для сожалений, а для того, чтобы сделать выводы и извлечь уроки. Мысли должны быть направлены на завтрашний день, в будущее. Каждый час этого дня должен стать камнем, заложенным в фундамент замка, называемым завтра.

Это были какие-то загадочные и волшебные слова. Они привлекли и сразу же запечатлелись в памяти. Он сел в кресло и стал с жадностью читать рукопись.

Глава 12

Мирза Махмуд уходил из дома ранним утром в надежде заработать деньги, занимался любой коммерческой деятельностью. Муса же ходил на занятия, а после уроков с удовольствием присоединялся к одноклассникам и гулял по Баку. Он слышал, что самый красивый дом в Баку – это общественно-благотворительное здание «Исмаилия», построенное в центре города на Николаевской улице. Это здание возвёл бакинский миллионер Муса Нагиев в честь своего сына Исмаила пять лет тому назад. Муса неимоверно захотел увидеть это здание.

Во время первых прогулок он спросил про Исмаилию, и ребята отвели его посмотреть. Он долго смотрел, очарованный красотой и изяществом дворца. В Ашхабаде таких зданий не было. Каждый элемент здания, построенного известным польским архитектором Плошко в стиле венецианской готики – два купола, ризалиты, расположенные по вертикальной линии, стыкованные арки, экстерьер первого этажа, украшенный прекрасными картинами, контрфорсы, подчёркивающие монументальность, входная арка, резьба по камню, парадные ворота с множеством архитектурных деталей, – каждый из них впечатлял, являясь свидетельством чуда, созданного человеческим трудом. Почему-то, когда Муса впервые увидел это здание, построенное его тёзкой, у него возникло не только восхищение, но и мечта. Он представил себя большим руководителем, входящим в здание. Ему это понравилось.

На самом вершине дворца были написаны слова, но он не смог их прочесть. Это был старый алфавит, но не азербайджанский. Его охватило любопытство, что же здесь написано. Он спросил у прохожего, с виду похожего на интеллигентного человека. Мужчине очень понравился интерес ребёнка. По его словам, там на арабском языке было написано предложение: «Суeta мира неудивительна, удивительно то, как люди не теряются в этой путанице».

По улицам Баку часто проходили конные парады британских солдат. Однажды одноклассник Мусы по имени Дерья сказал, что взял у отца деньги, и предложил отправиться купить карты у британских солдат на Баксове. Муса увидел, как взволновались другие дети, и понял, что карты эти очень популярны. Но не стал спрашивать подробности. И они пошли. Дерья жестами договорился с английским солдатом, дал ему денег и купил набор игральных карт. Муса взял карты в руки, не поняв ничего, сказал: «А что тут такого, обычные игральные карты». Дети засмеялись. Дерья достал из колоды одну карту, поднёс к свету и сказал: «Смотри». Муса покраснел от смущения, когда на просвет появились изображения обнажённых женщин. Ведь мальчики были ещё маленькими для таких вещей. Он понял, что с одноклассниками ему не повезло ни в Ашхабаде, ни в Баку.

В детских воспоминаниях Мусы остался и парад, организованный на Приморской площади по случаю официального признания Азербайджанской Республики. Независимая Азербайджанская Республика была провозглашена 28 мая 1918 года в северной части Азербайджана. Власть перешла к националистической, но демократической и светской партии «Мусават». Поскольку Баку в то время находился под большевистско-дашнакским игом, национальное правительство действовало сначала в Тифлисе, затем в Гяндже, а после того как турецкая армия под командованием храброго турецкого генерала Нуру-паши освободила Баку от большевистско-дашнакских войск, столица с 17 сентября 1918 года перенеслась в Баку. Национальное правительство расположилось в красивом историческом здании на берегу моря. Муса несколько раз приходил к нему и внимательно наблюдал за людьми, строившими независимый и свободный Азербайджан. Он даже выучил их имена и фамилии. Главный человек – Мамед Эмин Расулзаде. Затем Халил Хасмамедов, Фатали Хан Хойский. Вон тот – Алимардан-бек Топчибашев, Насиб-бек Юсифбейли. А этот – Мустафа-бек Векилов.

Однажды дети, застав дороги к Приморской площади закрытыми, решили пройти туда по тайным тропкам через Ичери-шехер. Они были ошеломлены, когда увидели перед собой выстроившиеся в ряд автомобили послов разных стран, украшенные флагами. Оказалось, что решением Парижской мирной конференции 18 января республика была признана независимым государством. И по этому случаю в честь суверенного Азербайджана состоится парад.

Внезапно послышался шум. Подъехал украшенный фаэтон. Конвоиры быстро выбежали и открыли дверь фаэтона, вышел человек в черном мундире с золотой отделкой, черных брюках и высокой шляпе с узкими бортами. Это был посол основного государства-гегемона Англии, контролирующей политические процессы на Кавказе. Он своим самодовольным видом и пафосной походкой сразу дал всем понять, что он здесь главный вершитель судеб.

Затем начался парад. Солдаты республики маршировали рядами с высоко поднятой головой, приветствуя вновь созданную свободную республику криками «Ура!» Муса и его друзья присоединились к крикам радости. Муса хоть и был ребёнком, но после национальной дискриминации в Ашхабаде прекрасно понимал, что означают слова «Родина» и тем более «свободная Родина». Это был необычный парад, это было головокружительное предвкушение свободы народа, который годами стонал под игм царизма. На лицах каждого была бесконечная радость и гордость.

История – это не просто видеть и жить. История также – величайший наставник, у которого можно учиться и делать выводы.

Мартовский геноцид существенно изменил и облик, и население разграбленного и опустошённого Баку. На глазах уцелевших жителей тысячи детей, молодых, стариков, мужчин и женщин были расстреляны, заколоты штыками и сожжены заживо. Они остались на разграбленной родине в нищете, под властью иностранных хозяев. Создание национального правительства в первую очередь было для них спасением от фатальной участи.

В 1919 году Баку медленно приходил в себя. Тот факт, что национальное правительство создало губернии Карабах и Нахчыван и установило свою власть вдоль всех границ, говорил сам за себя. Большевики, эсеры и меньшевики, дашнаки не хотели отказываться от города, играющего важную роль в нефтяной промышленности и имеющего большое стратегическое значение в регионе. Отдельные эмиссары и сепаратисты пытались подтолкнуть местное население к восстанию, но эти усилия оказались напрасными. Недавно созданный орган специальной службы под названием «Организация борьбы с контрреволюцией» усердно защищал национальное правительство. Вскоре в Баку были открыты национальная библиотека и университет, начал действовать Государственный банк. По улицам снова забегала конка¹, магазины занялись продажей товаров, возобновили свою деятельность театры.

Приехав в Баку из Ашхабада в ту роковую декабрьскую ночь, Муса думал, что будет вечно жить в этом ветреном, пахнущем нефтью городе. Но все сложилось иначе. В конце года, пытаясь использовать свой последний шанс поправить состояние, Мирза Махмуд собрал у торговцев для сбыта товар и отправился в Турцию. Перед дорогой он обнял Мусу и сказал: «Маленький мужчина, теперь бабушка, Сона и остальные под твоим присмотром». На самом деле ему следовало, наоборот, доверить сына теще, но он знал детскую психологию. После слов отца Муса сразу вырос в своих глазах настолько, что мог присмотреть за остальными.

Муса тяжело переживал очередную разлуку с отцом. Впереди опять потянулись долгие дни, полные тревоги и ожидания.

В начале 1920 года Мирза Махмуд как раз закончил свои дела и готовился вернуться, как опять всё вышло из своей колеи.

¹ Конно-железная городская дорога.

В ночь с 27 на 28 апреля 11-я Советская армия оккупировала Баку и свергла национальное правительство. Это был очень тяжёлый день. Муса видел, как мужчины и женщины рыдали на улицах, потрясённые этой новостью.

Оккупация Азербайджана преградила Мирзе Махмуду путь в Баку. Бабушка Гюлер решила забрать Мусу и вернуться в Ашхабад. Советские власти захватили и этот город, но путь был открыт. Вернуться в Ашхабад, поселиться там в имении, оказаться в окружении живущих там родственников было для бабушки и внука лучшим выходом, нежели оставаться здесь голодными и надеяться на удачу. Самым доверенным человеком бабушки был Зейнал, её сын, живший в Ташкенте.

Внуку и бабушке пришлось вернуться в Ашхабад.

Неудобства и тяготы долгой, неудобной дороги забывается только в одном случае: когда в конце путешествия тебя ждёт благополучная жизнь. В противном случае к вашей усталости прибавятся оттенки разочарования и тоски. Когда Муса и его бабушка добрались до Ашхабада, первыми, кого они увидели, были солдаты Красной Армии, патрулирующие улицы.

Они дошли до своего дома, но от увиденного их ноги чуть к земле не приросли. На заборе дома, принадлежавшего Мирзе Махмуду, где Муса провёл детство и где остались воспоминания о матери, установили доску с надписью «Консульство Ирана».

Бабушка постучала в дверь и закричала: «Что за безобразие, объясните мне. Это имущество – собственность моего зятя Мирзы Махмуда Алиева. Это его родной сын Муса. Почему вы открыли консульство в нашем доме?»

Вышел человек и объяснил, что советская власть конфисковала это имущество, принадлежавшее кулакам, превратила его в государственную собственность и передала для эксплуатации иранскому консульству. Когда бабушка Гюлер начала кричать и требовать справедливости, к ней подошли советские милиционеры, пригрозили ей арестом и приказали немедленно уйти.

Уезжая, они заперли дом, полный дорогих вещей. За цену находящихся здесь ковров, декоративных ваз и картин можно было купить сотню таких поместий. Им сказали, что выдадут только никелированную кровать, стол и стулья, набор чашек и блюдец, набор вилок и ножей и большую сковороду.

Внезапно потерявшие все, бабушка и внук опустились прямо на землю и, обнявшись, заплакали.

Первым успокоился Муса и сказал:

– Бабушка, этот дом не принёс нам счастья. Здесь мы потеряли мою мать. Мы потеряли моего брата. Может быть, нам повезёт сейчас, когда у нас забрали этот проклятый дом. Во всём происходящем надо искать благо.

Его слова словно вывели бабушку Гюлер из беспомощного состояния и придали ей сил. В своё время Мирза купил тёще квартиру на улице Ставропольского. Та квартира была не очень дорогая. К счастью, её из-за неприглядности не тронули, и бабушка с внуком поселились там. Обустроившись, Муса первым делом вместе с бабушкой посетил могилу матери. Оба долго плакали у надгробия. Бабушка Гюлер сказала:

– Когда после потери самого дорогого человека приходишь на могилу, появляется его душа, чтобы заговорить с тобой. Поэтому надо рассказать о себе своему родственнику, который за тебя беспокоится, и обо всём ему сообщить.

На следующий день Муса побегал на встречу к своему любимому учителю – Сергею Сергеевичу. Необходимо было продолжать уроки. Единственная проблема заключалась в том, что бабушке нечем было платить. Но этот добрый благородный человек никогда не интересовался деньгами. Он был настроен бесплатно учить юного гения, чьё будущее он видел блестящим.

Зейнал, получив известие о приезде матери в Ашхабад, немедленно приехал из Ташкента и взял на себя расходы матери и племянника.

Когда зашёл разговор о приезде Мирзы Махмуда, бабушка Гюлер грустно сказала:

– Боюсь, Муса останется один. Я не верю, что Мирза Махмуд приедет сюда с другого конца света, потратив столько денег и стараний. Где находится Стамбул? Ему тридцать шесть лет. Он при деньгах. Предполагаю, что он там женится и больше сюда не вернётся.

1921 год оказался ещё хуже. Однажды утром Муса проснулся в лихорадочном состоянии. У него возникло воспаление в горле и носу, стало трудно дышать. Бабушка в панике вызвала на дом врача. Врач напугал бабушку, сказав, что нужна срочная операция. Бабушка позвонила и посоветовалась с Зейналом, а уже на следующий день собрала внука и уехала к сыну в Ташкент. Больной ребёнок, с температурой и с трудом дышащий, за такой длинный путь ни разу не пожаловался.

В течение месяца Мусе пришлось перенести четыре операции, по одной каждую неделю. Жена дяди Зейнала заботилась о Мусе как мать, но вместе с мужем они очень переживали, выдержит ли ребёнок эти непростые процедуры? Когда Зейнал поделился своими опасениями с бабушкой Гюлер, Муса твёрдо сказал:

– Я ничего не боюсь.

Ему вырезали аденоиды, устранили искривление носовой перегородки и, наконец, удалили полипы в носу. Без анестезии это были очень тяжёлые операции, руки пациентам привязывали так, что они не могли двигаться во время боли, которую терпели, иногда теряя сознание. Все были удивлены, когда Муса попросил не связывать ему руки, а во время операции он не издал ни звука и не двигался. Врач, опытный отоларинголог Журавлёв, признался, что никогда не видел ничего подобного. Откуда в жизни у тринадцатилетнего подростка столько хладнокровия, выдержки и воли?

Закончив четвертую операцию, Журавлёв спросил Мусу:

– Ты меня очень удивил. Взрослые мужчины двигают связанными руками, от их криков содрогаются стены. Ты слаб телом. Тебе тринадцать лет. Как у тебя хватило сил вытерпеть такую сильную боль?

Муса спокойно ответил ему:

– Человек может сознанием контролировать свою боль. Даже если он кричит или молчит, боль будет ощущаться одинаково. Не лучше ли договориться с ними, сказав, «о боль, добро пожаловать, я вас спокойно приветствую, я уверен, вы уйдёте, когда придёт время», чем кричать?

Журавлев остолбенел, и от удивления записал в свою тетрадку то, что сказал Муса. Он обнял его и поцеловал в лоб. Он отметил, что сказанное не является словами подростка – такое мнение свойственно мудрым профессорам. Прощаясь, он сказал: «У тебя светлое будущее».

После возвращения в Ашхабад у Мусы было две задачи: учёба и ожидание отца. Однако с течением времени вера в то, что его отец вернётся, стала уменьшаться. Когда бабушка видела его задумчивость, она утешала Мусу, пытаясь подготовить его к жизни, которую ему придётся прожить без отца.

Но в конце концов отец, потеряв более половины своего богатства и пройдя путь на лошадях и верблюдах, поездом и пароходом, проезжая через меньшевистскую Грузию, Советский Азербайджан и закаспийские поселения, прибыл в Ашхабад.

Бабушка Гюлер была очень рада его приезду. Она не верила своим глазам, что зять вернулся. Когда Муса увидел на пороге измученного страданиями отца, бросился к нему. Позже из разговоров отца и бабушки он услышит, через что прошёл его отец и какие страдания он перенёс, чтобы увидеть сына. И с того самого дня он поймёт, что отец для него не только отец, но и мать, брат, сестра, друг. Поддержка, помощь – одним словом.

ПРАВИЛО ПЯТОЕ

Сыновья, чтобы ни случилось, похожи на своих отцов, они хотят быть, как отцы. Они наследуют характер, осанку, взгляд, улыбку отца, учатся у них, как поступать в определённых ситуациях.

Отец любит сына так же сильно, как и мать. Если мать проявляет свою любовь, более хладнокровный отец всегда может скрыть свои чувства. Однако любой отец всегда готов пожертвовать ради сына даже своей жизнью.

Другое дело, смогут ли сыновья ответить на эту любовь взаимностью. Сын, проявляющий равнодушие к отцу, лишивший его заботы и ласки, не помогающий ему в трудную минуту – самый недостойный сын. Таким среди человечества нет места.

Поэтому сыновья никогда не должны подводить отцов!

Глава 13

Маленькая «хрущёвка». Двухкомнатная квартира. В одной комнате обои салатового цвета. Это спальня. В другой – фиолетового. Это гостиная. Узенький туалет, в котором нельзя руки в стороны развести, ванная чуть больше, и кухня такого же размера. Узкий балкон с видом во двор. Болотниковская улица, 85. Квартира Любы, обитель их любви.

Люба, как обычно, как только Назим вошёл и хотел было обнять её, протолкнула его в ванную. Дала свежее полотенце. Назим сделал всё как никогда быстро, но, как только вышел из ванной и бросился к Любе, она оттолкнула его и спросила:

– Когда мы едем забирать машину?

Назим хотел уйти от ответа, обняв её со словами: «Я скучал по тебе, моя дорогая, моя любовь». Люба оттолкнула его решительнее:

– Я тебя спрашиваю!

Назим сказал:

– Люба, на второй работе не такая и высокая зарплата, чтобы машину брать. Да ещё для автомобиля требуется первоначальный взнос. С этим как быть?

Подожёл Томка, довольно крупный взъерошенный кот Любы, и стал путаться под ногами Назима. Назим каждый раз покупал для Томки две-три пачки вискаса, как покупают ребятам конфеты, когда собираются пойти в гости. А сегодня в спешке не взял для него лакомства.

Люба занервничала:

– Назим, ты в своём уме? Значит, у меня никогда не будет собственного автомобиля? Если мужчина не выполняет желания женщины, тогда в чём смысл его жизни? Я что, просто так дарю тебе свою молодость?

Она заплакала и пошла на кухню.

Обычно в это время они уже находились в спальне, укрытые одеялами. Назиму пришлось подавить бушевавшую внутри страсть. Он позвал Любу.

– Люба, клянусь Богом, твой зайчик исполнит твоё желание. Просто наберись терпения, – он открыл холодильник, взглянул на продукты. Увидел колбасу и яйца. Даже если не было готовой еды, Люба может приготовить яичницу с колбасой. Как всегда, водка «Пшеничная», как украшение холодильника, была на своём месте.

Сегодня на работе он специально распланировал свои минуты и часы так, чтобы вечером прийти к Любе. И даже у Вадима Борисовича отпросился. Сказал, что едет в Рязань на похороны соотечественника. Чтобы не идти к Любе с пустыми руками, он попросил у Аслана небольшой аванс. Он каждый раз что-то покупал. Люба очень любила такие маленькие сюрпризы. Какие-то мелочи: бижутерию, чехол для телефона, капроновые чулки...

Но Аслан сказал:

– Совесть имей. Ты уже с зарплаты на три месяца вперёд аванс просишь, – и оставил с пустыми руками.

Ободрённая последними словами Назима, Люба посадила его за стол, чтобы накормить. Пожарила колбасу с яйцом и поставила на стол. Назим не пил уже несколько дней. В последний раз он пил в ту ночь, когда хотел покончить с собой, но это не в счёт. Сегодня планировал выпить, приятно провести время с Любой. Ведь жизнь его сильно огорчала, будто жизнь – это глубокий, бескрайний океан, а квартира Любы – маленький остров в нём.

«Повеса. Бессовестный кутила. Признайся, что ты негодяй, я прощу тебе эти деньги». Полученное сообщение испортило настроение. «И этот номер нашёл», – подумал он и отключил телефон.

Люба, увидев перемену в настроении, спросила, что случилось. Он не ответил. Поели и выпили половину водки. Назим обнял Любу. Она снова оттолкнула его.

– Зайчик мой, я выбрала машину. Я хочу китайский гибрид. Недорогой. Небольшой объём двигателя, значит, меньше расход топлива. Давай выберем из них.

Люба зашла в Интернет на телефоне и начала показывать машины, комментируя каждую:

– Красная, ярко-красная машина. Мои подруги лопнут от зависти.

Как бы Назим ни старался утащить её в спальню, ничего не получалось.

Люба была из Костромы, в семнадцать лет забеременела от любимого парня по имени Костя и родила дочь. Но он не признал ребёнка и ушёл в армию. После службы уехал в Тюмень. Таким образом, Люба воспитывала дочь Зину одна. Приехала в Москву, подрабатывала официанткой в нескольких кафе и ресторанах. В этом году Зина поступила в Технический университет. Расстояние от дома до университета было большим, девушка жила в общежитии вуза и приезжала домой по субботам и воскресеньям. В эти дни Люба никогда не встречалась с Назимом. Она не хотела, чтобы дочь о ней плохо подумала. Ведь она никогда не гналась за лёгкой наживой, а преодолевала все трудности ради счастья дочери. Для дочери Люба была идеалом. Что скажет дочь, если увидит мать с мигрантом с рынка?

Люба призналась, что после Кости в её жизни был только один мужчина. Её клиент. Каждый день приходил в ресторан, садился за угловой столик, заказывал салат оливье, бифштекс и красное вино. Люба обслуживала его охотно, потому что получала хорошие чаевые. Ему было около пятидесяти лет. Он зачёсывал полуседые волосы назад, носил аккуратные дорогие костюмы. Никогда не изменял своему классическому стилю. Люба из любопытства однажды посмотрела, на какой машине он ездит. Это был BMW седьмой серии. Разговоры между ними были сугубо служебные. Однажды он сказал Любе, что, если она свободна, приглашает её на романтический ужин на берегу озера в воскресенье. Люба неожиданно для себя сразу согласилась. Тот день, наверное, был самым прекрасным в её жизни. Ехали около двух часов, добрались до загородного дома, окружённого розами у искусственного озера. Они пробовали изысканные блюда. Потом начались постельные приключения. Люба была так счастлива в объятиях этого человека...

Рано утром мужчина отвёз её обратно в город. Люба верила, что после этого её жизнь полностью изменится, она оповестила дочь и даже кота, испытывая волнение от создания новой семьи. Но этот человек исчез и никогда больше не появлялся. Как будто месяцами приходил в этот ресторан, чтобы на один вечер сделать Любу своей. Так сказка закончилась.

– Зайчик мой, какую возьмём?

Назим наугад указал пальцем на одну из машин. Люба радостно закричала: «Да, у тебя отличный вкус, давай купим эту!» Она, как оказалось, и с процедурой покупки машины определилась: «Смотри, на нашей улице, прямо возле вашего рынка,

есть автосалон. Они берут десять процентов первоначального взноса и дают машину в кредит. Берём кредит в банке на первоначальный взнос, получаем машину и каждый месяц выплачиваем оба кредита».

Назим понял, что зашёл в тупик. Он бормотал, что погасить такой большой кредит будет трудно, но это не понравилось Любе.

– Назим, я цену себе знаю. Каждая женщина хочет иметь рядом с собой сильного мужчину. Зачем женщине мужчина только в постели? Женщина —создание, имеющее мечты, она живёт только для того, чтобы воплотить их в реальность. Я не коварная, я не эгоистка. Но я слабая, и жду, что моя сильная сторона воплотит мои мечты в реальность.

Люба сказала это и начала ластиться к нему. Обняв его за шею и поцеловав кончик носа, сказала:

– Разве ты не любишь меня, мой зайчик? Разве я не дарю тебе лучшие моменты в постели? Можно ли отказаться от меня?

Когда Назим страстно обнял Любу, она снова вырвалась из его объятий. Взяла кофейник, поднесла под кран и сказала:

– Давай выпьем кофе.

С мыслями: «А вдруг Аслан или Вадим Борисович будут искать? Зарнишан может позвонить?» Назим включил телефон. Тут же раздался сигнал нового сообщения.

«Повеса. Надо было натянуть на тебя платье за твоё негодяйство».

Он нервно выключил телефон: «Сам ты повеса, на себя самого надень платье», – пробормотал он.

Писал его друг Шакир, из-за которого за эти полгода трижды менял номер телефона, чтобы избежать его угроз, но Шакир каждый раз находил его новый номер и угрожал.

Он неохотно выпил кофе.

В голову опять полезли тёмные мысли. Долги, проблемы, те, кто не давал ему жить. Только эта женщина была его радостью. Отношения с ней начались с первого взгляда. Оказывается, и Костя у Любы тоже был смуглый. Женщина видела в Назиме своего Костю. В противном случае её внимание никогда не привлёк бы торговец с рынка другой национальности. Но её счастье было не только в мужчине, а в богатом мужчине, который воплотил бы её мечты в реальность.

А как этого добиться?

Внезапно все невзгоды комком встали в горле у Назима, и он зарыдал. Здесь, в этом глухом уголке Москвы, в узкой кухне этой женщины, его несчастья не знали конца и края.

Сколько бы Люба ни старалась, она не смогла его успокоить.

Глава 14

Советская власть была странной властью. Она создала имитацию структуры, которая угнетала богатых и служила бедным. Однако чиновники стремительно богатели. Было невыносимо, что вчерашний наёмный работник, неимущий, неграмотный, неумеющий элементарно писать своё имя, сегодня занимает высокое положение.

Мирза Махмуд не смог купить хорошее поместье, так как потерял значимую часть своего богатства. Он купил маленькую двухкомнатную квартиру, расположенную в доме с большим двором. Во дворе был красивый сад, где росли абрикосовые, грушевые, сливовые и вишнёвые деревья. Любопытный Муса, увидев, как соседка сажает овощи, попросил купить рассаду и посадил помидоры, баклажаны и редис. Когда созрела первая пара помидоров, он так кричал от радости, что все собрались во дворе. Как же прекрасно создавать что-то своими руками!

Сергей Сергеевич по-прежнему приходил каждый день. В один из этих дней он сообщил Мирзе Махмуду: «Мусе пора идти в школу, так как продолжение домашнего обучения может пойти ему только во вред». Но Муса настоял, заявив, что после несправедливости в школе он больше никогда туда не ступит ногой. Сергей Сергеевич заверил Мирзу, если он расскажет Ольге Ильиничне, директору семилетней школы, расположенной на площади Карла Маркса, недалеко от их дома, о проблеме Мусы, она лично займётся этим и не позволит кому-то его снова обидеть. Мирза сходил и поговорил с Ольгой Ильиничной – добродушной дамой. Ольга Ильинична сказала:

– Приведите своего сына ко мне на занятия второго сентября. Договоритесь с ним, если ему не понравится, пусть вернётся домой.

Так они и сделали. Муса пошёл в школу, хотя очень переживал, что кто-то назовёт его «татарчиком» или «облезлым», но его никто ничем не обидел, и, таким образом, он стал учеником этой школы. Не просто так просили, чтобы он пришёл второго числа, ведь первого сентября, в первый день учебного года Ольга Ильинична рассказала детям в классе печальную историю Мусы и попросила подружиться с ним.

Уроки литературы Ольги Ильиничны продолжили прививать Мусе любовь к чтению, которую в нём пробудила мать. Увидев это, Ольга Ильинична стала дополнительно давать ему книги для чтения. Первым стал том Майн Рида. Муса взял книгу домой и читал её с бесконечным интересом до полуночи. Отец, увидев, что сын не спит, спросил, что он читает. Он очень разозлился, услышав в ответ: «роман Майн Рида». По его мнению, романы были образцами бульварной литературы, сбивающей молодёжь с толку. Мирза наказал немедленно вернуть книгу учителю. Муса так и сделал. Когда он рассказал историю с отцом, Ольга Ильинична улыбнулась, дала ему второй том Майн Рида и сказала: «Возьми второй и прочитай, а первый дай почитать отцу».

Мирза Махмуд последовал указанию Ольги Ильиничны, которую безмерно уважал и считал спасительницей своего сына, и начал читать книгу. Он сразу понял, что был неправ. После этого он вместе с сыном читал книги, принесённые Мусой из школы.

На ашхабадском рынке был букинистический магазин, и Муса покупал там книги, как только у него появлялись деньги. В детстве он с интересом читал Джека Лондона, Уильяма Локка, Виктора Маргерита, Бласко Ибаньеса. Так сформировалась его личная библиотека.

Букинист Мамед, его земляк, хоть и торговал книгами, был неграмотным. В каждый приход Муса просил у него новую книгу. В один из визитов Муса снова спросил про новые книги. Мамед достал продолговатый том в шёлковом переплёте и сказал, что это запретное издание, и говорят, что отличная книга.

Муса прочитал название: «Мемуары императрицы Екатерины Второй». Он купил книгу и принёс домой. Он только начал читать, как пришёл отец и поинтересовался предметом его чтения. Увидев слово «Екатерина», резко отобрал у Мусы книгу и выбросил в мусор.

– Это аморальная книга, как тебе ума хватило принести её домой, – сказал он, разозлившись.

После этого случая Муса больше не покупал книги по рекомендации букиниста. Он выбирал сам, спрашивал Ольгу Ильиничну, покупал самые необходимые и постоянно увеличивал количество своих книг. Любовь к книгам, привитая со стороны матери и дяди, достигла апогея. Когда число его собственных книг достигло пятидесяти, он сказал отцу: «Дашнаки сожгли библиотеку с редкими книгами моего дяди и оборвали его жизнь на половине. Я постараюсь осуществить его мечту, создав богатую библиотеку».

Мирзу растрогали слова подросткового сына, и он крепко его обнял.

ПРАВИЛО ШЕСТОЕ

Книги предназначены не только для времяпрепровождения или образования.

Из прочитанных книг можно научиться, как быть хорошим и полезным человеком, как избежать зависти и эгоизма; книги могут привить чувства доброты, гуманизма и любви к Родине. Из книг также можно узнать о пути становления успешных людей и лидерских качествах.

Ещё одно из преимуществ книг в том, что они могут дать ответ на тысячу вопросов, показать пути выхода из тысячи трудных ситуаций, и по мере чтения они запечатлеваются в вашем подсознании. А эта информация может вам помочь справиться с бедами и трудностями, с которыми столкнётесь на определённом этапе вашей жизни.

Муса также научился мечтать и разговаривать сам с собой. Ему никогда не было скучно. Он погружался в свой собственный мир, неведомый другим. В этом мире были небесные дворцы и прекрасные люди. Эти духовно богатые люди наслаждались поразительной красотой окружающего мира. Под влиянием книг он чувствовал стыд, краснел, ненавидел себя, когда совершал ошибки. А самое главное – никогда не повторял своих ошибок.

Школа, в которой учился Муса, в царские времена была гимназией, а теперь называлась общеобразовательной школой имени Некрасова. Среди школьников не было местных туркмен, все были русские. Муса закончил пятый и шестой класс с отличием. Несмотря на то, что он был другой национальности, дирекция школы была впечатлена его примерным поведением, и поэтому его избрали старостой класса, председателем Совета школьников.

Однажды на уроке политэкономии он выявил ошибку преподавателя, который, сравнивая общества социализма и капитализма, заявил, что главное различие заключается в отсутствии прибавочной стоимости. Муса возразил своему учителю:

– Вы ошибаетесь. При социализме также существует прибавочная стоимость. Разница в том, что при капитализме они идут в карман капиталиста, а при социализме тратятся на построение социального общества.

Учитель очень рассердился, но вскоре признал свою ошибку, и благодаря этому случаю популярность Мусы в школе возросла ещё больше. Когда в школу приходила комиссия, каждый педагог вызывал Мусу к доске как самого примерного ученика. Когда он учился в седьмом классе, по его инициативе для мальчиков была создана группа под названием «СИВРЭН». Эта аббревиатура из слов СИ – сила, ВР – время, ЭН – энергия. Вскоре все школьники-мальчики приняли присягу и присоединились к ней. Важнейшими задачами учеников группы были «хорошо учиться, защищать честь школы и учителей, быть трудолюбивыми и настойчивыми, сохранять чистоту души и тела, по-джентльменски относиться к девочкам». Позже под влиянием присяги СИВРЭН была создана присяга скаутов СССР. Конечно, это было большим достижением.

Мечтательность Мусы не имела границ. Он мог часами смотреть в одну точку и мечтать. Когда Ольга Ильинична видела его в таком состоянии, не мешала ему: она объясняла детям, что мусульмане, в отличие от христиан, любят погружаться в свой внутренний мир и наблюдать за происходящим там.

Позже Муса увлёкся аэродинамикой. Он поставил перед собой цель: построить аэроплан. Умер Николай Жуковский, отец русской авиации, все вспоминали о том, как французский лётчик Луи Блерио впервые в мире перелетел через пролив Ла-Манш на собственном самолёте.

Эта сфера интересовала многих: «Как было бы чудесно самому соорудить самолёт. И взлететь в бескрайнее небо».

Муса раздобыл литературу по изготовлению конструкции самолёта с двухцилиндровым двигателем, прочитал её в течение месяца и приступил к практической деятельности. После уроков шёл в Красный уголок и работал до вечера. Иногда он так уставал, что засыпал там, уборщица будила его. Никто не верил, что он достигнет поставленной цели. В целом это была невероятная работа. Как один подросток смог соорудить модель самолёта и испытать её в деле, никогда не видев настоящего самолёта в небе, без практики, без образца, без помощи специалистов?

Крыло, корпус и хвост были готовы. Муса обмотал колеса проволокой. Поршневый двигатель также прикрепил к корпусу. Клей на картонных деталях высох. Собранные ожидали неудачи. Муса повернул винт с волнением, но в то же время с огромной уверенностью, и вся система заработала. Как такое возможно? Все были в шоке. После того, как дирекция школы увидела всё своими глазами, они выразили благодарность этому чудо-ребёнку. Самолёт отвезли на выставку, а самому Мусе вручили диплом первой степени и денежную премию в тридцать манатов.

Мирза Махмуд не мог поверить своим глазам. Его сын соорудил самолёт. Хотя это и было простым макетом, но это был первый самолёт, который Мирза видел в своей жизни. Обняв Мусу, сказал:

– Ты молодчина, маленький мужчина, – а потом грустно прошептал: – Как бы я хотел, чтоб и твоя мать увидела этот день.

Старшие классы Муса окончил с отличием. По окончании школы Мусе должны были выдать грамоту за его знания в области физико-математики и природоведения-биологии, но новый руководитель школы, человек по фамилии Рублёв, воспротивился присвоению грамоты одновременно в двух направлениях одному ученику. Ольга Ильинична попыталась вмешаться, но Рублёв сказал:

– Я провёл расследование, его отец контрреволюционер, бывший купец.

Ольга Ильинична пыталась противостоять ему, говоря: «Если вы пытаетесь защитить советское правительство от такого честного молодого человека, как Муса Алиев, то вы намерены воспитать ещё больше врагов против этого правительства». Но эта попытка была безуспешна. Более того, Мусе даже не выдали справку, необходимую для получения высшего образования в Москве.

Это был 1926 год. Когда Мирза Махмуд провожал на вокзал своего восемнадцатилетнего сына в Москву, он с гордостью посмотрел на него:

– Машаллах, мой сын вырос.

И впервые назвал его не «маленьким мужчиной», а «взрослым мужчиной», сказав:

– Я верю в тебя, взрослый мужчина!

Так отец и сын пережили очередную разлуку. Муса отправился в Москву, столицу огромного государства под названием СССР. Он немедленно посетил Красную площадь, Кремль. Увидеть это знаменитое место было его мечтой детства.

В городе происходили большие изменения: в рамках индустриализации и коллективного движения были построены и введены в эксплуатацию крупные заводы и фабрики. В том же году началась реализация новой советской идеологии в высшей и средней школе, каждый ученик и студент обязался хорошо учиться и проявлять примерное поведение, чтобы стать строителем коммунизма. Культурная жизнь города также была кипела. Внимание Мусы привлекли несколько выставок, театральных представлений и концертных афиш. Он думал, что будет рад учиться в этом большом городе, а кроме учёбы, он также будет следить за регулярными культурными мероприятиями. К сожалению, ловушка Рублёва сработала: институты не принимали документы Мусы, поскольку у него не было справки. Что делать? Вернуться назад в Ашхабад? Сделать два шага назад вместо одного вперёд?

Он мгновенно принял решение – и поехал в Баку.

Глава 15

Когда Назим, не справившись с проблемами и посчитав себя ничтожным и слабым перед ними, убежал сюда, он не предполагал, что давление и преследование будут сопровождать его и здесь.

«Повеса. Бессовестный кутила. Признайся, что ты негодяй, я прощу тебе эти деньги». Шакир, с которым он когда-то был закадычным другом, теперь его унижает.

Сегодня ему нужно было привести в порядок свои миграционные документы. Он отпросился у Аслана. При проблеме с документами больше неприятностей бывает у работодателя, чем у обладателя документов. Поэтому Аслан был сторонником того, чтобы всё было правильно. Но у Назима не было желания вставать и идти по нужному адресу.

Шакир со вчерашнего вечера начал писать, оскорблять. Обязательно надо сменить номер. Другого выхода нет. Пока Шакир найдёт новый номер, хоть на время, но будет спокойно. Но новый номер будет уроном бизнесу Аслана, ведь за последний месяц всем партнёрам Аслана для связи был дан номер Назима, изменение номера сулило потерю контактов.

Назим стоял за прилавком как вкопанный и смотрел в одну точку. Женщины пытались выяснить, что с ним происходит, но не могли добиться ответа.

История его дружбы с Шакиром и Махадом уходила корнями в детство. Они ходили в один класс и после окончания школы одновременно с Махадом поступили в вузы Баку. Шакир не учился, он перенял отцовское ремесло, работал автомехаником в центре района. Он чинил самые дорогие машины, руки у него были золотые. Когда Назим и Махад после окончания учёбы вернулись в село, Махаду улыбнулась удача: благодаря знакомству он смог устроиться на работу в региональное представительство мобильного оператора. Назиму не повезло, он остался без работы.

Они были очень близки, не разлей вода. Вечерами сидели в кафе Ризвана на обочине шоссе, пили чай или ели. Честно говоря, его друзья никогда не позволяли Назиму платить, не разрешали ему тратиться, так как он не работал. Сколько передряг пережили вместе, сколько споров разрешили... Шакир был сорвиголовой, «силовой структурой» этого трио. Махад обладал способностью убеждать, своим красноречием он мог разговорить кого угодно. Они называли его «мозговым центром». Назима называли «невезучим», потому что он не мог найти работу. Но они планировали, что как только он устроится на работу, сменят прозвище на «везучего». Иногда друзья давали Назиму деньги, чтобы как-то помочь.

У Назима было одно увлечение, которое он скрывал от друзей и семьи – он занимался ставками на футбол. Каждый раз утаивал немного денег и ставил на прогноз футбольных матчей. И всегда проигрывал. Если честно, никогда не играл на крупную сумму. А разве была у него эта крупная сумма?

«Черт попутал» – очень точное утверждение, не нуждающееся в приукрашивании. На ровном месте какая-то сила словно заставляет человека сделать неверный шаг, который в корне изменит его жизнь и приведёт к лишениям. Однажды Назим закончил свои традиционные поиски работы и вошёл в букмекерскую контору рядом с районным автовокзалом. До отправления деревенского автобуса оставался ещё час. Он намеревался поставить на победу больших клубов, которые проведут домашние матчи – «Барселоны», «Манчестер Сити», «ПСЖ», «Фенербахче» и местной команды «Карабах». На шесть коэффициентов поставить пять манатов. Если повезёт, то выиграет тридцать манатов. Тот «чёрт» как будто ждал его. Пока он заполнял свой купон, за соседним столом услышал следующий разговор:

– Стопроцентно матч продали. Это пять коэффициентов, ставь двадцать тысяч, возьми сто тысяч.

– Уверен?

– Уверен. Информация прямо из Италии. Некоторые по сто тысяч ставку делают на эту игру.

Он даже не знал этих клубов. Это был какой-то низший дивизион Италии. Клуб, занявший третье место, играющий дома, должен проиграть клубу, занявшему восемнадцатое место, с коэффициентом 5,05. Они были правы, ставь двадцать тысяч и за несколько часов заведи сто тысяч с лишним.

Назим, не раздумывая, набрал номер Шакира. Он точно знал, что у Шакира есть деньги, недавно свою машину продал. Конечно, он не сказал, зачем ему на самом деле нужны деньги. Ведь Шакир не только не дал бы ему денег, да ещё и отругал бы самыми последними словами. Поэтому он солгал, якобы деньги нужны для того, чтобы устроиться на работу с зарплатой две тысячи в месяц.

Шакир тоже был не лыком шит. Он допрашивал, хотел узнать, что за работа, где и как. Но Назим сумел выкрутиться под предлогом, что «это конфиденциально, потерпи немного, пока не могу сказать, что за работа». Он взял деньги, две пачки сотен, и своими руками отдал пузатому работнику игрового пункта. Он был настолько уверен, что заработает сто тысяч, что даже осведомился у мужика о возможности получения в пункте большой суммы денег. Оказалось, за деньгами надо будет ехать в Баку в главный офис. Деньги Назим даже успел распределить. Построит небольшой маркет рядом с воротами своего дома, выходящими на главную улицу села, и торговлей обеспечит нужды своей семьи.

Но в той игре хозяева поля назвали Назиму выигранные со счётом 6:0. Назим понял, какую ошибку совершил, только когда увидел эти страшные цифры. Двадцать тысяч ушли с потрохами. И что ему делать при встрече с Шакиром, как ответить на вопрос «что с работой»?

Целых три месяца он водил за нос Шакира, кормил завтраками. Но тот факт, что он ничего не говорил о работе, уклонялся от ответа, вызвали у него подозрение. Наконец Шакиру удалось узнать правду. Он сильно избил Назима, потребовал немедленно вернуть деньги. Больше всего Шакира бесило то, что его обманул друг. Друг, которого он знал столько лет, проиграл его заработанные честным трудом деньги на ставках.

Летом приехал Афлас и предложил Назиму поехать в Москву. Тот, предположив, что и денег заработает, и от Шакира спасётся, решился на этот шаг.

Таким образом, одна ошибка превратила двух его друзей во врагов.

– Эй, чёрненький, пошёл отсюда!

Стоявший перед ним бритоголовый подросток с ненавистью смотрел на Назима. Но ему ответили женщины за прилавком. Движение скинхедов, некогда царившее на московском рынке, уже прикрыли. Подобные вмешательства не были массовыми и не вызывали страха. Бритоголовый подросток укоризненно посмотрел на бабушку и пытался доказать, что необходимо избавиться от этих мигрантов, которые на рынке цены повышают, везде мусорят, притесняют девочек на улицах, и люди из-за них время в очередях теряют.

Назим хотел рассказать этому молодому человеку об азербайджанцах, которые оказали исключительную услугу России и русскому народу. Он знал об Али-Ага Шихлинском и Фармане Салманове ещё будучи школьником. Один из них имел исключительные заслуги в истории российского военного дела и был прозван богом русской артиллерии. А именем другого даже назван аэропорт в честь открытия нефтяных месторождений в Тюмени. Назиму хотелось поговорить о Мусе Алиеве, о котором он совсем недавно услышал. Но передумал: таких переубедить невозможно. Подросток ушёл, и Назим тоже ушёл с рынка, ничего не сказав женщинам. Он даже не знал, куда идти. Знал только одно: хочет, чтобы вечер наступил пораньше. Рукописи не на шутку захватили его внимание.

Глава 16

Баку, прекрасный Баку.

Судьба вновь привела Мусу в этот город ветров. Тот сильно изменился по сравнению с тем, что юноша видел семь лет назад. Первыми привлекли его внимание трамваи. Значит, трамвайный транспорт в Баку использовался так же, как и в Москве, и конки, которые когда-то медленно двигались по железным рельсам, ушли в историю.

Он сел в трамвай перед удивительным по виду Бакинским вокзалом и доехал до конечной остановки «Азнефть». Муса остался очень доволен этой поездкой, полной для него впечатлений.

В отличие от Ашхабада, где он жил, Баку выглядел более современным, будто город рос и становился все краше для того, чтобы конкурировать с европейскими столицами.

После возвращения сюда Муса каждый год стал замечать появление чего-то нового.

В этом городе между Балаханским и Сабунчинским районами была построена первая в СССР линия электрической железной дороги. Создана Азербайджанская киностудия, которая будет заниматься кинопроизводством. Было создано общество «Золотое перо», объединившее в своих рядах писателей.

Дом, в котором жила семья дяди Мамедтаги, находился на улице Колодезной, и Муса легко их нашёл. Тётя Сафура и Сона любезно встретили его. Последний раз он их видел, когда отправлялся в Ашхабад со своей бабушкой Гюлер. Это было в 1920 году.

Прошло ровно шесть лет. За эти годы Сона выросла и стала ещё краше. Она училась на втором курсе медицинского факультета.

Муса остановился у них. Он не сомневался, что поступит в институт.

Сафура удивилась, увидев тяжёлые корзины Мусы:

— Ой, дитя моё, ты что, весь Ашхабад с собой привёз?

Муса улыбнулся и сказал:

— Тётя, это книги.

Он привёз с собой всю свою библиотеку и попросил тётю Сафуру найти укромное место, чтобы спрятать книги. Этот дом был полон гостей, каждый день заходил кто-то из родственников Сафуры. Вот почему Муса беспокоился о том, что его книги затеряются. Тётя показала Мусе заднее отверстие навесного шкафа и сказала:

— Спрячь всё здесь.

Документы он подал на энергетический факультет Азербайджанского политехнического института. Была очень жёсткая конкуренция: 600 претендентов на 175 мест. Он был принят. И первое, что он сделал — купил на последние деньги студенческую фуражку. Студентов в Баку в то время было мало, и все, особенно девушки, завидовали тем, кто носил темно-зелёные студенческие фуражки. Муса вкусил это счастье.

С первых дней он ответственно подошёл к учёбе, стал ударником, причём полученной им стипендии в двадцать пять манатов с лихвой хватало на его расходы. Ездил в институт из дома своего дяди Мамедтаги, посещал занятия, вечером гулял с друзьями, а затем возвращался домой. Мрак тяжёлой и трудной жизни остался позади, в его судьбе взошло солнце.

Он учился и жадно читал книги. Проявлял особый интерес к театру и не пропускал ни одного спектакля. Студентов за билетами в театр и кино пропускали без очереди. Билеты стоили очень дёшево, всего двадцать пять копеек. Когда зал был полон, Муса и его друзья прислонялись к стенам бенуар-ложи и смотрели представление стоя.

В Ашхабаде не было театра, но в Баку он был очень популярен. В те годы театры действовали и в других частях Азербайджана – в Елизаветполе, Шуше, Шамахе, Нахчыване, Гусаре.

Особенно эффектно прошла премьера спектакля «Шах Исмаил». Правда, в культурной политике большевиков художественный фактор занимал второе место, основной была идеология. Однако обращение к классике могло застраховать театры от обилия номенклатурных пьес.

Главным новшеством, которое сохранило в памяти азербайджанцев 1926 год, стало событие, произошедшее 6 ноября. На столбах улиц города были установлены чёрные устройства, и всем было любопытно узнать, что будет дальше. Громко сказанные слова «Говорит Баку» услышала почти половина города. С этого дня в Азербайджане началось регулярное радиовещание.

...Разве жизнь не представляет собой сплошное чередование чёрных и белых полос? Неожиданно Муса заболел брюшным тифом. Позже болезнь вызвала серьёзное осложнение: сухой плеврит. Он похудел на пятнадцать килограммов и терял вес с каждым днём. Говорили даже, что он не выживет. Жена его дяди была вынуждена отправить сообщение Мирзе Махмуду, который быстро приехал из Ашхабада в Баку.

Муса лечился дома. Сона ухаживала за ним, контролировала, чтобы вовремя принимал назначенные врачом лекарства, ел, спал. Возможно, именно это и вернуло Мусу к жизни. Именно тогда между ними возникли нерушимые узы. Сона держала в руке лекарства, а Муса жаловался, что они горькие, словно яд, и отказывался. Тогда Сона, как в детстве, уговаривала, хвалила его за выносливость и отвагу, и Мусе приходилось пить всё до капли.

Те, кто говорит, что любовь появляется с первого взгляда, просто утописты. С первого взгляда можно только понравиться. Любовь – более сложный процесс. Её возникновение определяется не только взглядами, любовь рождается тогда, когда объединяются мозг, сердце и самое главное – душа.

Муса смог встать с постели на двадцатый день. Ноги не слушались, он чуть не упал, Сона схватила его за руку. Она принесла от соседей трость. Муса вышел из дома с тростью. Вместе они спустились из Колодезного к Баксовету.

Было первое мая. В СССР парад проводился дважды в год – 1 мая и 7 ноября. В мае – в честь Международного дня солидарности трудящихся, а в ноябре – в честь Октябрьской революции. Они вместе посмотрели парад и вернулись домой. Мирза Махмуд, не пожалевший ни денег, ни своего удобства ради выздоровления сына, был очень рад, что тот встал на ноги. Он обнял и поцеловал Сону, выражая ей огромную благодарность. Пробыв у сына ещё несколько дней, Мирза вернулся в Ашхабад.

Сона следила за режимом Мусы для его полной реабилитации в последующие дни. Она была очень умной, ответственной девушкой. Помимо учёбы работала бухгалтером, чтобы помочь своей семье.

Девушки и женщины начали сбрасывать чадру, что было очень нелегко. Консерватизм и суеверия настолько затмили людям взоры и заградили уста, что свободомыслие и современность подвергались гонениям. Жену покойного Мамедтаги Алиева, Сафуру, не смогла изменить даже жизнь в Петербурге и посещение зарубежных стран: она никак не снимала чадру. Но Сона чадру сняла, и не меняла своего решения даже несмотря на оскорбительные выражения в свой адрес.

Муса восхищался её характером и волей, но также и беспокоился о ней. В те дни убили восемнадцатилетнюю девушку, которая приехала из Губадлы, училась в Баку и жила по соседству с ними. Они были глубоко потрясены этим инцидентом. Вся азербайджанская милиция занималась поисками убийцы. И в конце концов выяснилась ужасающая правда. Девушку убили приехавшие из района отец и дед, «за то, что она опозорила свой род, скинула чадру, отказалась выйти замуж за богатого жениха и поступила в институт».

Бесправие женщин, навязанное царизмом, было на таком уровне, что сиюминутно устранить его было невозможно. Особенно от этого ига страдали молодые девушки. Иногда родители выдавали дочерей замуж, не спрашивая их мнения. Сватались обычно мужчины намного старше, некрасивые, но согласие родителей давалось только по одной причине: женихи были богатые.

Однажды к Соне пришли сваты очень богатого жениха, но ушли с пустыми руками. Она сказала:

– Я никогда не выйду замуж за того, кого не люблю.

Интересно, у неё есть любимый? Если есть, то кто это? Муса задумался.

В 1927 году Муса закончил первый курс и поехал в Ашхабад к отцу на летние каникулы. Сначала он посетил могилу матери и рассказал ей о своей жизни в Баку. За это лето он ещё больше сблизился с отцом. Отец купил ему в подарок огромный туркменский ковёр. Это был лёгкий, изящный ковёр из тонкой овечьей шерсти, сотканный вручную, с необычным узором. На нём была бирка, гласящая, что этот ковёр был удостоен в этом году второй премии на Республиканской выставке в Туркменистане.

Муса спросил, зачем ему ковёр, зачем отец потратился. Мирза Махмуд ответил:

– На Востоке дом – это место, где постелили ковёр. Надеюсь, когда у тебя появится собственный дом, первым ты постелешь именно этот ковёр.

Отцу тогда было сорок четыре года. Мусу волновало, что он жил один, и все женские дела по дому делал сам. Муса спросил отца, почему он не женится, ведь со дня смерти его матери прошло очень много времени. И добавил: пусть отец не беспокоится, так как он примет мачеху.

Мирза Махмуд ответил:

– Зачем мне жена? Скоро ты женишься, у меня появятся внуки, буду заниматься ими. – И после небольшого молчания добавил: – Твоя мать, умирая, взяла с меня обещание ни на ком не жениться и воспитывать детей. Я держал своё слово много лет, зачем нарушать его сейчас?

А ещё через некоторое время он со слезами на глазах произнёс грустным голосом:

– Мы любили друг друга. Мы любили настоящей любовью. Такая любовь бывает только один раз в жизни. Только смерть может разлучить таких влюблённых. Оставшийся возлюбленный живёт воспоминаниями об умершем до конца своей жизни. Это истина.

ПРАВИЛО СЕДЬМОЕ

Настоящую любовь человек встречает только раз в жизни. А те, что до и после неё – всего лишь имитация.

Настоящая любовь — это любовь, которая властвует над тобой самим, твоими мыслями, речью, даже твоим поведением, походкой и осанкой. Ты видишь образ любимого человека в собеседнике, в книге, которую читаешь, в фильме, который смотришь, и куда бы ты ни пошёл, взором ищешь его.

Эта любовь становится твоим правителем как физически, так и морально, ты становишься полностью поработанным любимым человеком и любовью.

Настоящая любовь никогда не приносит друг другу несчастья, не предаёт. Семьи, построенные на такой любви, вечные. Главное – понять, что любовь, которая пришла к тебе, – настоящая любовь, и тогда надо, не тратя её впустую, добиться воссоединения с любимым.

Глава 17

Начался сильный ливень. Женщины тут же накрыли фрукты и овощи целлофаном и побежали в укрытие. Позвали Назима, мокнувшего под дождём.

...Его деревня находилась в такой климатической зоне, где дождей было мало. Но когда шёл дождь, небо ревело как разгневанный зверь, а дождь лился как из ведра, погружая сразу всё вокруг в воду. По деревенским дорогам текла настоящая река. Если кто-то оставался в дороге без укрытия, сельские жители забирали его к себе домой, чтобы переждать дождь...

Не мы властны над воспоминаниями, но они над нами, настигая нас в самый неожиданный момент.

...Однажды такой дождь застал их в школе. Они учились в девятом классе. Была перемена. Все укрылись под большим навесом. Нарочно ли это было или так совпало, но они с Зарнишан стояли рядом. Капли дождя стекали по шелковистым волосам Зарнишан, катились по её прекрасному лицу. Назим был настолько опьянён этой близостью, что просто застыл, как каменная статуя, с восхищением наблюдая за своей возлюбленной. Перемена закончилась, но путь в десять шагов из-под этого навеса к входным воротам школы казался невозможным. Из-за сильного дождя ученики не сдвинулись со своих мест. Некоторые из них испугались молнии, сильного грома, чёрных туч, захвативших небо, сердито льющейся на землю воды. В тот день Назим был самым счастливым человеком на свете. Ему хотелось прожить всю свою жизнь под этим дождём, в шаге от Зарнишан...

— Ты что, маленький или тупой, ты что вытворяешь?

Оказывается, он застыл, как статуя, под дождём. Аслан втащил его под брезент, где укрывались женщины. И продолжил свою гневную речь:

— Что ни день, то праздник. Каждый день что-то вытворяешь. Ещё не хватало, чтобы захворал. Кто будет за тебя работать?

Промок до ниточки. Одежда прилипла к телу. Ему пришлось принять упрёки и от женщин.

Им не пришлось долго ждать, пока дождь прекратится. Внезапно тот остановился, чёрные тучи исчезли, взошло солнце и начало яростно нагревать землю. Как будто природа выполняла автоматический процесс, словно стиральная машина. Постирала, как одежду, потом отжала и высушила.

Аслан рассказал о вчерашнем отчёте и пожаловался на плохую продажу. Он сказал, что если так пойдёт, то он прекратит продавать овощи и фрукты и перейдёт на обувь. Назим задумался. Что с ним будет, если Аслан сделает это? Начал уговаривать Аслана: «Бывает иногда. В тот день меньше продали. Сегодня было лучше, пока не пошёл дождь, много чего продали. Овощей привози больше, денег у людей нет, поэтому на фрукты не обращают особого внимания, а картошку, лук и помидоры хочешь не хочешь берут, чтобы приготовить еду».

Он не знал, смог ли убедить Аслана. Он бы крикнул, чтобы привлечь покупателя, чего никогда не делал:

— Подходи, народ! Самые лучшие картошка, лук и помидоры! Вкусные яблоки, груши и апельсины! Покупайте у нас, будете довольны!

Аслан поправил огурцы, разложенные на прилавке: положил маленькие сверху, а большие снизу, затем среди картошек взял одну гнилую картофелину, выбросил в мусорный бак — и вдруг сказал:

— Вчера вечером кто-то сильно избил дядю Аршада.

Кровь в жилах Назима застыла.

— Как избил? Кто избил? Почему я ничего не знаю?

Родители были на него обижены и не разговаривали. Почему сестра ничего не сказала? Почему Зарнишан ничего не сказала?

Ему было ясно, кто мог избить отца. Но, сделав вид, что не в курсе, задал Аслану вопрос:

– Сильно избили, много побоев? Он тихий человек. Никого не трогает. Спокойно зарабатывает на хлеб. Даже в кафе или чайхану не ходит, чтобы сказать, что поспорил с кем-то.

Аслан пристально посмотрел на него и сурово сказал:

– Чего паясничает? Типа не понимаешь, в чём дело?

Ничего не сказав, Назим отошёл от стойки. Набрал Зарнишан в WhatsApp, но ответа не было. Написал. Одна галочка, а это значит, что Зарнишан не в сети. Возможно, у бедной вообще не было Интернета, поэтому она недоступна. Потом набрал сестру, но она тоже не ответила. Ей тоже написал. Сестра была в сети, она прочитала сообщение, но не ответила.

Он точно знал, где находится офис Мумтаза, Афлас отвозил его туда, когда он только приехал в Москву. Мумтаз лично поручил ему уговорить отца. Это было возле Дорогомиловского рынка. У Мумтаза была охрана, сотрудники и даже секретарша в короткой юбке, которая приносила посетителям чай.

Запыхавшись, добрался до метро, по указателю определил, в какую сторону идти и где сделать пересадку, и стал ждать поезд.

Через некоторое время он сидел напротив Мумтаза. На лице Мумтаза появилась фальшивая улыбка, он даже приказал секретарше принести ему чай. Назим нерешительно спросил:

– Почему приказал избить моего отца? Разве можно поднять руку на пожилого человека?

Выражение лица Мумтаза тут же изменилось. Он так сильно ударил по столу, что русский телохранитель, стоявший у двери, вздрогнул.

– Ты на меня наговариваешь?! С каких пор я приказываю людей избивать?! Кажется, с тобой по-хорошему нельзя.

Назим хотел что-то сказать, но вошла секретарша с чаем. Мумтаз крикнул ей, чтобы отнесла обратно. Затем он строго посмотрел на Назима и сказал:

– Ты хоть знаешь, что бывает за наговоры?! Я прямо сейчас вызову полицию, тебя запрут, будешь знать.

Мумтаз обратился к охраннику: «Саша, быстро принеси сюда мой телефон». Охранник передал ему телефон, тот начал набирать номер. Назим сглотнул комок, подкатившийся к горлу, и подумал про себя: «Только этого не хватало. Мумтаз влиятельный. Там приказал избить отца, здесь меня запихнёт в тюрьму. Как же я оттуда выйду? Кто мне руку подаст?»

Он сказал испуганным голосом:

– Кто-то вечером моего отца избил, может, знаешь, кто...

Мумтаз прекратил имитацию звонка:

– Вы с отцом в прятки со мной играете. Это последнее предупреждение. Иди подумай. Если не одумаетесь, это кончится плохо.

Назим встал и быстро вышел, всё ещё не веря, что живой и невредимый. Он уже начал отходить от офиса, как кто-то схватил его за руку. Повернувшись, увидел Афласа.

– Назим, стой, давай поговорим. Я поздно узнал, что ты к Мумтазу пришёл, почему я не в курсе? – оттащил его в сторону, там была белая перегородка.

Назим прислонился к ней. Афлас достал сигарету, сказал:

– Тебе не предлагаю, знаю, некурящий. – И закурил. Потягивая сигарету, начал говорить. – Мы с тобой братья, благодаря мне ты сюда приехал. Правда, я обещал, но не смог сдержать, ну, долг платежом красен. Скоро переведу тебя из Москворецкого на Дорогомиловский.

После подобного предисловия Афлас сразу перешёл к сути:

– Мумтаз очень упрямый. Ты его плохо знаешь. В этом деле он не отступит. Он дал тебе всего пять дней. Он сказал, что за пять дней ты должен уговорить отца, который сейчас находится в больнице, через пять дней придет нотариус и уполномоченный села и попросят его подписать документы. Если не хочет или не может подписывать сам, то пусть он даст тебе доверенность, ты, как его законный наследник, подпишешь здесь в нотариальном порядке. В противном случае Мумтаз просил на него не обижаться.

Назим хотел что-то сказать, избавиться от груза этих «пяти дней», попросить отсрочку или умолять их передумать. Но он словно потерял дар речи, не мог произнести ни слова. Афлас докурил одну сигарету и зажёл другую:

– Мы вложили в этот объект миллионы. Как назло, ваш дом в таком месте, что его невозможно обойти. После того, как купим, снесём ваш дом, вместо него построим склад по проекту. Для нас важен ваш дом и дом Тапдыга. Наверное, слышал, как Тапдыга уговорили. Он хуже, чем Аршад, упрямее.

Назим не знал об этом, поэтому спросил «как».

– Однажды пропала его дочь, которая училась в Баку. Всех спросили, но никто не знал, где она. Речь шла о чести семьи и тому подобное. Тапдыг был в отчаянии. Младший брат Мумтаза случайно встретил Тапдыга, который искал дочь в Баку. Узнал о проблеме и сказал: «Хочешь, я поговорю с Мумтазом, у него руки длинные, даже из-под земли её достанет». Таким образом, уверил его и ещё добавил: «О таких случаях нельзя сообщать в полицию». Отчаявшийся Тапдыг согласился и попал в эту сеть. Мумтаз якобы пообщался с авторитетами Баку, нашли похитителей и освободили девочку в обмен на деньги. Тапдыг, признавшийся, что он в долгу перед Мумтазом, был вынужден согласиться.

Афлас, закончив разговор и не сказав больше ни слова, направился к автобусной остановке. Мысли Назима путались. Его мучила жажда. Он оглянулся в поисках воды.

Значит, всего пять дней.

Глава 18

Красные флаги. Лозунги на каждом шагу. Школьники маршируют под барабанный бой. Комсомольские дружинники ходят группами и ищут буржуазию и контрреволюционеров. Все это стало обычным для улиц Баку.

Муса считал себя одиноким, поскольку рядом с ним не было родственников. Какой бы доброй ни была тётя Сафура, она не могла утолить его жажду по родительской заботе. Даже в институте он ни с кем не дружил. Для него все были просто однокурсниками. Ни к кому не привязывался.

Главной проблемой в институте стало его социальное происхождение. Советское правительство объявило «решительную борьбу с элементами, оставшимися от прошлого», в которой «элементами» считались дворяне и купцы. Муса вынужденно скрывал, что его отец до революции был купцом. Чтобы избежать преследований, в анкетах он писал, что отец был рабочим. Он прекрасно знал, что произойдёт, если откроется правда, поэтому жил в постоянном напряжении. В те дни его единственным другом была Сона. Только с ней он мог делиться своей радостью, тревогой и волнением, только ей он доверял все свои тайны.

Заведующим кафедрой палеонтологии и исторической геологии был Владимир Богачёв¹, которого считали легендой в области науки. Он сам позвал Мусу к себе на кафедру. Богачёв как никто другой видел талант юноши. И назначил двадцатилетнего студента своим ассистентом, а затем и лаборантом. Помимо стипендии, Мусе очень пригодилась зарплата в шестьдесят манатов. На первую он купил себе нарядный ко-

¹ Владимир Владимирович Богачёв (1881–1965) – русский и советский учёный-геолог и палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР.

стюм и пальто с воротником из бобровой шкуры. Не забыл и о подарках для Соны и тёти Сафуры. Отец был очень рад, когда услышал новость о работе.

Поначалу Мирза Махмуд, который хотел, чтобы его сын после получения высшего образования стал врачом, был огорчён тем, что он выбрал другую профессию, но, когда во время приезда в Баку сын отвёз его на нефтяные промыслы и объяснил, что добыча нефти стала возможной только благодаря самоотверженной работе геологов, он проникся уважением и одобрил выбор сына.

Мусу вдохновляла возможность быть помощником профессора. Влияние Богачёва в области палеонтологии, третичных отложений, особенно стратиграфии неогена, было огромным. Его знали и уважали не только в Азербайджане, но и во всём СССР. Нетрудно было ужиться с этим правильным, добрым человеком. Надо было быть справедливым, честным, старательным – и тогда дело шло на лад. Правда, работа в некоторой степени мешала учёбе, но Муса был честлюбив и собирался добиться успеха на обоих фронтах. Он отправлялся и в геологические экспедиции, выбирая при этом самые опасные. Благодаря своим знаниям и интуиции участвовал в открытии богатых месторождений золота, кобальта и молибдена.

Однажды они были на геодезическом практикуме и рисовали на площадке на окраине города. Муса был выбран старостой группы, которую возглавил военный топограф, служивший когда-то в императорской армии. Топограф приходил только по утрам, смотрел, как работают, и уходил. У одного из студентов был день рождения, и они отпросились у Мусы. Он не смог им отказать, отправил студентов домой, а сам остался на площадке. Один. В этот момент, как назло, пришёл топограф и с удивлением спросил:

– Где группа?

Что ответить? Решалась судьба не только Мусы, но и всех студентов. Не было сомнений, что этот суровый человек накажет ребят, самовольно покинувших практикум, и Мусу, закрывшего на это глаза. Вдруг откуда-то Муса вспомнил историю об облаке-спасителе, которую ему читала в детстве мать. Он посмотрел на небо и сказал:

– Был дождь, поэтому я их отпустил, а сам остался, чтобы сказать вам об этом на случай, если придёте.

– Какой дождь? В Баку дождя не было, – нахмурился топограф.

Тогда Муса быстро сообразил:

– Чёрные тучи прошли мимо города, но остановились над нашей площадкой.

Муса пальцем даже показал направление облака. Топограф кивнул и сказал:

– Хм. Это возможно. Но впредь студентов разрешается отпустить только в том случае, если пойдёт дождь и на площадке, и в Баку!

Таким образом опасность миновала.

ПРАВИЛО ВОСЬМОЕ

Человек способен найти выход даже в самой безвыходной ситуации. Просто нужно не теряться, быть хладнокровным, подумать и принять решение. В такие моменты нужен не только ум, но и фантазия, и эрудиция. Даже лёгкая неразрушающая и неопасная ложь может оказаться полезной.

Экспедиции, в которые они отправлялись, были интересны каждая по-своему, а после возвращения Муса рассказывал о них Соне. В этой веренице дел он наконец нашёл время зайти в книжный магазин, купил альманах «Золотые перья» и радостно принёс его домой. Но пришёл в ужас, когда открыл настенный шкаф, где хранил свои книги. Из всех его книг остались только четыре: Ранко, Геккера, Хеймаера и Брема. Тот, кто украл книги, не тронул этих четырёх авторов, потому что не знал их.

От обиды Муса заплакал. Он почувствовал себя на месте своего дяди, чью библиотеку сожгли в 1918 году. Сафура и Сона также были потрясены увиденным зрелищем. Довериться, впустить кого-то в свой дом – а он крадёт из него книги.

Сафура уже на следующий день определила вора. Этот был один из её близких родственников, который похищал книги по одной и продавал по хорошей цене.

В тот день Муса решил, что будет ещё упорнее собирать книги и создаст свою личную библиотеку.

Пришло время отправиться в следующую экспедицию. Им предстояло составить геологическую карту района поступления воды в Гусарское месторождение гравия. Эти четвертичные отложения имели богатый источник питьевой воды. Именно они дали воду Баку. Данные геологической экспедиции были необходимы для обоснования проекта строительства акведука Шоллар на втором этапе. При успешном завершении работы, возрастающая потребность Баку в питьевой воде была бы полностью удовлетворена. Ранее в Баку канал питьевой воды из Шоллара провёл известный миллионер Гаджи Зейналабдин Тагиев.

Они готовили карту бассейнов рек Гусарчай, Гудьялчай и Валвалачай на севере Азербайджана. В низовьях рек, в районе распространения третичных отложений проводились геологоразведочные работы. Проектом непосредственно руководил сам декан факультета Владимир Батури¹. Муса был принят коллектором в экспедицию. Батури был чрезвычайно худым, необщительным, замкнутым человеком. Из-за своей худобы он не лез в воду вместе со всеми, а уходил очень далеко, чтобы искупаться в речке. Единственным, с кем он более-менее общался, был Муса. Батури все свои задания передавал через Мусу, иногда они гуляли вдоль лагеря и беседовали. Общение руководителя с Мусой раздражало остальных участников экспедиции.

Всего в группе было четыре коллектора². Владимир Савкин и Михаил Усанов были однокурсниками Мусы, а Лида Продоранцева была прислана из Ленинградского университета.

...Это случилось во время перерыва. Они отдыхали в палатке. Вдруг Владимир окликнул Мусу: «По твоему мышлению, поведению и образованию видно, что ты не простого происхождения, ты не сын рабочего. Ты, вероятно, сын какого-нибудь хана или бека».

Михаил его поддержал: «В любом случае, мы на сто процентов уверены, что ты не сын обычного рабочего».

Мусу глубоко задело и обидело, как его товарищи ополчились против него. Он с отвращением сказал: «Что вас беспокоит? Хотите написать на меня донос? Может, знаете, какого именно бека или хана я сын? Давайте!»

В такие минуты проявить хоть каплю нерешительности, вести себя подозрительно означало поражение. Даже если они ничего не знают, даже если только догадываются, противники при вашем замешательстве будут уверены, что идут в правильном направлении. Тот факт, что Муса отреагировал столь сдержанно и холодно, заставил нападавших опешить. К спору присоединилась и Лида. Она сказала Владимиру и Михаилу, что они просто завидуют Мусе, так как он умнее и талантливее, и нет сомнения, что он выходец из рабочего класса.

Потом гневно спросила: «А вы что, недолюбливаете людей рабочего происхождения?»

Парням стало стыдно, они покинули палатку. Муса вышел и поднялся на холм, чтобы увидеть закат у подножия Кавказских гор. Вокруг царил странная тишина. Казалось, природа отдыхала в своём простом и необъятном величии. Муса сидел на холме, наблюдал за удивительным закатом и думал. Почему люди такие мелочные?

¹ Владимир Петрович Батури – советский геолог, доктор геолого-минералогических наук.

² Коллектор — устаревшее название низшей технической должности в геологической партии, употреблявшееся в советское время, современное наименование «техник-геолог».

Почему они настолько завистливы, ревнивы, эгоистичны? Все это было непонятно и чуждо молодому Мусе. Будучи хорошим товарищем, не проявляющим высокомерия, не смотрящим свысока, старающимся поддержать и помочь всем, кому может, почему он сталкивается с такими неблагодарными людьми?

Это были времена доносов и клеветы. Люди иногда становились жертвами неприязни. Если эти двое напишут на него донос, головная боль ему обеспечена. Начнётся расследование, и если подтвердится, что он скрыл своё происхождение в анкете, его отчислят из института и с работы. Могут и посадить. Режим не знал себе равных по преследованию и наказанию людей за происхождение.

Солнце уже совсем село, когда Лида подошла, села рядом с ним и сказала: «Результаты сожалеют о своём поступке. Они просят у тебя прощения. Я им рассказала о твоём дяде, который был депутатом российской Думы. О Мамедтаги Алиеве. Я привела пример его тяжёлого труда на поприще просвещения русского народа в Санкт-Петербурге, где я живу. Я считаю, что судить о человеке следует по его поступкам, а не по данным анкеты».

Это было летом 1929 года, Муса возвращался в Баку после летних каникул, проведённых с отцом в Ашхабаде, когда увидел в поезде Женьку Кузькова, одного из своих одноклассников. Они вместе трудились в СИВРЭН и сблизились. Оба очень обрадовались этой внезапной встрече. Кузькова отправили в Баку в командировку из конторы, где он работал. Муса взял его на прогулку по Баку, познакомил с городом, институтом, где он учился, и отвёл в квартиру, где он жил. Тётя Сафура накрыла на стол в честь гостя. Женька был чрезвычайно рад знакомству с Соной, он поразился её культуре, поведению и знаниям.

Ещё со школьных лет все называли Женьку хитрюгой. Немного понаблюдав, сразу обо всем догадывался. Когда после ужина пошли гулять, Женька испытывающим взглядом спросил Мусу:

– Как отношения с Соной?

Муса пожал плечами:

– Как-как?! Она дочь моего дяди. Она мне дорога. Она мой единственный друг. Женька улыбнулся:

– Эх ты... С детства никогда не ценишь чувства девочек. Сола любит тебя. И при том искренней любовью. Я не мог этого не заметить.

Муса действительно считал Сону своим другом, и даже когда ему нравилась какая-нибудь девушка, он рассказывал об этом Соне и обращался к ней за советом. Он не обращал внимания на то, как Сола к нему относится. Он никогда не думал, что дочь дяди, которая на три года старше его, могла в него влюбиться.

Женька добавил:

– Сола очень красивая девушка. Она будет самоотверженной и верной женой.

С этого дня Муса немного изменил отношение к Соне, перестал вести себя рядом с ней как избалованный ребёнок. Обратив внимание, увидел её положительные черты, которых не замечал раньше.

Тем летом Сола окончила медицинский факультет университета и получила направление в Шамаху – на свою родину. Ей дали прекрасную должность директора Детского консультационного центра. Мать уехала с дочерью, и Муса остался один. Именно в эти минуты одиночества он почувствовал, как привык к Соне, как трудно было быть в разлуке с ней. Теперь он отдал бы весь мир за её заботу, внимание, советы, голос – за то, чтоб просто быть с ней рядом.

Спустя нескольких месяцев во время зимних каникул Муса отправился в Шамаху с корзиной, полной подарков. Почему-то он сравнил это с путешествием рыцарей, намеревавшихся завоевать сердце своей возлюбленной из восточных легенд.

Поездом он доехал до Кюрдамира, а оттуда, пересекая перевал Агсу, на попутной машине должен был добраться до Шамахи. Поиски автомобиля заняли два часа. Наконец ему удалось найти сломанный фургон британского производства. Водитель заверил, что доставит его в Шамаху без проблем. Но мысль о преодолении на этой машине горных серпантинов вызвала сомнения.

На перевале машина сломалась, не двигалась с места. Была тёмная ночь. Морозно. Найти кого-то, чтобы попросить о помощи, нельзя было и думать. Но вдруг произошло чудо. Из темноты появился извозчик и спросил Мусу, куда он идёт. Лошадь у него была старая, еле двигалась, но дорогу знала хорошо. Около пяти часов утра добрались до Шамахи. Город спал, было темно. Как найти детскую консультацию или квартиру, где живёт Сона? Он постучал в дверь первого попавшегося дома, сказал, что приехал из Баку и ищет Детский консультационный центр. Он представился женихом доктора. Хозяин дома даже испугался его приезда и с негодованием сказал:

– Брат, ты хочешь забрать свою невесту? Я тебя прошу, не делай этого. Все в Шамахе привыкли к нашему доктору. Если заберёшь, обречёшь наших детей на несчастье.

Муса с улыбкой заверил хозяина, что никуда не увозит невесту, просто приехал её проведать. А про себя почувствовал гордость за уважение, которого добилась здесь Сона.

Консультационный центр, где работала Сона, находился неподалёку. Муса постучал в большие белые двери, и слова «кто там», казалось, наполнили его теплом. Это был голос его Соны. Когда он хриплым от холода и волнения голосом сказал: «Это я», вся улица заполнилась криком: «Мама, Муса приехал!» Тётя Сафура и Сона бросились к нему. Родные люди с огромной любовью обнялись и поцеловались.

За короткое время вся Шамаха уже знала, что жених доктора приехал из Баку, но он её не заберёт. Сона была единственным педиатром в Шамахе. Поэтому все любили её.

Сона бежала из Шамахи одиннадцать лет назад, в печально известном 1918 году. Претерпев мучения от дашнаков, которые сожгли их дом и убили её отца, она скиталась по неизвестным сёлам, пока её не нашёл и не забрал с собой дядя в Ашхабад, а оттуда она переехала в Баку. Хотя за эти одиннадцать лет полностью разрушенный город был частично восстановлен, следы тех страшных событий можно было найти на каждом шагу. От былой славы и роскоши шамахинцев почти не осталось и следа. Руины великолепного дворца Ширваншахов представляли собой печальное зрелище.

Сона показывала Шамаху Мусе, который уехал отсюда ещё ребёнком и ничего не помнил. Этот древний город на протяжении многих лет был важнейшим пунктом на Шёлковом пути. Он располагался на пересечении караванных путей, был важным торгово-ремесленным центром, стоял во главе торговли шёлком. Сона рассказала Мусе о торговых отношениях Шамахи с Венецией в XVI веке, страшном Шамахинском землетрясении, этническом составе города, состоящем в основном из азербайджанцев, частично русских, арабов, иранцев, индийцев и выходцев из Средней Азии, а также о действующих здесь шёлкоткацких и ковроткацких мастерских. Она скорбно сообщила, что на большинстве могил погибших в резне восемнадцатого года не было имён, поэтому она не смогла найти могилу своего отца.

В тот же день они признались друг другу в любви и заключили обет.

Они проживут целый год в двух разных городах: в Баку и в Шамахе, с верой и надеждой на воссоединение. Когда Муса скажет отцу, что хочет жениться на Соне, отец отправит ему послание: «Сын мой, взвесь свои желания и чувства. Не забывай, что Сона – дочь моего родного брата и твоего дяди. Ваш брак с ней должен быть на всю жизнь. Если ты передумаешь, оставишь её на полпути, ты пойдёшь против меня».

Муса уверил отца, что очень любит Соню, хочет жениться на ней с благословения отца. И получил его.

Как только лето 1930 года закончится, Муса снова приедет в Шамахи. На этот раз шамахинцы с разочарованием скажут:

– Жених приехал за доктором.

Мирза Махмуд и бабушка Гюлер приедут из Ашхабада, свадьба Мусы и Соны состоится 30 сентября.

Свадьба призвана объединить двух людей в одну семью, сделать две семьи родными. Но иногда два человека могут соединиться и без брака, две семьи без свадьбы становятся родственниками, а иногда, даже несмотря на свадьбу, люди не уживаются и расходятся. Однако семейные ценности – самые священные. Если вы создали семью, вы должны быть верны этой семье и пронести эту верность через всю свою жизнь, до самой смерти.

Молодые люди поклялись быть верными друг другу до самой смерти. У них не будет ни малейшего сомнения в этом. Потому что они доверяют себе и своим чувствам.

Глава 19

Люди в торговых центрах делятся на две группы. Одни приходят сюда, чтобы приобрести что-то. Они ищут нужный товар, нужный размер и хотят убедиться, что он продаётся по приемлемой цене. Есть и люди, которые приходят сюда просто провести время, и на их лицах можно увидеть спокойствие и беспечность.

Назим был очень обеспокоен. Он был приглашён на день рождения Зины, дочки Любы. Нужно было выбрать приличный подарок, но он не знал, какой. Ему нужно было найти что-то доступное по цене, что не стыдно было бы подарить.

Поскольку было воскресенье, в торговом центре толпился народ. Они слетались как вороны в отделы, на товары, на продавцов. Назим вдруг подумал, что название этого места – «Комета» – не случайно. Все как кометы.

Может быть, эта кофточка с принтом? Но он не знал вкусов девушки. Может быть, бижутерию? Но цены кусаются...

Он обрадовался, когда проходил мимо отдела игрушек: плюшевый медведь был очень большим и привлекал внимание. Проведённые на рынке месяцы были не напрасны: смог сбить цену и получить скидку в 750 рублей.

Он вспомнил, что в третий день рождения Айсу хотел купить ей в универмаге райцентра такого же медведя, но гораздо меньшего размера. Из-за цены не смог, и Айсу пришлось довольствоваться шоколадным яйцом «Озмо» с сюрпризом. Сейчас пожалел об этом. Если бы он знал, что отдастся от детей, порадовал бы их хотя бы маленькими сюрпризами.

Этот торговый центр тоже находился на Болотниковской улице: он старался не уходить из района, где находилось его рабочее место и квартира Любы. Перхушкова и Болотниковская – у него было два адреса в Москве. Он даже однажды признался себе, что улица Болотниковская так его засосала, что он не может оторваться ни от рынка, не приносящего прибыль, ни от Любы, которая забирала всю его заначку.

Отсюда до квартиры Любы было около двух километров. Он не собирался ехать на такси, а автобусного маршрута не было. Держа под мышкой игрушку, он направился по адресу, а когда добрался до любимого места назначения, то был весь в поту.

Назим встретил Любу на лестничной площадке. Она нахмурилась, когда спросила, почему он пришёл поздно, а когда втолкнула его внутрь, сказала:

– Зина ничего не знает о наших отношениях, не забывай об этом.

Назим поздравил Зину, которую видел впервые, подарил ей мишку и сел на отведённое ему место. Зина крикнула маме:

– Мама, твой коллега купил мне игрушку, я что, ребёнок?

Люба закатила глаза.

Назим начал думать об именах. Русские не произносят имена полностью, каждое имя имеет свой сокращённый вариант. Люба – это Любовь. Костя – Константин. А Зина? Он сразу понял, что Зина могла быть только Зинаидой.

Он только собирался протянуть руку к столу, как Томка подошёл и забрался к нему на колени. Когда он хотел отстранить кота, услышал следующие слова Зины, обращённые к матери:

– Мама, кажется, твой коллега – наш постоянный гость, иначе Томка к нему не подошёл бы.

Люба косо посмотрела на дочь, и Назим, сосредоточенный на матери и дочке, услышал такие слова:

– Почему ты так себя ведёшь? Глупо судить о чём-то по поступкам кота.

Там были сокурсники Зины, родственники, друзья и коллеги Любы – в общей сложности человек двадцать. Толстая женщина, сидевшая рядом с Назимом, протянула руку и представилась:

– Я Варвара – двоюродная сестра Любы. Приехала из Костромы.

Назим, гордившийся перед соотечественниками своей любовницей Любой, забыв её наказ, чуть не проболтался. Но вовремя опомнился и представился:

– Я Назим, коллега Любы.

Он сразу понял, что Люба рассказала своим настоящим коллегам, что ложь о Назиме она выдумала из-за дочери, иначе бы вышел конфуз.

Когда заговорил бухгалтер кафе, где работала Люба, Зина опять вмешалась. Она спросила женщину:

– Моя мама – официантка в «Ласточке», Таня и Света тоже официантки, Маша – уборщица, а ты – бухгалтер. Я знаю и вашего начальника, Гавриила Павловича. Вопрос в том, кем работает в вашем кафе этот молодой человек, друг медведей и кошек?

Она так ткнула в него пальцем, что Назим растерялся. Любе пришлось в очередной раз уговорить свою дочь.

Варвара пила водку из гранёного стакана и говорила тосты. В очередной раз взяв стакан с водкой, всплакнула, вытерла глаза краем платка и сказала:

– Люба, сегодня нашей любимой Зине исполняется восемнадцать. Никто лучше меня не знает, через какие трудности тебе пришлось пройти. Костя предал тебя, оставил на полпути, но ты не сломалась.

Назим выпил подряд две рюмки водки и оглядел стол, ему хотелось горячего. Среди закусок увидел большую тарелку с картошкой и тушённой, положил себе в миску и стал жадно есть. Увидел, как Зина смотрит на него с ненавистью, и у него совершенно пропал аппетит. Он отложил ложку и замер. Нет, эта девица не позволит ему спокойно посидеть на вечеринке. Люба несколько раз намекала Назиму, что она согласится создать с ним семью, если он будет вести себя хорошо. А под «хорошо себя вести» подразумевалось воплощать в жизнь мечты Любы. Судя по всему, она думала, что проблема заключалась в том, согласится он именно на это или нет, а не в том, уйдёт Назим из своей семьи или нет. Во время этих бесед она всегда делала акцент на том, насколько умна и воспитана её дочка Зина, как она нуждается в отцовской поддержке. Это она-то воспитанная? Это она умная? Да такая мегера и дня спокойно не даст прожить. Если даже она согласится на брак матери, то изведёт человека замечаниями типа: «Ты в туалет ходил, руки-то помыл?», «Почему ты храпишь?», «Не открывай рот, когда ешь», «Фу, твои носки воняют...»

Пришло сообщение на телефон. Сестра прислала фотографию отца, ничего не написав. Голова отца была забинтована, под глазом фингал, нос опух, а лицо было в синяках. Сердце сжалось от увиденного, он чуть не заплакал. Дрожащими руками

написал сестре: *«Вчера я встретился с подлецом Мумтазом. Я сказал, что, если хоть один волосок упадёт с головы моего отца, я весь его род истреблю».*

Написал, но отправить не смог. Изменил второе предложение. *«Вчера я встретился с этим подлецом Мумтазом. Я пытался его образумить».*

Что ещё? Всё. Этого хватит. Отправил сообщение. Пусть не ругают его и увидят, что не сидит сложа руки, пытается что-то делать.

Интересно, как сестра? Какой-то паршивец приставал к ней. Отстал ли он от неё? Ничего об этом не говорит. Ничего не пишет. Кажется, вся родня решила, что он ни на что не годится, поэтому никто ему ничего не говорит. Даже Зарнишан ничего не написала после последнего сообщения.

Только Шакир пишет. Сегодня утром он снова написал и выругал его как мог. Номер никак невозможно поменять.

На вечеринке было всего трое мужчин, двое из них вышли на балкон покурить и позвали его с собой. Под враждебным взглядом Зины он тоже вышел на балкон. Назим сказал, что не курит, и намекнул, что вышел подышать свежим воздухом.

Мужчины протянули руки и назвали свои имена. И Назим представился. Один из мужчин спросил:

– Вы мусульманин?

На что Назим ответил:

– Да.

Тогда мужчина спросил:

– Вы, наверное, ходите в мечеть? У нас московская Джума-мечеть в Выползовом переулке, 7, вы там молитесь?

Когда Назим сказал, что он не совершает намаз и не ходит в мечеть, мужчина удивился. Так как, по его словам, до сегодняшнего дня он думал, что все мусульмане совершают намаз.

Назима спросили, что он делает в кафе, и он уклонился от ответа, сказав:

– Да так, по-разному.

Затем добавил, что основная его работа – дом-музей выдающегося государственного деятеля Мусы Алиева в селе Перхушково. Представился не как сторож, а как гид.

Один из мужчин даже не знал, где находится Перхушково, и Назиму пришлось объяснить, что это в Одинцовском районе. Но другой оказался более осведомлённым, изложил, что село Перхушково названо в честь воеводы Григория Перхушкова. Добавив, что был там несколько раз, но ни разу не встречал тот дом-музей.

Назим спросил:

– Вы потеряли кого-то из близких на войне?

Мужчина признался, что половину его родственников убили фашисты.

Тогда Назим начал рассказывать то, что услышал на днях от Вадима Борисовича:

– Когда фашисты приблизились к Можайску, многих москвичей эвакуировали, чиновники разбежались по домам. Муса Алиев занимал высокий пост в Москве, курировал обучение студентов в нефтяных училищах страны, а те студенты обеспечивали горючим самолёты, которые атаковали фашистов. Все бежали из Москвы, а он нет. Даже когда его дом и место работы подверглись бомбардировке, он до конца оставался при своей должности. Если страна надеется на тебя, как можно не оправдать эту надежду? Он не убежал, и наши истребители уничтожали фашистов.

Собеседник был настолько тронут услышанным, что обнял и поцеловал Назима. Он сказал, что с сегодняшнего дня имя Мусы Алиева будет в его сердце. Он настойчиво затащил Назима внутрь, а когда все сели, он встал и сказал тост в честь Мусы Алиева. Он сказал, что соотечественник этого молодого человека проявил на войне огромное мужество, и все обязаны ему жизнью.

Вечеринка продолжалась.

Постепенно Назиму стало скучно в этой компании, ему захотелось уйти отсюда, уединиться, включить чайник Вадима Борисовича, налить себе чай, окунуться в загадочный мир Алиева.

Он остановился на том, что состоялась свадьба Мусы и Соны. А что было дальше?

Глава 20

Они сняли квартиру в доме, расположенном в одном из переулков Кичик Гала в Ичери-шехер. Несмотря на уговоры тёти Сафуры, Муса предпочёл следовать неписаному гордому кавказскому закону о том, что «мужчина не переезжает в дом жены».

Это была маленькая и полутёмная комната. Из крошечного окна можно было увидеть минарет мечети и стены крепости. Домашняя мебель состояла из шкафа для одежды, стола, четырёх стульев и медицинской кровати, туркменского ковра, подаренного отцом, и книг Мусы.

Утром Сона шла на работу, а Муса – на занятия, а после на работу. Вечером, когда влюблённая пара приходила домой, Сона тут же набирала воды из крана во дворе, готовила чай и еду, и они ужинали вместе. Жили бедно. Готовили в основном супы и отварную картошку. Очень редко – мясо. Но у них появилась одна традиция. Поскольку они оба любили сладкое, каждый раз, получив зарплату, договаривались о встрече в гастрономе на углу Ольгинской улицы, где покупали пирожное и конфеты «Красный мак». Они считали, что даже в самые трудные времена человек может подарить себе кулинарные радости.

ПРАВИЛО ДЕВЯТОЕ

Человек по своей природе неблагодарен. Он игнорирует маленькие успехи в жизни, всегда желает большего. В результате он всегда неудовлетворен и пессимистичен, и душа ни к чему не лежит. Но очень важно уметь «довольствоваться тем и беречь то, что имеешь, и желать большего» – вот это и является стимулом жизни. Сосредоточьтесь на маленьких радостях, чтобы проложить путь к большим. Иногда даже самые маленькие радости придают человеку силы, готовят его к будущим успехам.

Среди азербайджанцев было слишком мало специалистов, их можно было пересчитать по пальцам. Потому что в царское время образование могли получить в основном русские. Особенно не хватало специалистов в области развивающейся нефтяной промышленности. Так Муса, учившийся на последнем курсе, был приглашён преподавать в нефтяной техникум имени Лассалья. Он сразу согласился. Правда, техникум находился далеко от дома, в посёлке Разина. Он ехал час на электричке, а затем около километра шёл по пустынной местности пешком. Особенно в холодные месяцы, в мороз и снег, приходилось нелегко. Однако он не только из-за денег смирился с трудностями, он видел, как важна и нужна его работа. Он, стиснув зубы, двинулся вперёд, приговаривая про себя: «Муса, ты должен сделать это».

Он преподавал палеонтологию, историческую биологию и нефтегазовую биологию на азербайджанском и русском языках. Ему выделили большой кабинет. Там он сразу создал уголок геологии, собрал карты всех нефтяных месторождений Азербайджана.

Он только привык к этой работе, когда на его плечи легла ещё одна забота. Ему поручили вести курсы рудной и нерудной геологии и петрографии в индустриальном техникуме имени Нариманова.

...В тот день он пришёл домой уставший, Сона накрывала на стол. Когда она пришла с подносом, то увидела спящего прямо за столом Мусу. Она с любовью посмотрела на своего мужа и не смогла разбудить его. Муса, через некоторое время открыв глаза, виноватым голосом произнёс:

– Сона, мне доверили вести два курса в Наримановском техническом колледже. Сона забеспокоилась:

– У тебя и так много обязанностей, ты ещё одну на себя взваливаешь? Если это ради денег, то я совершенно не согласна.

Муса сказал с усталой улыбкой:

– Сона, моя работа очень нужна. Я должен.

Она подошла и обняла его за плечи.

Так Муса учился, работал ассистентом профессора Богачёва, преподавал в двух техникумах. Также он входил в состав группы геологов Азгеолбюро.

Жизнь текла своим чередом.

Глазом не успели моргнуть, наступил 1931 год. Муса Алиев с отличием окончил геологоразведочный факультет Азербайджанского политехнического института. Богачёв позвал его к себе и сказал:

– Молодой человек, я хочу, чтобы вы остались у меня на кафедре. Но хочу также сказать, что «Азнефть» тоже заинтересована в вас и предлагает должность. Смотрите, мы вам можем заплатить всего двести пятьдесят рублей, а в «Азнефти» вам заплатят четырёхста рублей. Вопросы такого рода требуют семейного решения. Поэтому не принимайте решения, не посоветовавшись с супругой.

Муса, вернувшись домой рассказал об этом Соне. Она спокойно сказала:

– Я уверена, что тебе нравится работать в институте. Оставайся там. Что касается разницы в деньгах, мы постараемся довольствоваться меньшим.

И Муса начал работать в любимом институте – уже не студентом, а дипломированным специалистом, и поэтому стал менять свои взгляды и на воспитательную работу. Он чувствовал необходимость развеять сформировавшиеся стереотипы, работать образцовым методом. В 1932 году волна пафоса и лозунгов Советской власти была настолько масштабной, что негативно отразилась на образовании. Происходили невероятные вещи. Одной из вредных практик было то, что иногда весь курс мог объявить себя ударниками. На первом курсе они заявляли себя ударниками, и, пропустив второй курс, сразу учились на третьем. Ещё одной вредной практикой в образовании стало введение бригадной системы. На курсе готовился только один студент, он сдавал экзамен вместо всех. Другой проблемой в институте оказались страхи старых преподавателей и профессоров, считавших себя беззащитными перед этими студентами-комсомольцами, ударниками и демагогами. Студенты силой получали зачёты. Но молодому Мусе нечего было бояться. Он не принимал ни ударников, ни бригадную систему, он заставлял студентов готовиться и самим получать оценки. «Мы воспитываем армию тугодумов с дипломами, так нельзя», – говорил он себе и боролся до конца. Анонимные жалобы, доносы не заставили себя долго ждать. Но он и Богачёв настояли на своём и не отступили.

Муса Алиев окончил институт с отличием, получил квалификацию горного инженера в области геологоразведки, окончил институт с широким профилем, поэтому, чтобы продвинуться в науке, поступил в аспирантуру, а на разработку взял тему «Палеонтология и стратиграфия меловых отложений». Он не останавливался ни на мгновение, шаг за шагом шёл к вершине успеха.

Рядом с их квартирой в Ичери-шехер освободилась трёхкомнатная квартира с телефоном. Им хватало денег, чтобы снять эту квартиру. Они переехали туда не раздумывая, спаслись от тесноты. Муса сразу поделился с Соной тем, о чем давно мечтал:

– Сона, мой отец один. Может быть...

Сона не дала ему закончить:

– Конечно, дядя Мирза должен жить с нами. Я согласна с тобой!

Муса позвонил отцу и пригласил его в Баку. Мирза Махмуд был рад этому предложению, ведь жизнь отдельно от сына в последнее время была в тягость. Вскоре они все начали жить вместе. Муса и для отца нашёл работу. Он стал переводчиком в Земельном комитете.

Не успели порадоваться, как над головой сгустились чёрные тучи. Беда пришла неожиданно. Однажды к ним в дом ворвались милиционеры, провели обыск и депортировали отца в Ашхабад. Якобы, находясь в Ашхабаде, он тайно торговал с Ираном. Его отца обвинили и посадили в страшную тюрьму ИКНД¹. Эту тюрьму Муса видел ещё в детстве: когда отец водил его в подготовительный класс гимназии, они проходили мимо высоких заборов с железной проволокой. Однажды Муса спросил, что это за место, и в ответ прозвучало:

– Это сущий ад. Врагу даже не пожелаю оказаться там.

Муса и Сона были в ужасе. Что им делать? Как спасти отца? Невозможно было протянуть руку помощи из Баку. Необходимо было ехать в Ашхабад, надо будет из кожи вон лезть, но доказать правду.

У Мусы не получалось отлучиться с работы, его угнетала неопределённость. Как и на какое время отпроситься? Ведь время и продолжительность визита невозможно определить, всё было окутано мраком. Сколько дней, сколько месяцев потребуются, чтобы доказать невиновность отца? Но не это было главным. Как объяснить, куда он едет? Зачем он едет? Как отпроситься на работе, какую причину указать? Если даже он обоснует ложность этого утверждения, одна только фраза «посадили в тюрьму за тайную торговлю с Ираном» обнулит репутацию и даже может привести к потере работы. Была полночь, супруги молча сидели. Наконец Муса сказал:

– Сона, я должен ехать, смирюсь с любыми последствиями, отец для меня важнее всего.

Сона про себя думала, что по сравнению с Мусой её потери казались незначительными. Она встала, обняла Мусу за плечи и со слезами на глазах рассказала о своём воспоминании:

– Женщины и несколько детей, голодных, жаждущих, уставшие от пережитых ими ужасов, шли куда глаза глядят. Потеряли надежду на спасение, и вдруг из тумана появляется знакомое, родное лицо... И тринадцатилетняя девочка вся в слезах радостно бросается на шею своего родного дяди, неожиданного их спасителя...

Они обнялись. И Сона твёрдо сказала:

– В Ашхабад поеду я. Если надо, постучу в сотни дверей, докажу невиновность дяди.

Муса был впечатлён самоотверженностью Соны, но ему не хотелось отправлять жену одну в чужую страну, к чужим людям. Сона настаивала: она останется у бабушки Гюлер в Ашхабаде, будет поддерживать связь с дядей Зейналом, который живёт в Ташкенте, будет использовать те знания, которые она приобрела за эти годы. По крайней мере, она знала гражданское и уголовное право наизусть, знала, как поступать с людьми согласно их характеру. Она так последовательно это всё изложила, что Мусе ничего не оставалось, кроме как согласиться с ней.

Рано утром Муса проводил Сону. Так начались ашхабадские дни. Ровно шесть месяцев, за которые ей пришлось нанять адвоката, папками собирать документы, ходить по многочисленным кабинетам, встречаться с людьми, спорить с некоторыми и даже вступать в словесную перепалку. Лишь в конце шестого месяца она сможет доказать невиновность дяди и оправдать его. Оказалось, что дальний родственник Мирзы взял у него в долг четыреста рублей, а когда пришло время возвращать, написал донос и оклеветал его. Поистине это было странная система. Кого угодно

¹ Исполкома народных депутатов.

можно было оклеветать и без суда и следствия посадить в тюрьму. Пока докажешь свою невиновность, с тебя кожу успеют содрать. Для оправдания тратили время, нервы, энергию. А большинство людей так и не могли добиться справедливости.

Мирза Махмуд, вышедший на свободу после шести месяцев безвинного заключения, был истощён. Он в тюрьме думал о Мусе, а не о себе. Очень боялся, что из-за всей этой заваруки сын пострадает. По дороге в Баку Мирза Махмуд подозрительно смотрел на всех вокруг. Паром плыл по водам голубого Каспия. Он говорил шёпотом, будто опасался даже чаек, пролетающих над их головами, даже воды и облаков:

– Все счастливые дни мы пережили при свергнутом правительстве. Там можно было получить должность благодаря своему уму и способностям, заслужить уважение и почёт. Человек ценился. Но для нынешнего правительства человек не представляет никакой ценности. Это век клеветы, доноса, лжи, зла и бесчестия, дочка.

Глава 21

Как может занятие, которое всегда казалось человеку бессмысленным и скучным, вдруг увлечь? Помимо того, что увлекает, так ещё и полностью подчиняет все мысли и чувства, берёт власть над ним. Не можешь оторваться, тратишь на это часы времени, а когда нужно прерваться, то сожалеешь. Что бы ни делал, не можешь занять мысли чем-то другим.

Назим до утра читал рукопись. На некоторых страницах надписи были стёрты, на других было слишком много исправлений, он пытался разобраться – и терял терпение. Ему казалось, будто кто-то нажимает на тормоза скоростного поезда, устремлённого к месту назначения.

Он остановился на самом интересном месте и не собирался уходить, пока не прочтает продолжения. Позвонил Аслану, вымолил разрешение прийти на работу попозже, сказав, что у него очень важные дела. И снова начал жадно читать.

Вскоре пришёл Вадим Борисович, забеспокоился, увидев незапертую дверь. Но ещё больше он удивился, застав Назима за чтением рукописи.

Глава 22

Только вперёд. Вперёд, не останавливаясь, даже не переводя дух. Воодушевление и энтузиазм Мусы были настолько сильны, что он распределял свой график не по часам, а по минутам. Областью его научной деятельности в аспирантуре была палеонтология и меловая осадочная стратиграфия. Это была интересная, увлекательная область, которая ждала исследований и открытий. И человек, занятый в этой области, не мог засиживаться в кабинетах и лабораториях. Настоящая наука требует настоящих исследований, ни в коем случае нельзя было отрываться от полевых экспедиций. Муса собрал богатейшую коллекцию фауны меловой части северо-востока Малого Кавказа, поэтому возникла новая задача: составить геологическую карту Лянкяранской зоны. Быть первым – это честь, и на предложение Богачёва он согласился без всяких обсуждений.

Коллективизация началась в Азербайджане в тридцатые годы. Зажиточные крестьяне сопротивлялись насильственному захвату их земель и богатств, часть из них отрядами уходили в горы и леса. Движение вооружённого сопротивления, называемое бандитизмом, распространялось и сеяло страх. Особенно на юге – в Лянкяранской области – это явление превратилось в подлинный кошмар. Бандиты участвовали в вооружённых столкновениях с советской милицией, убивали отправляемые в города и села кадры – учителей, инженеров, врачей, называя их «предателями, служащими Советам», совершали набеги на грузовые автоколонны и занимались грабежами. И тут Муса сказал, что поедет в Лянкяран и поработает там некоторое время...

Сона, воссоединившаяся с ним после шестимесячной разлуки, загрустила. Мирза Махмуд тоже забеспокоился.

– Подвергаешь себя такой опасности?!

Но они знали, что им не удастся переубедить Мусу, что бы они ни говорили.

Сона грустно сказала:

– Просто береги себя.

Отец обнял его за плечи и сказал:

– Вернись с победой.

Муса был молод, смел и предприимчив. Он был настолько сосредоточен на цели, что даже не думал о том, что может промахнуться, и даже если препятствия были большими, он сначала уменьшал их, а потом преодолевал.

ПРАВИЛО ДЕСЯТОЕ

Нет сомнений, что на пути к цели возникнут препятствия. Если их избегать, то об успехе не может быть и речи. Даже если препятствия значительны, вам придётся уменьшить их в собственных глазах. После этого легче будет их преодолеть.

...Муса почувствовал подстерегающую его опасность, когда достиг Лянкярана. Это была экспедиция из четырёх человек, им предстояло провести геологические изыскания на огромной территории в районе между реками Лянкяранчай и Вилашчай. Во время первого знакомства с местностью к ним подошёл глава милиции, которого охраняли двенадцать охранников, и предупредил, что здесь действует несколько хорошо вооружённых бандитских группировок, и учёным нужно быть предельно осторожными.

Если уж главу милиции охраняли двенадцать сотрудников, страшно даже представлять возникшую здесь ситуацию.

Первым пунктом назначения был Лерик. Конечно, нужен был местный проводник, хорошо знающий окрестности. Как только они добрались до Лерика, Муса отправился к секретарю райкома и попросил его помочь найти храброго, хорошего проводника. Услышав, с какой миссией они пришли, секретарь удивился:

– Молодой человек, это приграничная, горная и лесистая зона, бандиты не смыкают глаз, мы с ними боремся с большим трудом. Вы приехали из Баку, чтобы камни и скалы разглядывать? Здесь невозможно работать. Они убьют вас в первый же день.

Муса посмотрел прямо в глаза секретарю и сказал:

– Вы думаете, я смогу вернуться в Баку и сказать своему начальству: «Я вернулся, потому что испугался смерти»? Это во-первых. Во-вторых, то, что вы называете «разглядывать камни и скалы» и считаете бессмысленным – одна из самых нужных работ, рассчитанных на экономическое благополучие и будущее развитие Советского Азербайджана. Если возможно, рассмотрите мою просьбу.

Секретарь был впечатлён речью этого молодого патриота и немедленно приказал ему помочь. Проводник им требовался не только хорошо разбирающийся в этих местах, но ещё и каким-то образом имеющий связи с бандитами. Местная милиция с такими людьми устанавливала тайное сотрудничество и получала от них информацию о планах группировок.

Вскоре нашёлся человек, который согласился стать их проводником. Это был мужчина по имени Мамед. Жил он в одном из близлежащих сел, знал местность как свои пять пальцев и был дальним родственником одного из бандитов. У него было только одно условие:

– Поработаю я с вами, но, что бы ни случилось, пятнадцатого августа должен отлучиться. Мне нужно собрать пшеницу, которую посеял.

Они приступили к работе уже на следующий день. Мамед был очень добрым и дружелюбным, ему было около тридцати-тридцати пяти лет. Он пригласил к себе эту группу геологов из четырёх человек.

– Самый лучший плов с курицей во всей округе готовит моя жена. Обижусь, если не отведаете плова у меня дома.

Муса с большим трудом объяснил, что нужно приступить к работе, а плов они отведают успеют.

Они разбили палатки в талышских лесах и с энтузиазмом принялись за работу. Опасность в лесу представляли не только бандиты, но и дикие звери. Медведи, волки, тигры, кабаны были постоянными обитателями этих лесов. Однажды Муса услышал в чаще звук приближающегося животного и встревожился, представляя себе дикую свору, собирающуюся напасть на него. Тем временем из подлеска вышло стадо оленей. На лице Мусы появилась улыбка. Красивые звери, о которых читал в сказках. Он некоторое время наблюдал за ними. И даже взгрустнул, что Сона не может их увидеть.

Первая тревога по поводу бандитов не заставила себя долго ждать. Однажды вооружённая группа милиции загнала их в палатки и двинулась вперёд, открыв огонь. Перестрелка длилась довольно долго. Вскоре были пойманы двое мужчин, их отвезли со связанными за спиной руками, а группе разрешили продолжить работу.

Они кипятили чай, подвешивая чайники на проволоке, привязанной к дереву, и готовили еду. У каждого была своя железная тарелка и фляга.

Ночью перед сном Мамед предупредил:

– Проверьте свои постели, прежде чем лечь, а утром ботинки, прежде чем надеть.

На вопрос «почему», оказалось, что ещё одну опасность здесь представляют змеи и скорпионы. Но научные поиски в этих сложнейших условиях принесли свои плоды. Муса отправлял отчёт в Баку: «В восточной части Талышского хребта появились трещины. В них можно увидеть базальтовую породу, газы, состоящие из метана и гелия». «В предгорьях Лянкяранского района, в низовьях Вилашчая, есть родники, температура воды которых достигает 60 градусов». «Из середины Вилашчая выходит газовый поток».

Муса и его группа обнаружили источник с горячей водой. Они заметили, что люди, живущие в окрестностях, сооружают ванны из хвороста, привозят своих больных, страдающих ревматизмом, и помещают их в эти ванны.

Старика, согнувшегося от болезни, сыновья принесли на ковре и бережно опустили в воду. Мужчина стонал от боли.

Муса спросил у парней:

– Можете объяснить, что происходит?

Один из парней сразу же ответил:

– Этот сернистый источник лечит больных ревматизмом. Уже много лет люди приезжают сюда за исцелением.

Всего через неделю Муса перед почтовым отделением Лянкярана был ошеломлён, когда увидел приближающегося к нему человека с тростью в руке. Это был мужчина, которого сыновья опускали в горячий источник. Мужчина, недавно сидевший неподвижно и согнувшийся от болезни, свободно ходил. Муса немедленно отправил в Баку телеграмму, сообщив о необходимости построить здесь большой санаторий для цивилизованного использования этих сернистых источников воды.

Когда работа интересная, не замечаешь, как проходит время: часы превращаются в дни, а дни – в недели и месяцы. Муса удивился, когда услышал, что наступило пятнадцатое августа. Их проводник собрался уйти на сбор пшеницы, как договаривались заранее.

– Так быстро? – непроизвольно вырвалось у Мусы.

Мамед протянул руку в направлении Киблы и, указывая на точку, сказал:

– Не думайте, что забыл об обещанном плове с курицей. По возвращении в Баку будете проезжать мимо нашего села, обязательно зайдите ко мне.

В последующие дни они нашли нового проводника, но заменить Мамеда он, конечно, не смог. В середине сентября им удалось завершить важнейшую работу: впервые в Азербайджане именно экспедиция Мусы Алиева разработала геологическую карту Лянкяранского, Лерикского, Вергедузского и Масаллинского районов.

Они завершили свой нелегкий труд и возвращались домой. Продвигались верхом вдоль Вилашчая от Лянкярана до Масаллы. Когда достигли лесного массива, член группы по имени Баба сказал:

– Пойдёмте в гости к Мамеду, заодно и попрощаемся с ним. Как-никак, три месяца вместе работали.

Муса пытался уклониться со словами:

– Давайте с дороги не сворачивать.

Но любовь к плову у членов группы заставила их повернуть в сторону села Мамеда. Мамед приветствовал их с улыбкой, сразу же был накрыт чайный стол. Он предложил гостям насладиться чаем, пока готовится плов.

Уже темнело, и если они задержались бы здесь, в дорогу им пришлось бы выйти в полночь, что было очень опасно. А с готовкой плова не торопились, будто Мамед делал это нарочно.

Спустя некоторое время Муса вынужденно попросил у Мамеда не обижаться, так как следует двигаться дальше. Мамед как ребёнок обиделся, и им пришлось сидеть и ждать.

К ночи стол, наконец, был накрыт. Ароматный плов действительно оказался великолепным. После трапезы, когда Муса решил продолжить путь, Мамед возразил:

– Товарищ Алиев, вы знаете эти места лучше, чем я? В такой час выйти к лесу? Ложитесь спать, утро вечера мудренее, рано утром выйдете в дорогу.

Другого выбора не было. Так они и сделали. Когда рассвело, попрощались с хозяином дома и отправились в путь. Они едва достигли середины леса, как появились два всадника и направили на них ружья, приказав остановиться. Муса посмотрел на Бабу, словно хотел сказать:

– Твоя любовь к плову нам дорого обошлась.

Баба с сожалением заметил:

– Вот так дела, неужели в ловушку нужно было попасть именно в день возвращения в Баку?

Их отвели на поляну. Там горел большой костёр, и вокруг него сидело человек пятнадцать-двадцать. Муса обратил внимание на детали: он сразу заметил, что все эти люди были одеты в одинаковую одежду – униформу, а это означало, что они не грабители, а представители какой-то организации. Муса воспрял духом, достал удостоверение личности и спросил:

– Почему вы нас задержали, мы представляем власти.

Оказалось, что это местные отряды добровольных помощников милиции. После слов Мусы их старший извинился и сообщил, что вечером здесь бандиты напали на большой караван, перевозивший шёлк, ткани, лён, бархат, захватили товар и увезли его на другую сторону границы. После того, как отряд милиции провел рейд в лесу в связи с инцидентом, добровольцы задержали Мусу и его группу как подозреваемых.

Теперь стало ясно, почему Мамед готовил плов до ночи. Почему он настоял и оставил их дома до утра. Значит, он был осведомлён о деятельности бандитов, знал, что будет совершено нападение на караван в лесу. Если бы Муса и его группа оказались там, грабители обязательно убили бы их, чтобы не оставлять свидетелей. Так их проводник спас им жизнь.

Глава 23

Назим несколько раз набирал номер сестры. Настойчиво и последовательно. Наконец, сестра ответила.

– Почему ты не отвечаешь?! Почему мне никто не отвечает? Что это такое? Я на курорте, что ли? Я здесь за хлебом насущным. Зачем вы со мной как с врагом?

Он выпалил все залпом, сестра молчала.

Он поинтересовался состоянием отца и ещё раз напомнил, что разговаривал с Мумтазом. Пожаловался, что Зарнишан не отвечает на звонки, и справился о детях.

Сестра тихо слушала на другом конце линии.

Наконец он спросил:

– Этот негодяй отстал от тебя?

Его сестре Сельме было двадцать четыре года, она была помолвлена с Ниязом – младшим братом Аслана, в которого влюбилась шесть лет назад, и они собирались пожениться. Приданое даже подготовили. Отец Аршад купил ей кровать, холодильник, телевизор и большой стол с шестью стульями, а мать Мунаввар сшила три комплекта одеял и матрасов.

Есть такая поговорка: пришла беда – отворяй ворота. До свадьбы оставалось всего несколько дней, когда односельчанин по имени Зэк Тахир вышел из тюрьмы и вернулся в село. Все боялись этого человека, при виде него переходили улицу. Ведь не шутка – в свои тридцать девять лет он, если исключить срок амнистии, двадцать один год провёл в заключении.

Сельма окончила Педагогический университет в Баку, преподавала физику в сельской школе. В тот день она возвращалась с работы. Зэк Тахир, преградив ей путь, заявил о своём желании:

– Я хочу сделать тебя своей женой.

Хоть Сельма и боялась этого человека, который из-за глубокого шрама на лице выглядел ещё более устрашающе, она твёрдо сказала, что помолвлена и на днях состоится свадьба, ему лучше найти для себя другую.

Зэк Тахир презрительно улыбнулся и сказал:

– Ты, кажется, не знаешь, кто я. Меня зовут Зэк Тахир, я до сих пор ни разу не отступал от задуманного.

Всего три дня спустя Зэк Тахир снова встал на пути Сельмы. На этот раз он действовал более грубо, схватил девушку за руку похожими на плоскогубцы пальцами:

– Я уничтожу тебя и твоего жениха. Первый раз в жизни решил жениться. Кто вы такие, чтобы меня остановить? Родишь мне двоих детей, мальчика и девочку.

В ужасе от такого произвола и вмешательства в чужую жизнь Сельма сказала:

– Отпусти мою руку, или я закричу.

Зэк Тахир немного ослабил капкан, но её руки не выпустил. Он дал ей три дня на размышление:

– Либо ты скажешь мне «да» через три дня, либо я убью и тебя, и твоего ненаглядного жениха. Я не собираюсь тебя похищать, это не по мне. Почему должны говорить, что Зэка Тахира отвергли, и он вынужденно похитил девушку?

Сельма пришла домой и в слезах рассказала матери о случившемся. Мать, в свою очередь, поставила в известность Аршада, как только тот вечером вернулся с фермы. Аршад позвал Назима, посоветовались. Сельма не была сиротой, отец и брат должны заступиться за неё. В таких делах братья не медлят. Но Назим покачал головой, сказав, что с Зэком Тахиром лучше не связываться, он уничтожит любого. Аршад вышел из дома, покосившись на сына, поискал и нашёл Зэка Тахира в кафе Ризвана. Он сказал:

– Сынок, в знак уважения к моему возрасту, не упоминай имени моей дочери, приглашения розданы, дай нам сыграть свадьбу.

Зэк Тахир напрочь отказался слушать наставление и не отступился от своего, сказав:

– Эта девушка – моя судьба. Если не мне, то никому не достанется.

В следующий раз Нияз предложил Назиму вместе пойти и поговорить с Зэком Тахиром. Назим делал вид, что искал выход, но культурно отказался от предложения Нияза. Ниязу пришлось пойти одному. Конечно, переговоры с Зэком Тахиром не удались, он получил предупреждение: либо отступи, либо пеняй на себя.

Когда наступил день свадьбы, Аршад взял дробовик и подошёл к двери Зэка Тахира. Он сказал:

– Пикнешь – пристрелю.

Зэк Тахир промолчал в ответ. Но свадьба все равно не состоялась. Ночью Нияз уехал в Москву. Никто не знал, что ему сказал и чем напугал Зэк Тахир.

Через несколько дней Сельма была в школе. Пришёл Зэк Тахир и вызвал её из класса, а в коридоре на глазах у учеников и учителей достал нож с большим лезвием и воткнул его в деревянную дверь со словами, что в следующий раз этот нож воткнётся в неё. С этого дня Сельма не ходила в школу, сидела дома. Тем временем Зэк Тахир отбыл ещё один год наказания. В этот год заключение Сельмы прервалось, но как только враг вышел из тюрьмы, её домашний арест возобновился.

Теперь Назим спрашивал, отстал ли от неё Зэк Тахир, а она молчала. Молчание сестёр – крик души, когда братья не могут их уберечь.

– Что я могу сделать? Хорошо, завтра я найду наган и приеду в деревню. Пристрелю этого ублюдка. А дальше что? Засудят меня на всю жизнь. И сгнию в тюрьме. Чёрт со мной. А о моих детях кто позаботится? Ведь они маленькие. Им всю жизнь без отца жить?

Сельма молчала, как каменная.

...Все эти годы Сельма не раз рыдала. В брачную ночь Нияз убежал, как трус. Но ровно через два года, когда Зэк Тахир отбывал годичный срок, а Нияз летом приехал в село навестить родителей, они встретились под одиноким дубом на окраине села. Нияз сказал дрожащим голосом:

– Я уехал ради твоего спасения, Сельма. Если бы я остался, нас бы убили. А теперь ты здесь, а я там, давай подождём. Никто не отменил нашу помолвку. Я не знаю, сколько времени это займёт. Но надеюсь, Всевышний проложит для нас путь, и найдётся выход...

Назим повысил голос:

– Может, скажешь что? Ответишь? Зачем вы все ополчились против меня? Я великан, Кёроглу или Полад Алемдар¹? Ей-богу, в конце концов из-за вас или меня убьют, или я кого-нибудь прикончу, или получите весть о том, что перерезал себе вены.

Сельма внезапно разрыдалась. Может, она уже ничего не ждала от брата. Может, она просто оплакивала свою судьбу. Назим молча слушал её рыдания. А потом Сельма просто повесила трубку.

Назим смотрел на небо через большое окно, оставленное открытым Вадимом Борисовичем. Стояла звёздная ночь. Полумесец глядел с высоты.

Говорят, из любой трудной ситуации есть выход. Был ли выход из этой? Если да, то какой? У него высшее образование, но работу найти не может и по этой причине сейчас вдали от семьи, в чужой стране. Чья это вина?

Один, надеясь на своё финансовое положение, силой отбирает у них имущество, игнорируя закон. А кто виноват? Всё-таки не он.

В это время рецидивист попирает приличия и насильно пытается жениться на бедной девушке, так кто же виноват? Опять не он.

¹ Легендарные герои-богатыри.

Даже конфликт с Шакиром не просто так. Вынужденно ввязался в эту авантюру из-за желания заработать на жизнь.

С неба падала звезда. Быстро летела вниз – и внезапно остановилась.

Глава 24

*Были б добрые в силе, а злые слабы –
Мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы!
Если б в мире законом была справедливость –
Не роптали бы мы на превратность судьбы.*

*Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.*

*Если все государства, вблизи и вдали,
Покорённые, будут валяться в пыли –
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел невелик: три аршина земли.*

Среди книг Мусы была маленькая, с синей обложкой – рубаи Омара Хайяма. Эту книгу он купил ровно двадцать лет назад, в 1913 году в букинистическом магазине в Ашхабаде. Почему-то творчество этого гениального персидского поэта привлекло его с первых страниц. Позже он часто брал книгу и перечитывал рубаи снова и снова. Пока читал, у него возникало ощущение, будто он общается с этим мудрым человеком, жившим тысячи лет назад. Иногда он даже обращался к нему за советом и просил помочь в каком-то трудном вопросе. В таких случаях он представлял, как этот просвещённый человек ответил бы ему, погладив бороду и читая одно из своих рубаи.

У него родился первенец – мальчик. Когда Муса получил эту новость в роддоме, решил назвать сына Омаром Хайямом. Не Хайям, а Омар Хайям. Это требовало большого мужества, поэзия гениального поэта считалась противоречащей образу жизни, пропагандируемому советской и большевистской властью, моральному кодексу коммуниста. Жизнь и творчество Омара Хайяма не преподавались в школах, а его чтение было неофициально запрещено.

Сона тоже была удивлена решением Мусы:

– Может, тебе стоит немного подумать? Может быть, просто Хайям?

Он ответил:

– Я хорошенько подумал. Речь идёт не конкретно о каком-то персидском поэте. Речь идёт о примере Востока, мусульманского мира, ином взгляде на мир, творца и людей. Так что не просто Хайям, а Омар Хайям!

С приходом Омара Хайяма в их жизнь сразу ворвался и следующий этап разлуки. Муса пришёл домой немного угрюмый:

– Меня направляют в командировку в Центральный геологоразведочный научно-исследовательский институт в Ленинград, к профессору Владимиру Павловичу Ренгартену¹.

¹ Владимир Павлович Ренгартен – советский учёный-геолог и палеонтолог, член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии второй степени.

Он никогда не уклонялся от работы, просто ему было трудно оставлять Сону с новорождённым ребёнком. Но что делать? Надо было ехать.

Трёхмоторный многоместный АНТ-9 советского производства нёс на своих плечах молодую советскую авиацию. До этого года самолёты из Баку летали из аэропорта Кешле. В этом же, 1933 году, был введён в эксплуатацию аэропорт Бина, откуда осуществлялись регулярные рейсы в крупные города, в том числе, в Ленинград. Лететь из нового аэропорта на самолёте АНТ нового поколения Мусе было волнительно и радостно. Ведь в подростковом возрасте он был авиамоделистом, в мечтах он всегда парил в голубом небе в белом самолёте, который нёс его к поставленным целям.

Он думал, что приехал в Ленинград ненадолго – на полгода, и снял квартиру на Васильевском острове. Он тогда ещё не знал, что ему придётся прожить в этом городе – с его белыми ночами, почти постоянным туманом, в городе дождливым, влажным, холодном, тоскующем по солнцу, – ровно полтора года.

Ленинград с первого взгляда поразил Мусу своим величием. Но когда он впервые ступил сюда, он вспомнил своего покойного дядю – Мамедтаги. Почему-то он представил дядю, идущего по берегу Невы в официальной одежде, с трубкой в руке. Когда Муса родился, дядя подарил племяннику золотые цепочку и кулон с головой дракона: надел ребёнку перед отъездом. Вещи тоже имеют память. Вещь, купленная здесь двадцать пять лет назад, с радостью вернулась на родину.

Эрмитаж, Пушкинский музей, площадь Марсова поля, Петропавловская крепость, Летний сад, Екатерининский дворец, Исаакиевский и Казанский соборы, Тартарская мечеть и, конечно, Петергоф с его очаровательным фонтаном – каждое место производило на Мусу неизгладимое впечатление, оставляя после себя приятное ощущение.

В Ленинграде вряд ли можно было встретить такого темноволосого человека, поэтому Мусу останавливали на каждом шагу и спрашивали, кто он, откуда и какова цель его приезда. Днём он работал, вечером посещал достопримечательности города, ходил в театр и филармонию. Командировочные не могли позволить себе жить в роскоши. Он жил бедно, иногда, проходя мимо ресторанов с их вкусными запахами, ускорял шаги.

Здесь тоже время от времени препятствовали его работе, бывали и мелкие преграды, намёки, иногда реплики, иногда явные угрозы.

Но каждый раз Муса придерживался своих правил, погружался в раздумья и определял, что и как делать.

ПРАВИЛО ОДИННАДЦАТОЕ

Человек – часть общества, и вся его деятельность происходит во взаимодействии с другими людьми, тоже являющимися частями общества. Совершенно невозможно вырваться из этих отношений и превратиться в одинокий остров.

Вы состоите в разных группах: члены семьи, родственники, друзья, соседи и коллеги. В каждой из них вы проявляете свои индивидуальные особенности, стараетесь избегать конфликтов и обеспечивать упорядоченную, бесперебойную жизнь.

Даже самые большие конфликты следует решать, не поднимая меч против меча, не начиная войну, не вступая в словесную драку, кулачные бои, или убегая и прячась, а следует идти на переговоры, выясняя отношения, доказывая истину, если вы правы, а если нет – извиняться. Нет плохих людей, каждый человек хорош сам по себе, но есть тот, кто становится плохим благодаря вашим мыслям.

Вечером должен был состояться спектакль «Травиата» с участием известной оперной певицы Эвы Бандровской. Это был дорогой спектакль, и Муса никак не мог попасть на него. Когда он думал, что не сможет увидеть спектакль, он очень огорчался.

Дом учёных, где он работал, располагался в Юсуповском дворце. В конце рабочего дня он вышел из своего кабинета и задумчиво прогуливался по коридору. Вдруг появилась Мария Егоровна, жена профессора Ренгартена, и весело спросила:

– Муса Мирзоевич, почему вы такой грустный?

В ответ он с детской обидой в голосе сказал:

– Думаете, что пропустить «Травиату» – это мало?

Кто бы мог ожидать, что она примерно за полчаса найдёт и передаст ему билеты? Мир не без добрых людей.

С этого дня Мария Егоровна устраивала ему то бесплатные талоны на питание, то билеты в Мариинский, Михайловский, Александровский театры. Она говорила:

– Муса Мирзоевич, делать добро – хорошо, но делать добро хорошим людям, таким, как вы, – ещё лучше.

Муса никогда не забудет эту женщину.

Шли дни, командировка всё длилась, командировочные всё сокращались, постепенно жить на эти деньги стало невозможно. Иногда он не мог купить даже буханку хлеба. Сколько бы он ни скрывал свои проблемы при разговорах с Соной по телефону, она всё чувствовала по его грустному голосу – и отправляла ему деньги.

Весной 1934 года диссертация Мусы была готова. Декан ЛГУ Православлев¹ написал ему прекрасную рецензию, предрекая, что он войдёт в историю как первый азербайджанец, защитившийся в ЛГУ.

Но, к сожалению, из Баку пришла телеграмма. Директор Промышленного института, где работал Муса, Ахундзаде, поставил жёсткое требование: диссертацию нужно защищать только в Баку, в своём институте.

Муса был очень разочарован. Отлично знал, что в Баку даже не утверждён состав Учёного совета, и это дело затянется. (Так и случилось. Это длилось ровно два года.)

Ленинград стал для Мусы настоящей школой. Здесь он приумножил свои знания, расширил мировоззрение, познакомился с культурными артефактами и обогатился общением с выдающимися личностями.

Всё было прекрасно, кроме быта людей. Политика коллективизации словно торпором вырубала продовольственные товары из жизни, цены росли, а покупательная способность денег падала. Муса много раз видел голодающих. Советская милиция немедленно убирала их с улиц. Ведь в социалистическом мире, который борется с капиталистическим, не должно быть бедных и голодных людей. Муса все время думал о своей семье, он знал, что они тоже страдают от нехватки продовольствия. Если в Ленинграде так, то каково в Баку...

Наконец, северное приключение завершилось.

Стоял сентябрь.

Когда Муса вышел из ленинградского поезда на бакинском вокзале, он не узнал женщину с ребёнком на руках, которая шла навстречу к нему. Эта бледная и слабая от голода, с морщинами на лице, измученная женщина совсем не была ему знакома. Лишь после того, как он узнал по чертам лица своего сына Омара Хайяма, он с ужасом признал, что эта женщина – его Сона.

Такова была судьба людей в тот период: материальные лишения, полное ограничение свободы, неуместные преследования.

¹ Павел Александрович Православлев – русский и советский учёный-геолог, палеонтолог. Доктор геолого-минералогических наук.

Глава 25

Назим следил за новостями, за всем происходящим в Азербайджане, интересно было всё: светские сплетни, игры футбольного клуба «Карабах», криминальные события, погода, цены на продовольствие и так далее. Он так и не отказался от своего хобби – новостей, но при этом уже не играл часами в тетрис и не сидел в социальных сетях.

Женщина за овощным прилавком неустанно хвалила борщ, который приготовила вчера. Она утверждала, что готовить надо с удовольствием и аккуратно, а не как попало, что еда, приготовленная с любовью, всегда бывает вкуснее.

В мае обычно не едят горячие первые блюда. Азербайджанцы привыкли есть хинкал и холодец в холодные месяцы, россияне тоже едят борщ в холодное время года. Но борщ готовят и летом, и блюдо это в семьях не обычная трапеза, а целый ритуал.

Вчера женщина изложила научно-философский трактат о борще. Рассказала о тысяче и одном полезном свойстве свёклы, главном ингредиенте борща – украшения восточнославянского стола, об обилии витаминов и минералов, которые умножаются при варке вместе с морковью, капустой, луком и петрушкой. Так описала цвет приготовленного борща, подачу на стол и аромат, что у Назима потекли слюнки. Самое интересное и удивительное, что бабуся, говоря о популярности этого блюда, заговорила об «индексе борща». Оказывается, у неё есть опыт определения реального положения разных валют и местных денег по цене продуктов, необходимых для приготовления борща в четырёхлитровой кастрюле.

Все эти разговоры шли потому, что женщина собиралась вечером угостить всех борщом. Все, включая Аслана, сказали, что придут, кроме Назима, который объяснил, что вечером будет на работе в музее. Женщина принесла Назиму порцию борща в маленькой кастрюльке во время обеденного перерыва, разогрела, накрыла на стол, положив рядом салат из помидоров и огурцов, хлеб и лимонад «Дюшес».

Назима поразили не только её доброта и забота, в которых всегда нуждается человек, находящийся вдали от дома и родных, но и действительно чудесный вкус борща.

Он скучал по матери, по её стряпне. Вспомнил про рукописи, где Мамед угостил пловом с курицей группу во главе с Мусой Алиевым, утверждая, что его жена готовит это блюдо лучше всех в округе. Однако про себя подумал, что жена Мамеда никогда не приготовила бы это блюдо лучше, чем его мать.

Он также вспомнил, как ел шашлыки в кафе Ризвана со своими друзьями Шакиром и Махадом, и от воспоминаний у него сжалось сердце. Ризван умел готовить шашлыки, к нему приходили клиенты даже из райцентра. Он учитывал все: возраст, вес, кормление животного, размеры мангала, материал шампура, породу древесины, количество добавленной соли и специй, он подходил к этому как к науке, которую освоил в совершенстве.

Они ели люля-кебаб, тия-кебаб, а ещё курдюк-кебаб. Сидели часами, поднимали тосты. Шакир и Махад очень его ценили и уважали, поддерживали во всем. Почему всё это прервалось, они стали заклятыми врагами? Почему?

Стало грустно до слёз.

Будь проклята эта ловушка с двадцатью тысячами. Человек не видит дальше носа. Как он мог поверить, что поставит двадцать тысяч и выиграет сто тысяч. Даже не подумал, а что будет, если не получится. Поседел за одну ночь, когда не получил, хорошо ещё удар не схватил от стресса.

Двадцать тысяч – это немалая сумма, а для такого человека, как он, это та сумма, на которую можно было жить до самой смерти. Он совершенно не знал, как выбраться из пропасти, в которой оказался. Не имел возможности собрать деньги и

вернуть Шакиру. Оставалось скрыться это от него на время, ждать судный день, когда все прояснится. Но позже, когда Шакир засомневался, разузнал правду, Назим просто сбежал, спрятался, не отвечал на звонки. Он даже номер менял, чтобы избежать преследований Шакира. А сейчас и номер телефона невозможно сменить из-за работы.

Теперь и Шакир, и Махад считают его негодяем из-за этих денег. Разве только из-за этого? Разве из-за сестры и отца Ээк Тахир и Мумтаз не считают его трусом и подлецом? Считают. Вся деревня, вероятно, теперь сплетничает, что он не может содержать свою семью. Наверное, дети его ненавидят. Жена, дети, родители, сестра – все его ненавидят. Все.

Неужели он действительно конченный человек? Ведь у него тоже есть светлые мечты. Иметь хорошую работу, заботиться о семье, о родителях, снова быть в кругу друзей. Он не желает плохого никому, а сам он для всех плохой.

Всплакнул. Не доев, встал, поблагодарил за вкусный борщ и двинулся вглубь рынка. Люди покупают корзины с едой, чтобы дома со своими детьми есть вкусную еду. А его дети недоедают.

Из глаз потекли крупные слёзы, и он, чтобы избежать удивлённых взоров, отошёл в сторону.

В этой части рынка продавались сельскохозяйственные товары. Масло, йогурт, молоко, творог, сметана в стеклянных баллонах и пластиковых ёмкостях. Мёд, яйца, мясные тушки, вяленое мясо, сосиски и сардельки.

Увидев написанное заглавными буквами название «Рязанский творог», он вспомнил, что Вадиму Борисовичу нравился рязанский творог. Как только он вспомнил о Вадиме Борисовиче, ему захотелось, чтобы скорее наступил вечер, и он забился бы в угол, который был для него единственным утешением.

Позвонила Люба. Впервые не хотелось отвечать ей, но ответил. Люба была обеспокоена:

– Зайчик мой, меня очень огорчила грубость Зины по отношению к тебе в её день рождения. Я тысячу раз извиняюсь за неё и за себя. Я вырастила её одна и, похоже, сильно избаловала. Но это не даёт ей права так грубо с тобой обращаться.

Назим смотрел на людей, ему так хотелось оказаться на их месте. Купить бы сейчас целую корзину необходимых продуктов и ещё шоколадки, пирожное эклер, найти, если ещё производят, тот шоколад, «Красный мак», затем пойти и постучаться в дверь, а Зарнишан откроет, окликнет детей:

– Дети, папа пришёл.

Айсу и Анар бросятся к нему и будут есть гостинцы, перепачкают в шоколаде руки, пока не насытятся.

Люба продолжала:

– Зайчик мой, Зина заподозрила наши отношения, рано или поздно нам всё равно придётся ей во всем признаться. У меня такой план: я на выходных приготовлю хороший ужин, приглашу Павлика, парня, с которым встречается Зина.

Это был рынок для низших и средних слоёв населения. Продукты здесь были в основном ширпотребом. Чёрная икра, трюфельные грибы, омары, кальмары, кокосы, маракуйя, словом, самые экзотические продукты продавалась на Дорогомилковском. Интересно, сколько бы он зарабатывал, если бы устроился туда?

Люба всё продолжала говорить:

– Хороший план, скажу Зине, что с нашей стороны тоже должен быть мужчина, когда придёт Павлик. И мой лучший друг, коллега Назим, в этом случае для нас как дар небесный.

Почему человек не может быть счастлив? Разве для счастья не хватает неба над головой, земли под ногами, глотка воды, хлеба насущного и здоровья родных? Почему эти обычные вещи кажутся иногда роскошью?

Он попрощался с Любой, но, честно говоря, даже не помнил, согласился ли он поехать к ним на выходные.

Рыночные полки закончились.

Назим вышел на улицу.

На улице была толпа, все куда-то спешили. По какой-то причине перед его глазами стали возникать военные сцены из просмотренных фильмов. Фашисты бомбят Москву, звучат страшные сирены, люди в панике бегут и прячутся, в воздухе летают листовки с надписью: «Сдавайтесь».

Затем сцену завершает красивый чернолицый мужчина в штатском с орденом на груди. Он игнорирует снаряды и помогает нуждающимся пожилым людям.

Он как будто только читал книгу, слова и предложения возникли ниоткуда и начали выстраиваться перед его глазами: *«Даже самые большие конфликты следует решать, не поднимая меч против меча, не начиная войну, не вступая в словесную драку, кулачные бои или убегая и прячась, а идя на переговоры, выясняя отношения, доказывая истину, если вы правы, а если не правы, то извинившись».*

И эти предложения какое-то время висели у него перед глазами: *«...вести переговоры вместо того, чтобы бежать и прятаться...»*

А он не пошёл на переговоры, сбежал и спрятался.

Он вдруг достал из кармана телефон, проверил, есть ли у него доступ в Интернет, и набрал номер. Как только на другом конце линии ответили на звонок, он начал говорить на одном дыхании:

– Шакир, прости меня, я совершил большую ошибку, обманул тебя. Поверь, я настолько был уверен, ни секунды не сомневался, что может что-то пойти не так. Я очень виноват перед тобой.

Поняв, что Шакир молчит и слушает его, продолжил уверенно:

– Всё это время меня мучила совесть. Я не знал, что тебе сказать. Вот почему я убежал и спрятался. Теперь я перед тобой, я готов смыть все свои грехи. Ты один из дорогих мне людей. Умоляю, давай покончим с враждой, прости меня, «неvezучего», договоримся и я верну тебе деньги по частям.

Шакира очень впечатлила его внятная речь и то, что он до сих пор не забыл своего псевдонима «неvezучий». Он сильно смягчился, они долго разговаривали. Шакир сказал:

– Ты нанёс мне двойной удар: взял деньги и не вернул, а позже вместо того, чтобы признать свою ошибку и исправить её, сбежал. Вот почему я объявил тебя врагом номер один. Твоя ошибка встала между нами стеной зла. Молодец, что позвонил и разрушил эту стену.

После подключили к линии Махада, и они втроём долго разговаривали и вспоминали прошедшие дни.

Назим испытал такое облегчение, словно вдруг избавился от непосильной ноши.

Он вернулся к прилавку в гораздо лучшем настроении. Спросил бабусь об Аслане – оказалось, он был где-то здесь. Во время разговора с друзьями ему в голову пришла идея о новом источнике дохода. Определённые люди каждое утро привозили им фрукты и овощи с оптового фруктового рынка Москвы с накладной ценой. Аслану каждый раз приходилось отдавать им дополнительные деньги, в результате сами они были вынуждены продавать товар дороже. Почему эту же работу не сделать самому Назиму?

Он набрал Аслана, тот был в бухгалтерии и сказал, чтобы Назим пришёл, есть о чем поговорить. При встрече Назим заявил, что с завтрашнего дня сам поедет к оптовикам за товаром и сделает эту работу за меньшую сумму, чем Аслан на данный момент платит поставщикам. Аслан согласился со словами:

– Я не против, коль не будешь хитрить.

Если к семи утра поехать к оптовику, забрать и привезти товар на рынок, то до вечера все дела сделает, а вечером поедет в Перхушково в свой любимый дом-музей. Правда, спать будет некогда. В первые дни работы в музее он спал, но теперь Назим читает рукописи, знакомится с документами и экспонатами. Ну, ничего, здесь во время обеда получасового сна на складе будет достаточно.

Глава 26

После возвращения Мусы из Ленинграда семья была на грани нищеты, низкооплачиваемая работа не могла спасти их. После случившегося Мирзе Махмуду не нашлось работы, советская власть не устала преследовать этого честного человека из-за его прошлого.

Сона налила Мусе чай в его любимой чашке. Она так извинилась за отсутствие сахара, как будто это была её вина.

– Сона, как решить мою проблему с работой? – Муса смотрел Соне в глаза.

– Нам просто нужен толчок, чтобы выбраться со дна. Я верю, что дальше будет лучше, – сказала Сона, подбадривая его.

Муса вышел из дома и направился прямо в Азгеолбюро, попросил отправить его на геолого-полевые работы. Его с радостью приняли. Ожидались сложные геологические исследования Малого Кавказа от Агстафачая до Тартарчая. Лучшего руководителя группы, чем он, не найти. Предстояла серьёзная и хорошо оплачиваемая работа: поиски золота, молибдена и кобальта. Его единственной просьбой было разрешение взять с собой семью, на что он получил согласие.

Муса пришёл домой, обрадовал Сону, сказал, что едет вся семья. Отец не поехал с ними. Муса забрал жену и сына. Началась новая страница. Он разместил семью на базе в Анненфельде¹. Он проводил исследования, преодолевая по 20-25 километров в день, иногда верхом, иногда пешком, вдоль рек Малого Кавказа, а раз в неделю ездил в Анненфельд навестить родных. Но Сона и малыш не смогли остаться там надолго. Мусе пришлось отправить их обратно в Баку, поскольку здешний климат плохо влиял на Омара Хайяма.

Несмотря на то, что работать здесь оказалось геологически сложно и были проблемы с кадрами, Муса справился. Необходимо было очищать и промывать археологические находки, причём это дело выполняли всего два человека – Кошурников и Горбач, приглашённые с Северного Кавказа за высокую оплату. Пользуясь своей незаменимостью, они иногда по два-три дня подряд не появлялись на работе, уходя в запой. А когда от них требовали трудовой дисциплины, то объявляли забастовку. Чтобы выйти из сложной ситуации, Муса заставил местную молодёжь обучаться этому искусству. Те наблюдали за Кошурниковым и Горбачом, тщательно следили за техникой работы, осваивая её принципы. Не прошло и месяца, как три человека обучились всем премудростям. Очередная забастовка избалованного дуэта закончилась их увольнением.

ПРАВИЛО ДВЕНАДЦАТОЕ

За большие цели нужно бороться командой. Команда должна быть как единый механизм, все должны бить в одну точку. Если один человек уклоняется от работы, нарушает порядок или демонстрирует беспорядочное поведение, это будет вредить общему делу и приведёт к отклонению от цели. Поэтому любое звено, нарушающее рабочий ритм, следует исключить.

¹ Ныне Шамкирский район.

Вскоре был зафиксирован первый результат. Около Дашкесана, в верховьях Гошгарчая, нашли жилу кварца с примесью золота. Анализ шлихов подтвердил, что регион богат молибденом и кобальтом.

Экспедиции дали недельный отпуск и двойное вознаграждение, Муса уехал в Баку, накупил пирожных и конфет «Красный мак». Сона и Хайям очень обрадовались сладостям, а Мирза отругал сына за расточительность.

– В такое время зачем накупил столько конфет?

Он же не знал о традиции сына и невестки.

В 1935 году Мусе поручили возглавить следующую экспедицию – исследование района плотины и геологическое обоснование водохранилища строящейся на Тартарчае электростанции. Рельеф местности был чрезвычайно сложен – 250 метров спуска и подъёма. Река Тартарчай протекала по узкому скалистому ущелью до спуска на равнину вдоль Куры. Русло здесь сужалось, в результате вода текла со огромной скоростью, ревела и пенилась. Геологическую разведку надо было вести в этом узком потоке. Муса заметил страх в глазах своей бригады и подбодрил их: «Долго колебаться – страху набираться. Будьте смелее, мы благополучно завершим свою работу».

Они продвигались по скалам, по тропинкам, пробитым горными козлами. Над ними нависла опасность скатиться вниз. Камни вырывались из-под ног и падали в ущелье. Каким бы ты хладнокровным ни был, в этот момент испытывал ужас.

Шёл шестой день, Мусе снились кошмары, он беспокоился о домашних. Думал как-нибудь съездить в город и связаться со своими по телефону.

...Он достиг самого крутого места. Внизу на глубине ста метров журчали потоки Тартарчая, из-за бездны в глазах темнело. Он сделал ещё один шаг. Тропа сузилась. Теперь невозможно было идти выпрямившись. Он сделал следующий шаг – и вдруг потерял равновесие и стремительно покатился вниз.

Это конец? Как же так, когда у тебя столько светлых мечтаний, столько решимости созидать, столько желания приносить пользу людям, столько любви к родным, когда тебя ждут любимые сын, жена, отец, а ты покидаешь этот мир так рано?

Его мысли со скоростью света менялись, перед глазами как кадры проносились мгновения жизни. Его мать, отец, брат, авиамодель, Сона, его ребёнок, темно-зелёная студенческая кепка, книги, ковёр, подаренный отцом, пирожное... Сколько кадров возникло и исчезло перед его глазами за несколько секунд!

Он катился вниз, и вдруг почувствовал, как падение резко остановилось, потом возникла сильная боль. Оказалось, он зацепился за огромный терновый куст, который одиноко рос на скале и спас его... Чудо. Просто чудо.

Позже, каждый раз, когда его жизни угрожала опасность, каждый раз, когда с ним случалось несчастье, волшебная рука спасала его, волшебная сила оберегала его. По легенде, Всевышний следит за избранниками судьбы, бережёт их.

В момент, когда он столкнулся со смертью, он почувствовал невыносимую горечь, что разлучится со своими близкими и оставит начатое дело незавершённым. Возвращение к жизни доказало, что жизнь временна, мир смертен, что смерть мигновенна, он должен работать быстрее и жить со смыслом. Разумеется, он никогда ничего не говорил своим близким об этом происшествии.

И на этот раз Муса и его бригада справились со своей работой с честью. Вскоре была построена Тертерская ГЭС, общей мощностью 90 тысяч киловатт. Окрестности во главе с Кировабадом озарились светом.

Факт, что Алиев очень образован, очень талантлив, инициативен, настойчив и способен наилучшим образом проявить себя в геологических экспедициях, не остался незамеченным. В 1935 году Муса Алиев по представлению ЦК был назначен главой Азгеолбюро при Закавказском геологическом тресте. Глаза Соны наполнились слезами, когда услышала эту радостную весть, и она обняла мужа со словами: «Мой начальник».

В тот день они долго разговаривали с отцом. Отец радовался его успехам и гордился его настойчивостью, но был обеспокоен реальностью. Он был уверен в честности сына, но очень боялся, что тот может столкнуться с клеветой. Мирза Махмуд неоднократно призывал сына быть осторожным. Муса успокаивал его:

– Не волнуйся, отец, все будет хорошо.

Муса немедленно устроил «революцию» на новом месте: собрал самые достойные кадры и увеличил количество геологических экспедиций до тридцати. Отдельной задачей стала покупка оборудования для учреждения. Его уже заклеймили как националиста: он очень старался доставить технику, которую отправляли в Грузию, в Азербайджан, и ему это удавалось. По мере того, как его престиж рос, старые работники постоянно писали на него доносы, желая его увольнения. Именно эта проблема с оборудованием стала причиной его проверки Москвой. Возглавлял проверку человек по фамилии Рыбин, принципиальный и непоколебимо честный. Он увидел, что сделал Муса Алиев для науки, и сказал:

– Азербайджан не пропадёт с такими сыновьями, как вы.

Он дал Москве заключение в пользу Мусы.

В 1936 году Муса получил другую должность – декана факультета Азербайджанского индустриального института. Стать деканом этого института в двадцать восемь лет никому в то время не удавалось. Он начал бороться со студентами, которые не учились и прогуливали занятия, – большинство из них были детьми высокопоставленных чиновников. Подобный взлёт Мусы Алиева, помимо смелого разрушения существующих стереотипов на обеих его работах, привело к началу новой волны анонимных писем, доносов, козней и комиссий.

Когда злые силы объединились и подняли вопрос о его исключении из института, глава республики Мир Джафар Багиров достал очки-пенсне, подышал на них, затем тщательно протёр рукавом кителя и надел обратно. Он сказал комиссару образования:

– Говорите, он, несмотря ни на что, всё равно отчисляет неподготовленных студентов? Игнорирует установленные внутренние правила? Более того, он занимает высокую должность в двух местах?

Комиссар по образованию кивнул:

– Да, товарищ Багиров.

Мир Джафар Багиров неторопливо продолжил свою речь:

– Ну, я привык слышать об этом человеке только хорошее. На днях из Ленинграда я тоже получил ответ. Там хорошего мнения о нём. Только похвалы и одобрение! Мы не можем исключать из института таких преподавателей, как Алиев. Пусть он пока продолжает свою работу. Это будет целесообразно.

Мир Джафар Багиров был настолько властным человеком, что все боялись его. Он приравнял себя к Иосифу Сталину, лидеру СССР. Возможно, это сходство он ощущал невольно. Ему не было свойственно с кем-то советоваться. Он сам принимал все решения, лично следил за их выполнением и самостоятельно определял человеческие судьбы. У него был близкий друг в Кремле – Лаврентий Берия. Берия был соотечественником Сталина, грузином, главной фигурой силовых структур. Он тоже носил очки-пенсне. Он был номером один по жестокости, его решения не обсуждались. С его поддержкой Мир Джафар Багиров делал все, что хотел, ни с кем не считаясь. Сейчас он оправдал Мусу Алиева, но этот человек, взвешивавший каждое слово, не зря употребил слово «пока». Итак, оправдание было временным.

Сказав: «Пусть пока продолжает свою работу», Багиров на следующий день вызвал к себе Мусу Алиева. Сона и Мирза Махмуд испугались не на шутку. В народе ходила фраза: «Туда не к добру зовут». И это стало причиной их беспокойства. Муса успокоил их и сказал:

– Мне нечего бояться.

Ему пришлось долго ждать в приёмной. Стены впитали страх и панику. Он стал свидетелем этого ужаса: у пожилого мужчины, ожидающего приёма, тряслись колени. Но сам Муса был спокоен и сдержан. Впервые лицом к лицу он встретится с диктатором, о котором ходили легенды.

Багиров, встретив его ледяным взглядом, сухо сказал:

– Я вижу, что ты честный человек. Иди и продолжай работать. Мы создадим для тебя все условия на обеих работах. Но старайся всегда советоваться.

В то время было практически невозможно нести большую ответственность, не ломаться, защищать свою гордость и хранить чувство национального достоинства. Людей преследовали, арестовывали, сажали, отправляли в ссылки или же попросту доводили до инфаркта.

Возможно, что Всевышний оберегал Мусу Алиева. Неужели судьба была справедлива к нему? Нет. Он был нужен СССР, другие не знали того, что знал он, не могли делать то, что делал он. Поэтому иногда на него давили, угрожали – но не нейтрализовывали.

Глава 27

Оптовый рынок был настолько огромным, что прогулка от одного конца до другого заняла бы, наверное, полдня. Хорошо, что Назим нашёл своих соотечественников, иначе затерялся бы здесь.

Тут были свои законы. Знакомым товары продают дешевле, даже в кредит дают, а незнакомым, наоборот, товар обходится гораздо дороже. Расспросив односельчан, вышел на Аллахверди из соседнего села, который контролировал аренду автокаров и согласился ему помочь.

Аллахверди был молодым парнишкой с голосом старика. За короткое время он нарисовал для Назима карту рынка, объяснил правила и посоветовал, покупая товар, со спокойной душой представляться как «человек Баринова». А потом извинился и быстро пошёл по своим делам.

На первой площади выстроились с открытыми кузовами микроавтобусы и небольшие грузовики, где торговали прямо из машин. Между ними на земле под большими зонтами стояли продавцы фруктов и овощей, а дальше – крытая часть рынка, где выстроились в ряд прилавки.

Больше всего было людей, привозивших товары из регионов России, Белоруссии, Узбекистана и Азербайджана. Было немало народу и со спорных территорий бывшего Советского Союза. Среди них были и жители Приднестровья, Абхазии и Крыма.

На рынке, раскинувшемся между металлическими столбами, к которым были проведены высоковольтные линии электропередач, впечатляла аккуратность разложенного товара. Крупные фрукты – яблоки, груши, апельсины, сливы, персики – были разложены в ящиках так, будто все они одного размера и цвета. Но такой же порядок царил и в рядах ягод. Клубника, вишня и черешня, малина, смородина – ровное расположение этих крохотных плодов удивляло. Назима особенно поразило терпение людей, которые раскладывали маленькие ягоды тутовника одну к одной.

Он покупал фрукты по списку, данному Асланом, и каждый раз говорил продавцу:

– Я человек Баринова.

Сравнивал с ценой, по которой им ещё вчера продавал оптовик на Москворецком рынке. Была большая разница. Аслан этому обрадуется. Он останется доволен тем, что Назим взял эту работу на себя.

Время шло. Он погрузил купленные ящики в автокар. Надо было торопиться, чтобы вовремя доставить продукты на рынок.

Когда Назим вошёл, Вадим Борисович сразу заметил, что у него приподнятое настроение, и спросил:

– Откуда солнце взошло, что лицо моего хмурого сторожа сияет улыбкой?

Назим торжественно вручил ему целлофановую упаковку:

– Я вам рязанский творог принёс.

Конечно, Вадим Борисович был очень доволен этим жестом, даже прослезился.

Чайная церемония сегодня длилась дольше обычного. Вадим Борисович поместил места нескольких экспонатов, а на левой стене повесил картины Мусы Алиева с разными людьми в позолоченных рамках.

– Эти, кажется, новые? – спросил Назим.

– Да, новые, рамки давно заказал, сегодня наконец-то привезли, – сказал Вадим Борисович.

Он добавил, что главное условие в работе музея – сохранение и соблюдение историчности. Он заказал рамку для картины, типичную для пятидесятых-шестидесятых годов прошлого века.

Потом он с улыбкой встал перед картиной и начал говорить:

– Земля будет пухом всем троим, это Муса Алиев, мой отец, и Мир Джалал Пашаев, ваш выдающийся писатель. Кум Мусы Алиева. Сын Мир Джалала Пашаева, Хафиз, женился на Рене, дочери Мусы Алиева.

Назим сразу вспомнил произведение «Манифест молодого человека»¹. В старших классах отрывок в учебнике был настолько интересен классу, что они прочитали произведение целиком. Даже Назима, не читавшего художественную литературу вообще, оно заинтересовало. И это была единственная художественная книга, которую он прочитал.

Радуюсь, что хоть о чём-то осведомлён, он быстро начал рассказывать Вадиму Борисовичу о «Манифесте молодого человека». Он даже вспомнил, как в девятом классе на праздник Новруз готовили и исполняли сценку из этого произведения.

Он сыграл роль Мардана. Подойдя к середине кабинета и раскинув руки в стороны, как актёр, начал на родном языке беседу со своим воображаемым собеседником. Сам удивился, что спустя столько лет все ещё помнит слова: «Хорошая работа бесценна. Моя мать до замужества соткала ковёр с изображением Юсуфа и Зулейхи. Все, кто видел его, от купцов до англичан, пытались купить и увезти. Предлагали золото, скотину, кто имущество и деньги. Сам я из крестьянской семьи. Не разбираюсь в антиквариате. Однако знаю, что творчество талантливого человека, умелого мастера, бесценно. Всё легко, но работа, изящная работа – редкость!»

Хотя Вадим Борисович не понял сказанное Назимом, но оценил его актёрское мастерство, аплодируя стоя. Он сразу же попросил перевести то, о чем Назим говорил. После услышанного Вадим Борисович вздохнул:

– В точности помню. Это был 1973 год. Вот здесь, перед этим окном стоял Муса Мирзоевич, а Мир Джалал и мой отец – напротив. Они мило разговаривали, а я, прильнувши к отцу, слушал интересные разговоры этих великих людей. Инициатива запечатлеть исторический момент исходила от Мусы Мирзоевича, который сказал мне: «Беги и позови дядю Мишу, чтобы он нас сфотографировал». Дядя Миша был фотографом-любителем. Повесив камеру ФЭД на плечо, он запечатлел самые интересные моменты. Такова история этой фотографии.

Когда Назим перешёл к третьему стакану, Вадим Борисович удивился, встал перед ним и спросил:

¹ Манифест молодого человека (азерб. *Bir gəncin manifesti*) – роман азербайджанского писателя, литературоведа Мир Джалала. Роман написан в 1937–1939 годах и издавался по частям в журнале «Революция и культура».

– Всё-таки что происходит? Тебя сегодня не узнать.

Назим рассказал, какие изменения в его жизни произошли после прихода в этот музей, как он внимательно, иногда даже несколько раз читал рукопись, как ожидали эти сцены перед его глазами, как старался сделать вывод из каждого эпизода и события, как, следуя описанным там правилам, примирился со своим другом детства, с которым враждовал. А также придерживался наказов: не бояться тяжёлой работы, выходить из зоны комфорта, ради средств к существованию двигаться к цели, если даже это будет стоить бессонных ночей и неудобств. Благодаря всему этому он нашёл новый источник дохода. Он сказал, что этот великий человек уже начал играть важную роль в его жизни.

Вадим Борисович улыбнулся и заметил:

– Помнишь, когда ты впервые пришёл сюда, тебя ничего не интересовало. Я пожалел, что сказал: «Читай». Ты отказался. Я знал, что, как только уйду, ты будешь спать как убитый. Я даже хотел тебя выгнать, потому что ты не тот человек, которого я искал. А потом подумал, что притяжение этого места очень сильно, может быть, со временем ты передумаешь. Но, честно говоря, не верил, что это произойдёт так скоро.

Вадим Борисович поинтересовался, до какой части и года Назим дочитал. Когда он узнал, что это 1937 год, нахмурился и сказал:

– Ты дошёл до тяжелейшего периода судьбы этого человека, миллионов людей и вообще целой страны. – Тяжело вздохнув, сказал: – 37-й год – это год истребления самых светло мыслящих людей.

Глава 28

1937 год наступил тихо, без всякого торжества.

Но как только он наступил, слова типа «поймали такого-то» и «забрали такого-то» стали употребляться чрезмерно часто. Фамилия начальника НКВД Григоряна была у всех на устах. По национальности он был армянин, и ему никто не смел перечить. Что происходило? Муса лично был свидетелем ареста директора индустриального института Ахундзаде и всего руководства «Азнефти».

Муса и такие же патриоты, посвятившие свою жизнь процветанию страны, боровшиеся за идею и считавшие происходящие процессы необходимыми, когда видели случавшуюся время от времени несправедливость, задавались вопросом: что это за строй, который без суда и следствия уничтожает людей?

В мае, казалось, репрессии немного утихли, появилась надежда, что всё вернётся на круги своя. 24 мая Муса пришёл домой весёлый и сказал отцу:

– Отец, идём на футбол.

И Мирза Махмуд, и Сона были удивлены. С чего это? Какой ещё футбол? Муса и футбол?

Муса все объяснил своим родным. В марте в Баку был основан футбольный клуб «Нефтяник». Белая футболка команды с черными полосами отражала белое золото, то есть хлопок, и чёрное золото, то есть нефть. Сегодня команда выходила на свою дебютную игру – первую официальную игру, матч 1/64 финала Кубка СССР. Игра должна была проходить на стадионе «Динамо» в Баку. А соперником была команда Армении, ереванское «Динамо».

Конечно, резня 1918 года, убийство его брата Мамедтаги армянскими дашнаками никогда не сотрётся из памяти Мирзы Махмуда. Считая проигрыш армянского клуба утешением, он заявил, что с удовольствием пойдёт на матч.

Стадион «Динамо» вмещал всего пять тысяч болельщиков. Не имея возможности найти билет, тысячи людей смотрели матч, стоя перед большими железными сетчатыми воротами стадиона, взбираясь на окружающие деревья и на крыши зданий.

«Лишь бы только наши победили, не опозорили нас», – думали отец и сын. Ведь это был не обычный матч. Это была скорее политика, нежели спорт, битва не на жизнь, а на смерть, между двумя соседями, которые годами находились в конфликте, дошедшем до вражды. Это подтвердило напряжение, проявленное футболистами с первых минут, многочисленные нарушения и споры. Отличающийся техничной игрой капитан «Нефтяника» Мамедали Исмаилов получил много ударов.

Фанаты, включая Мусу и его отца, бурно аплодировали и кричали. За три минуты до конца матча весь стадион замер. Бакинский нападающий Павел Штирлин неудержимым ударом отправил мяч в ворота армян. Внезапно на молчаливом стадионе раздался такой гул, что, казалось, будто весь город вздрогнул. Историческое событие: азербайджанский клуб выиграл свой первый официальный матч! Домой они вернулись, на удивление Соны, с пропавшими от крика голосами.

Но эти счастливые минуты исчезли под натиском кошмара последующих дней. Новая волна репрессий довела и без того невыносимые условия до крайности. Гибли тысячи людей, самые яркие люди Азербайджана были брошены в тюрьмы, сосланы и расстреляны. После очередного смертного приговора Григорян написал матери такое письмо: «Мама, я сто раз отомстил за смерть твоего брата, моего дяди».

Мусу Алиева вызывали на допросы почти каждую неделю, каждый раз, когда он уходил, он чувствовал угрозу, что может не вернуться, и прощался с Соной, сыном и отцом. Однажды он сказал Соне:

– Все думают, что эти массовые аресты людей, эти ссылки, эти смертные приговоры временны, но я чувствую, что всё это будет продолжаться и в последующие годы, потому что суть захвативших власть – красный террор.

Он никогда не отчаивался, никогда не падал духом и добавил с оптимистической нотой:

– И всё же без веры жить невозможно. Я верю, что эти нелюди, охотившиеся на невинных, будут в ближайшее время истреблены, и наше государство будет спасено. А пока я буду делать свою работу, буду придерживаться своих принципов до конца.

Каким бы усталым и разбитым он ни приходил домой, ночью он читал при свете торшера. Наконец, Сона не выдержала, забрала у него книгу, сказав:

– Если читаешь в таком усталом и напряжённом состоянии, читай хотя бы не часами подряд.

Муса улыбнулся и взял книгу из её рук.

– Ты знаешь, что это за книга? Драма «Вагиф» Самеда Вургунa. Я успокаиваюсь, читая. Наш великий поэт пишет про эпоху Вагифа, подразумевая сегодняшний день.

Сказав это, Муса начал читать «Вагифа» наизусть. Шли минуты, а он продолжал читать с интонацией, в свойственной чтецам манере:

*О боже, тяжело живётся людям!
Ты видишь, каково живётся людям!
Вероучений много – в чем их смысл?
Где истина? Откройся, боже, людям!
Как различить добро и зло, о боже!
Слепые. Зрячими когда мы будем?
Дай свет очам! Со злыми будь построже!
Когда мы наконец жить мирно будем?
Средь войн кровавых сердце жаждет мира,
Но тёмное кругом бушует море...*

Сона удивлённо спросила:

– Муса, ты знаешь наизусть всю поэму?

...1937 год сменился 1938-м. Не было разногласий по поводу назначения директора в институт. Багиров взял ручку, вычеркнул семь фамилий из списка и написал на самом верху: «Муса Алиев».

На этот раз Сона встретила хорошие новости словами:

– Мой директор. – Она обняла его и сказала: – Я горжусь тобой.

Удивительно. В тридцать лет он уже директор главного вуза страны. Где бы он ни начинал работать, первым делом призывал к дисциплине. За короткий период времени он реформировал институт и исправил нарушения. Он ввёл «Внутренние дисциплинарные правила» и делал всё, чтобы привить студентам любовь к культуре. Создал джаз-оркестр, духовой оркестр, национальный оркестр, а также драматический кружок. Когда состоялась премьера спектакля Джафара Джаббарлы «Севиль», в театр стекались не только представители института, но и общественность города. На спектакль Муса привёл и своих домашних.

В то время там учился Гейдар Алиев, в будущем – видный государственный деятель Азербайджана. Позже Гейдар Алиев вспоминал об этом периоде: «Дисциплина была очень строгой. Студенты старались не опаздывать на занятия. У двери всегда было столпотворение. Образование, подготовка, дисциплина и знания, которые я получил тогда, сыграли большую роль в моей жизни. Поэтому я всегда вспоминаю те годы с великим чувством благодарности. В то время ректором здесь был Муса Алиев. Позже он стал выдающимся учёным, президентом академии».

В 1939-1940-е годы репрессии немного утихли, но общественно-политическая жизнь страны по-прежнему пахла кровью.

Однажды вечером Муса пришёл домой усталый, и, когда Сона принесла чай, она снова обнаружила его дремлющим за столом. Проснулся, когда чай уже остыл. Позвал отца и сказал родным:

– Дорогие мои, по итогам сорокового года наш Индустриальный институт занял первое место среди высших учебных заведений СССР в области нефти и был удостоен переходящего Красного Знамени, опередив престижный и знаменитый Московский нефтяной институт. Прошу аплодисментов.

Жена и отец с большой радостью захлопали в ладоши. Следующая новость была ещё лучше:

– Институту и вашему покорному слуге Мусе Алиеву вручат Орден Трудового Красного Знамени.

Их радости не было предела. В тот вечер до утра никто из них не сомкнул глаз от радости и гордости.

Благодаря Мусе Алиеву имя Бакинского индустриального института, ставшего одним из самых престижных учебных заведений на Востоке, распространилось по всему миру. Когда Муса придёт домой с орденом на груди, Сона обнимет его со словами: «Мой орденосец».

А на пороге стояла новая разлука, очередная дорога на чужбину.

Иногда один и тот же путь дарит и радость, и грусть. Точнее, ты грустишь, не успев обрадоваться.

1941 год запомнился тем, что Мусу Алиева вызвали в Москву. Ему предложили работу доцента кафедры палеонтологии и исторической геологии Московского нефтяного института и руководителя Главного учреждения учебных заведений Комиссариата народной промышленности СССР. Прощаться с Баку, конечно, было тяжело, он уже был отцом троих детей. После Омара Хайяма родился ещё один сын по имени Икрам, а затем дочь по имени Рена. Рена была любимицей Мусы, в ней он видел черты своей матери Набат.

Родина, любимая Сона, дети, отец, институт, исследовательская работа – как можно было всё это бросить и уехать? Но постоянные преследования, страх 1937 года, доносы окружающих, предательства, столько допросов, каждый раз писать объяснительные – все это утомило Алиева. Он думал: «Может быть, в Москве будет другая среда».

Борьба учреждений и организаций за лучшие кадры вполне объяснима, но борьба республик – редкостный случай в истории. Муса Алиев нужен был Москве, но Баку его тоже не отпускал, поэтому Кремль согласовал его отъезд в Москву не с Мир Джафаром Багировым, а со вторым секретарём ЦК ВКП (б) Азербайджана Петром Чеплаковым.

Муса знал, что надолго поселится в Москве, и планировал перевезти сюда свою семью. Сона готовилась к переезду в Москву.

Но 21 июня по радио прозвучала страшная новость. Это был голос Молотова: «Нацистская Германия напала на СССР». Немедленно собрали Совет безопасности, членом которого был Муса, в здании Народного комиссариата. Ему была поручена охрана Московского нефтеперерабатывающего завода и Московского нефтяного института от воздушных налётов, а также контроль за своевременным отключением систем освещения. Как только Муса вышел с собрания, первым делом он позвонил Соне и сообщил, что из-за начала войны их переезд невозможен.

Самой сложной из порученных ему задач была охрана нефтеперерабатывающего завода, поначалу он не спал четыре дня подряд. На следующий день во время осмотра института, разговаривая с управляющим, невольно уснул за столом. Товарищи уложили его на диван и укрыли. Он проснулся после того, как проспал как убитый четыре часа. В последнее время его мучила бессонница, и это состояние наносило наибольший ущерб здоровью. Он знал, что это напряжение, волнение, стресс, недосып обязательно будут иметь свои последствия в будущем.

С фронта приходили ужасные вести, фашисты быстро наступали. Единственным утешением было то, что Баку находится далеко от линии фронта.

Работа, ответственность, которую он нёс, была чрезвычайно тяжела. Ему поручили невозможное. Нужно было любым видом транспорта ехать в Грозный, который находился под носом у фашистов, и перевести Грозненский нефтяной институт в Красноводск. Ему сказали:

– Мы знаем, что это невозможно, но наш долг – хотя бы попытаться.

На что Муса ответил:

– Я поеду и переведу.

Ценой бессонных ночей, тысячи лишений, каким-то образом удалось добраться до Грозного, сам удивлялся, как ему это удалось. Он сразу собрал студентов и преподавателей с их семьями. Поиски пассажирского и товарного поезда заняли много времени, он звонил всем, наконец, институтские принадлежности и людей в сохранности погрузили в два выделенных ему товарных вагона. Все это происходило под постоянным грохотом обстрелов, рёвом самолётов и страхом перед дождём снарядов, которые могли упасть в любую минуту.

Конечно, война сделала людей ближе и добрее друг к другу. Ему помогали все, кого бы Муса не просил. Тем более, что орден Трудового Красного Знамени на груди говорил сам за себя. Конечно, людей с орденом можно было пересчитать по пальцам.

Как только поезд покинул станцию, вокзал начали бомбить. Ещё две минуты – и никого не осталось бы в живых.

Он доставил своих подопечных в Махачкалу и отправил их на корабле в Красноводск, и только тогда ему показалось, что с плеч сняли непосильный груз. А по возвращении, в Москве, его встретили как настоящего героя.

Судьбу Второй мировой войны решала кавказская нефть, а Муса Алиев, по поручению главы страны Иосифа Сталина, занялся воспитанием молодых нефтяников.

Они обеспечивали топливом фронтową технику, громившую фашистов, добравшихся до Моздока. Под его подчинением было 25 нефтяных учебных заведений. В октябре 1941 года, в самый решающий момент Второй мировой войны, когда фашисты находились на подступах к Москве, Гитлер готовился к празднованию победы в Кремле, сотни тысяч москвичей эвакуировались на восток по Казанской дороге. Ходили слухи, что советские войска собираются покинуть город, который постоянно обстреливали снарядами, в воздухе летали листовки с призывом сдаться, а железнодорожники переворачивали вагоны и раздавали все продукты питания: сахар, муку, чай, рис – народу, чтобы врагам не досталось. Многие высокопоставленные чиновники покинули город. И тогда Муса Алиев заявил, что никуда не поедет, и остался в центре событий. Поступил как дядя Мамедтаги, который в 1918 году противостоял армянам. Здание, где он жил, разбомбили и разрушили, но город Муса так и не покинул. Даже в ноябре, после перевода Московского нефтяного института в Уфу, когда вернуться в Москву было практически невозможно, – немцы уже располагались в Химках, в десяти километрах от Москвы, на Можайском шоссе, – он все-таки нашёл дорогу и вернулся в столицу. Речь шла не о русских, украинцах, армянах, азербайджанцах, а об общей Родине, Москва была столицей большой семьи, включавшей в себя множество народов. Когда Муса прибыл в Москву, немцы взорвали огромное серое здание ЦК Коммунистической партии на углу улиц Ногина и Куйбышева. Учреждение, где работал Муса, тоже подверглось бомбардировке, его кабинет и комната отдыха были разрушены.

Мусе дали новый кабинет и квартиру. Целыми днями он усердно работал, но по вечерам ему становилось тоскливо. Его угнетало, что не может общаться с семьёй. Появилась привычка курить. Он курил длинные сигареты из табака и бумаги, которые сам делал и раздавал коллегам и соседям; тем они очень нравились.

Они пережили очень суровую и страшную зиму и вступили в весну 1942 года. Московский комитет партии призывал людей сажать картофель везде, где это возможно, чтобы не допустить голода. Все сады, парки, обочины дорог, дворы были засажены. С раннего утра женщины и дети поливали свои участки, надеясь, что картофель быстро вырастет. В результате летом было собрано больше урожая, чем ожидалось, и у каждого было по несколько мешков картофеля на зиму. Именно в тот год картофель стали называть «вторым хлебом».

Тогда Багиров неоднократно пытался выйти на связь с Кремлем, он настойчиво хотел вернуть Мусу Алиева в Баку. Столь успешный азербайджанец, получивший мандат от Сталина и служивший в Москве, был опасен для такого эгоистичного лидера, как Багиров.

Фактически на протяжении всей истории Советского Союза красные лозунги типа: «Да здравствует великий вождь!» и «Вперёд, к коммунизму!» представляли противоречие на фоне арестов, ссылок и расстрелов, голода и километровых очередей за продуктами питания по карточкам. Теперь это противоречие чувствовалось ещё острее. Однажды Муса Алиев узнал, что его семья в Баку терпит нужду. Он обратился в Народный комиссариат торговли Азербайджана с просьбой о дополнительной поддержке для семьи, состоящей из супруги, отца и троих детей.

Он понимал, что его семья с трудом сводит концы с концами, но не знал, что они практически голодают. Чтобы прокормить детей, Сона продавала предметы домашнего обихода, а сама с тестем жила впроголодь.

Комиссариат проинформировал Багирова об обращении Мусы, который гневно сказал:

– Конечно, отказать, пусть и семью заберёт к себе.

После этого отказа Муса Алиев, дороживший семейными ценностями, очень обеспокоился судьбой своей семьи, находившейся под властью такого человека, как Багиров, и решил вернуться в Баку. Он отказался от своих привилегий и должностей.

В Москве огорчились этому решению, а Иван Седин¹, его непосредственный руководитель, на которого за это время Багиров неоднократно оказывал давление, сказал:

– Багиров узнал о мандате, выданном тебе Сталиным, и думает, что Москва воспитает из тебя умного и сильного руководителя. Он уже видит в тебе своего будущего соперника и хочет держать тебя под своим контролем.

Седин отчаянно не хотел отпускать Мусу, но тот настоял на своём. Седин ещё раз напомнил о позиции Багирова в отношении Мусы.

Тут Мусе пришлось в голову получить рекомендательное письмо от Седина о проделанной им здесь огромной работе. Багирову было бы сложно реализовать свои тёмные намерения в отношении специалиста с таким письмом.

ПРАВИЛО ТРИНАДЦАТОЕ

Если ваш противник силён и ваши шансы в этом бою равны нулю, внимательно вспомните все произошедшие события, даже самые незначительные. Поверьте, вы обязательно найдёте факт, которого сможете придерживаться и которому есть доказательства.

Это станет вашим спасательным кругом. Если вы опытни, этот факт станет самым мощным оружием в ваших руках, чтобы поразить врага.

Алиеву вручили образцовую характеристику, которая доказывала его исключительную деятельность.

Глава 29

Когда Назим доехал до проспекта Вернадского – Большого Московского цирка, до начала представления под названием «Легенда» оставались считанные минуты. Поспешно нашёл своё место в тринадцатом ряду и сел. Только сейчас заметил: тринадцатый ряд, тринадцатое место.

Он не был суеверным. Но ему показалось странным: две цифры «тринадцать» вдруг оказались рядом. Интересно, к чему это?

Слева от него сидела семья: молодая пара и двое детей пяти-шести лет. И справа сидела семья. Причём здесь детей было трое. Кроме мужа и жены, с ними пришли ещё бабушка и дедушка. Перед ним тоже сидела семья с детьми постарше. Девочке посередине было лет тринадцать или четырнадцать. Тогда он понял, что его окружают семьи. Они приходят в цирк семьями и приводят своих детей. Ну, конечно, кто ещё, кроме него, придёт в цирк один?

Раз в неделю Аслан давал ему выходной. Рабочий график этих последних дней был очень тяжёлым. Ведь он работал в трёх местах – на оптовом рынке, на Московцеком и в музее. Ему хотелось провести сегодняшний отдых с пользой и расслабиться. Он решил пойти не в кино, не на концерт или в театр, а в цирк. Он никогда в жизни не был в цирке. За четыре года студенческой жизни, проведённых в Баку, он много раз ходил в кино, театр, музей и на концерты. У них была очень хорошая группа, которая ставила себе целью повысить свой культурный уровень. Но им в голову не приходило пойти в цирк. Может быть, потому, что цирк считался детским развлечением. Правда, в цирк ходят и взрослые, когда приводят детей.

Разве плохо пробовать что-то новое? Несколько дней, куда бы он ни пошёл, люди говорили об этом представлении, везде он видел рекламу и афиши. Было бы непростительно упустить такую возможность.

¹ Иван Корнеевич Седин – Герой Социалистического Труда, в годы Великой Отечественной войны возглавлявший Народный комиссариат нефтяной промышленности СССР.

Сначала он хотел прийти с Любой, но потом передумал. Она обязательно потащила бы его в автосалон.

«Может быть, с Субханом вместе интереснее будет». Но потом подумал: «А он не будет насмехаться, что мол взрослый мужик идёт в цирк, как ребёнок?»

Сидевшие справа дедушка и бабушка о ком-то говорили:

– Этот человек совершил много грехов и разрушил судьбы.

Бабушка сказала, что этот год – год кармы, год справедливости, каждый заплатит за содеянное.

Услышав это, он невольно замечтался, что в год справедливости настигнет кара его врагов: не только Мумтаза и Зэка Тахира, но и руководителей ведомств, которые обещали работу и годами заставляли ждать.

Представление началось. Под громкие аплодисменты конферансье вышел на сцену и объявил, что они станут свидетелями выступления, не имеющего аналогов в мировой индустрии развлечений, перед ними выступают лауреаты международных конкурсов, заслуженные и народные артисты России. Лучшие артисты Большого цирка продемонстрируют своё неповторимое мастерство, сегодня цирковой коллектив покажет всю свою мощь, ресурсы и фантастические возможности.

Затем под бурные аплодисменты были представлены художественный руководитель Аскольд Запашный и режиссёр, а также главный балетмейстер Дарья Пурчинская. И представление началось. Были продемонстрированы самые современные достижения световой, лазерной, видео- и пиротехники. На арену вышли герои, олицетворяющие необыкновенные истории, основанные на легендах и мифах Древней Греции. Они раскрыли все краски и колорит того далёкого времени. О, это бессмертный Зевс, это Аид, это Посейдон, это непобедимый Геркулес, рядом с ним Орфей-певец, Афина, Гермес, Персей – все они здесь, даже медуза Горгона и пёс Цербер.

Назим ел мороженое и смотрел с неподдельным интересом, как ребёнок. На мгновение он забыл всё – и возраст, и проблемы, – его внимание было сосредоточено только на чудесном зрелище. Самый разнообразный спектр трюков, уникальное исполнение сложнейших номеров, игры дрессировщиков и экзотических животных – один момент интереснее другого.

Бабушка и дедушка справа на кого-то сильно злились, бабушка снова повысила голос и подчеркнула, что этот год – год кармы, что снова привлекло внимание Назима.

Был объявлен очередной номер, связанный с древнегреческими мифами – начался «бой» гладиаторов с дикими животными. От волнения и страха у всех застыла кровь. В этот момент Назим представил себе сцену, как эти страшные львы терзают его врагов.

Выступление двухсот человек – от артистов балета, акробатов и дрессировщиков до оркестровых музыкантов – представляло собой просто захватывающее зрелище. Перед зрителями развернулась настоящая легенда.

...Но Назима вскоре покинула симуляция забвения. Вокруг были дети примерно возраста его детей. Интересно, Айсу и Анар когда-нибудь увидят цирк?

Он вдруг подумал: вот кто-нибудь снимет, как он здесь развлекается, ест мороженое, смотрит цирк и смеётся от души, и покажет это Зарнишан, которой нечем детей кормить, отцу, которого избили, и сестре, которая от страха не может выйти из дома?

После антракта у него пропало настроение, и он не стал смотреть продолжение, покинул цирк.

Он шёл по довольно людной улице, потом повернул и хотел перейти на другую сторону, но увидел несколько рядов мчащихся машин – и попятился.

Куда пойти?

Автобус, метро, опять автобус. Просмотрев расписание автобусов, расспросив прохожих, сменив несколько видов транспорта, нашёл адрес: Выползов переулок, дом семь. Джума-мечеть с золотыми куполами и минаретами поражала своей удивительной красотой. Здание, построенное восемь лет назад, придало городу особую красоту. Здесь же располагался совет муфтиев России, здесь заседал муфтий Равиль Гайнутдин, татарин по национальности.

Сначала Назим хотел пойти и встретиться с муфтием. Встреча с высокорелигиозным человеком – благое дело. Он узнает от него, как следует поступить, чтобы избавиться от отчаяния.

Назим подошёл к зданию, где располагался Совет муфтиев. Но охрана его не пустила, заявив, что муфтия нет на месте. Итак, он вернулся, снял обувь и вошёл в главный молитвенный зал мечети. Это было здание высотой с шестизэтажный дом, величие которого было осязаемо. Купол был украшен золотыми узорами. Если посмотреть внимательно, то можно увидеть, что узоры представляют собой надписи аятов Корана. Колонны, решетчатые окна, зелёные ковры – всё было красиво.

Внутри гид рассказывал о мечети группе людей. Было понятно, что посетители приехали либо из провинции России, либо из одной из республик бывшего СССР.

Несколько человек стояли на коленях и молились Всевышнему.

Экскурсовод продолжал:

– Высота главного купола, покрытого золотом, составляет сорок шесть метров, а диаметр – двадцать семь метров. Высота минарета достигает семидесяти восьми метров. Это самая большая мечеть Москвы. Когда мечеть строилась, муфтий Равиль Гайнутдин предложил: «Давайте построим мечеть специально для Москвы, не похожую на другие. Поэтому эта Джума-мечеть сочетает в себе архитектурные элементы как Московского, так и Казанского Кремля. Входные двери с резными узорами были подарены правительством Турции. Люстры и ковры главного зала – также подарок Турции. Аяты Корана на стенах, колоннах и куполах были выгравированы турецкими мастерами. Здесь одновременно могут молиться десять тысяч человек.

Назим подошёл к кафедре. Он сегодня впервые в жизни пошёл в цирк, а теперь впервые в жизни пришёл в мечеть. Говорят, высоко в горах и в молитвенных сооружениях голоса и просьбы людей возносятся до Всевышнего. Назим опустил на колени и поднял руки к небу.

– Умоляю тебя, помоги мне. Спаси и избавь от бед, – шептал он.

Здесь, внутри мечети, была необычная атмосфера. На душе становилось так легко, будто в следующую минуту сможешь расправить крылья и взлететь.

Сейчас он, вспомнив, оценил беседу пожилой пары рядом с ним в цирке с другой стороны. Ведь он никому плохого не сделал. Правда, он был нерешителен и труслив, но зла не делал. Он не сделал ничего плохого даже Шакиру: вернёт деньги, как только будет возможность. Но ему сделали достаточно плохого. Притом не раз.

Чья-то рука коснулась его плеча. По одежде и головному убору он понял, что это муфтий.

Муфтий сказал:

– По твоему поклонению вижу, что ты неверующий. Верующие приходят сюда, чтобы совершать намаз, следуя правилам шариата, а неверующие приходят сюда в поисках спасения, когда попадают в беду. Значит, у тебя тоже проблемы. Но знай, в Коране написано, что Аллах не обременяет никого непосильной ношей. Доверься Аллаху. Он самый справедливый. Доверься ему, и твоё бремя облегчится.

Какие сильные слова. Он мог стоять здесь часами, не двигаясь, слушая муфтия. Когда гид и его спутники подошли к муфтию и начали задавать вопросы, Назим ушёл. Он посмотрел на часы на мобильном телефоне. Он опаздывал в музей. Возможно, Вадим Борисович нервничал по поводу его опоздания.

Глава 30

Утомительный и долгий маршрут Москва – Баку. Реальность, где на каждом шагу налицо суровый лик войны, состоящий из образа уволенных из армии с ампутированными руками и ногами, попрошайничающих детей-сирот. По пути домой сердце Мусы сжималось. «Скорее бы домой. Скорее бы увидеть своих родных. Скорее бы добраться до них!» Вот и Баку. Вот и Ичери-шехер. Вот и их дом.

Сона встретила его с удивлением.

– Муса, ты надолго приехал?

– Навсегда.

Хайям и Икрам выбежали из детской и бросились к нему. Рена была с бабушкой.

Когда Сона и дети жадно ели принесённую им еду, он зарыдал, поняв, через что всё это время проходили его родные.

После долгой разлуки он был очень рад встрече с родным домом, но по-настоящему расслабиться не мог. Что будет? Даст ли ему спокойно жить Багиров?

Ему пришлось продолжить работу в Баку на гораздо более низкой должности доцента Индустриального института. В первый же рабочий день ему сообщили:

– Вас хочет видеть товарищ Багиров, будьте в кинозале в 22:30.

В зале ЦК на первом этаже руководство просматривало трофейные фильмы – американские, французские, английские и немецкие. Значит, он встретится с Багировым до или после фильма.

Отец и Сона провожали его со страхом и тревогой. Они знали, что решается его судьба, и не были уверены в его возвращении.

Муса пришёл в назначенное место и стал ждать. Слова одного из знакомых: «Скажи «Хозяину», может, он тебя простит», – его кольнули. Неужели Багиров, называемый «Хозяином», уже вынес приговор, поэтому ему советуют попросить прощения?

Он стоял впереди всех, когда входящий Багиров, увидев его, остановился и сказал с саркастической улыбкой:

– А, это ты? Думал, что так легко уйти от меня? Видишь, ты снова под моим подчинением. Что на это скажешь?

Муса быстро собрался с мыслями и ответил, что уехал не по своей воле, а по решению ЦК. Он показал характеристику, выданную Москвой:

– Смотрите! Я никогда не отдыхал в Москве.

Читая документ, Багиров с хмурым лицом сказал стоявшему рядом с ним чиновнику, усилив ироническую интонацию своих слов:

– Выходит, мы Алиеву орден должны присвоить? – затем поручил этому чиновнику: – Завтра определимся с его местом работы.

Муса тоже посмотрел фильм, а рано утром отправился в ЦК – и был назначен заместителем директора отдела энергетики. Эта сфера была абсолютно ему чужда. Багиров надумал возродить энергетическую отрасль республики, находившуюся в ужасном состоянии, благодаря навыкам и деловой хватке Мусы.

Слова Алиева «ведь я не энергетик» были проигнорированы. Когда он повторил эти слова дома, Сона сказала:

– Ты – Муса Алиев, значит, ты будешь таким энергетиком, который лучше настоящего другого энергетика.

...В следующие месяцы и годы произошло столько событий, что он даже не замечал, как проходят дни. Самое главное – он строил свои планы так, что одна цель или один результат не имели решающего значения. В противном случае при любой неудаче у него опустились бы руки. У него всегда были планы А, Б и В – первые три буквы алфавита.

ПРАВИЛО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Никогда не действуйте только по одному плану. И никогда не стоит тратить всю оставшуюся энергию только на одну работу, которую считаешь самой важной. У вас всегда должно быть как минимум три плана, чтобы в случае неудачи переключиться на второй, а если надо будет – на третий. Нет абсолютно никаких оснований что-то преувеличивать, говоря, что это важнейшая задача. Впереди ещё более важные дела. Это однозначно.

Трагедии людей заключаются в провале дела, в которое вложили все свои ресурсы. Есть поговорка: «Не клади все яйца в одну корзину». Запомните это.

За очень короткое время он добился невероятных результатов в области энергетики и вскоре был назначен главным энергетиком ЦК КПСС Азербайджана. Когда всё уладилось, его должность опять поменялась, но в этот раз назначение было по специальности, он стал Начальником геологического управления. Почти через год его назначили главой управления образования ЦК. Он был нужен везде: сфер много, а он один. Алиева назначали на одну должность, но, как только всё становилось на рельсы, его сразу переназначали.

На новом посту Муса Алиев больше всего беспокоился о детях, которые после войны были изнурены голодом и стали носителями инфекционных заболеваний. А таких детей, разбросанных по всей республике, были тысячи. Причём многие из них приехали с Северного Кавказа. Услышав о том, что 247 таких детей находятся в Лян-кяране в невыносимом состоянии, он организовал их перевозку в Баку. С одной стороны санитарного входа дети заходили с вшивыми головами, заляпанные грязью, а с другой стороны они выходили бритыми, вымытыми и вычищенными, в новой одежде.

Муса Алиев после осмотра врачом поместил их в детские дома, а 48 из них были госпитализированы из-за тифа.

И вот пришла беда. Секретарь Бакинского райкома партии Гиндин приходился родственником жене Багирова. Он позвонил Мусе Алиеву и крикнул:

– Алиев, а ты, оказывается, враг народа, а мы об этом не знали. Задание распространить тиф в Баку от фашистов получил?! Я тебя зарюю, вот увидишь!

Этот человек написал Багирову рапорт о том, что в Баку выявлена эпидемия тифа, Муса Алиев намеренно заражает бакинцев, привозя детей из районов, заражённых тифом.

Сразу же было организовано заседание Бюро ЦК. Багиров поднял Мусу и сказал с презрением:

– Что это такое, вы намеренно или по неосторожности развели в городе эпидемию тифа? Думаешь, тебе за это не попадёт? Я покажу тебе, как самовольничать.

Но Муса уже был готов к игре против него. Он ответил:

– Мы привезли в Баку не тифозных больных, а 247 беспризорных, голодных, бездомных детей, у большинства из которых отцы были на фронте. Мы спасли их от смерти. Мы проверили и госпитализировали больных. Если в городе есть человек, заражённый тифом, скажи Гиндину, я готов понести любое наказание.

Багиров заинтересовался ситуацией у комиссара здравоохранения, и тот сказал правду. Хоть и боялся Гиндина, но подтвердил, что эпидемии тифа в городе нет, а дети выздоравливают после интенсивного лечения.

После этого присутствующие в бюро ободрились и поблагодарили Мусу Алиева за этот благородный поступок. Дошло даже до того, что, узнав правду, Багиров назвал Гиндина «лжецом и провокатором».

Клевета может обрушиться на вас откуда угодно, нужно быть постоянно готовым, быть начеку, чтобы отразить удары.

Мусе было тридцать пять лет, волосы седали.

...Освободиться от этого жестокого режима работы он смог лишь в 1947 году из-за тяжёлой болезни. Поехал в Кисловодск лечиться: полезные свойства горного климата. Нарзанная галерея. Всемирно известные целебные ванны с минеральной водой. Санатории и пансионаты, полные пациентов. Стены крепости. Знаменитая Каскадная лестница. Красные камни. Курзал. Долина роз. Приехать и увидеть эти красоты, почувствовать себя их частью было мечтой большинства советских людей.

В недавно построенном санатории имени Серго Орджоникидзе на 500 мест разместились партийные и государственные деятели, здесь же разместили и Мусу. Выполнявший во время войны функцию военного госпиталя санаторий до сих пор не полностью отремонтировали, местами на стенах, потолках и полу остались следы военных дней. Разбитые оконные стекла не были полностью заменены. Муса принимал ванны в грязелечебнице с сульфидными грязями озера Тамбукан, пил минеральную воду из Нарзанной галереи, трижды в день ел диетическую пищу.

Курорты Северного Кавказа были дороги Мусе ещё и потому, что навевали детские воспоминания. Ведь в детстве отец однажды летом привёз их в Пятигорск, когда мать была еще жива, и она отчитывала его за ссору с хозяйской дочерью...

После непрерывного и напряженного рабочего графика Муса только успел расслабиться, но не прошло и двух недель, как его срочно вызвали в Баку. Он был назначен третьим секретарём ЦК по промышленности и был избран депутатом Верховного Совета республики.

А уже через несколько месяцев его назначат заместителем председателя Совета Министров и председателем Госплана. Это был головокружительный взлёт.

Но при падении с большей высоты велика и вероятность не выжить.

Глава 31

Срок, который дал Мумтаз отцу Назима, чтобы тот отказался от дома, истекал сегодня ночью. А что будет завтра, было известно только Всевышнему.

Назим ходил по музею взад и вперёд, считая шаги. Большой зал, четырнадцать шагов, коридор, двадцать шагов, маленькая комната, четыре шага, ещё одна относительно большая комната, шесть шагов.

Что будет?

Стоит ли ему просить у Мумтаза ещё немного времени? Разве это что-то изменит?

Теперь он ясно понимал, что не может предать отца. Он должен выйти из статуса «неблагодарного сына» и решить проблему. Но как? Каким путём?

История родовых владений была очень древней. Пожалуй, их дом был в древне самым ценным с исторической точки зрения зданием.

Дед Аршада, Назим, когда-то был беком, все пастбища на склонах и поля вдоль реки принадлежали ему. У него была мельница, рыбная ферма, стадо крупного рогатого скота, стадо лошадей, фаэтон, слуги, охрана — словом, он имел все привилегии, которые делают джентльмена джентльменом. Когда пришла Советская власть и забрала у него всё, его сердце не выдержало. Деспотические большевики даже выгнали его семью и превратили это здание на время в управление. Но позже один справедливый руководитель вернул в дом семью, которая была вынуждена жить у родственников.

В 1950-х и 1960-х годах правительство решило защитить этот дом из красного глиняного кирпича как памятник культуры, и перед ним установили мемориальную доску. Но позже надпись на той доске стёрлась, а новую не сделали.

В этом доме родились и Аршад, и Назим. Мать рассказывала, что отец Аршада опасался давать сыну имя Назим. То было плохое время. Но сам Аршад не побоялся назвать сына в честь деда. Когда родился Назим, Аршад зарезал черного барана и отпраздновал это событие. Пока Назим был ребёнком, отец возил его верхом на лошади в райцентр, на гору, на берег реки. Он общался с ним как с другом. Мать рассказывала, что однажды снега по колено выпало, Назим простудился, ему стало плохо, и как бы ни старались температуру сбить – не получалось. Ребёнок так плакал, что аж посинел. Поскольку в селе не было медпункта, Аршаду пришлось отправиться в райцентр на поиски врача. Никто не смог бы выйти на улицу в такую погоду, но он это сделал. Врач отказался ехать с ним в деревню, но дал необходимое лекарство и объяснил, что делать.

Когда Назим женился, отец, зная характер своей жены, предвидел, что та не будет с невесткой ладить, продал двух своих коров, на эти и на свои скромные сбережения построил дом для сына. Таким отцом был Аршад. А теперь какой-то негодяй вынуждает его выселиться из своего дома, да ещё и избивает... Правда, Назим когда-то критиковал своего отца, но теперь, живя здесь, в Москве, он понял, насколько был неправ. Как можно разрушить место, где бродят души предков? Ведь есть такие ценности, которые не продаются!

Он смотрел на фотографии Мусы Алиева. Насколько образованным, умным, смелым, благородным, справедливым был человек, который смотрел на него с фотографий. Словно разговаривая с образом, он сказал:

– Как быть, посоветуй, что мне делать?

Было 3:42 ночи. Ему нужно выйти отсюда в пять утра, чтобы добраться до оптового рынка не позднее 6:30. Он пролистал рукопись, посмотрел на книги, на документы. И снова фотографии.

Откуда-то доносились звуки, эти звуки приходили в виде шума, превращались в слова, а затем образовывали предложение.

«Если твой противник силен и твои шансы в этом бою равны нулю...»

Ведь эти слова были ему знакомы, он только что их прочитал. Назим быстро взял рукопись и взволнованно перелистал страницы. И нашёл ту часть:

«Если ваш противник силён и ваши шансы в этом бою равны нулю, внимательно вспомните все произошедшие события, даже самые незначительные ситуации. Поверьте, вы обязательно найдёте факт, которого сможете придерживаться и которому есть доказательство.

Это станет вашим спасательным кругом. Если вы опытни, этот факт станет самым мощным оружием в ваших руках, чтобы поразить врага».

Он прижал рукопись к груди и надолго замолчал.

«Найдёте факт, доказательство, которого сможете придерживаться...» Чего он мог бы придерживаться?

Он начал вспоминать всё с самого первого дня: приезд Мумтаза для того, чтобы прибрать к рукам дом, приезд его людей, давление на отца, как уговаривал Назима, потом избиение отца, встреча с Мумтазом – всё. Где были факты, доказательства? Последнее – это была встреча с Афласом. При разговоре Афлас сказал...

Мысли прояснились. Что сказал Афлас? Он сказал: «Дали отсрочку на пять дней, и что самое главное для нас – это твой дом и дом Тапдыга». Потом он сказал, как убедили Тапдыга.

С тех пор, как он начал читать, его память, кажется, значительно улучшилась. В отличие от прошлых лет, он стал вспоминать отрывки из фильмов, тексты песен и разговоры.

Он вспомнил все слова, предложения Афласа, как он закуривал сигарету, как стряхивал пепел – всё вспомнил. Аршад сказал: «Тапдыг хуже твоего отца». И чтобы он согласился с их условиями, они похитили его дочь, которая училась в Баку.

Да, они совершили очевидное преступление. Они также избили его отца, это ещё одно преступление. Теперь отнекивается, божится, что это не он. Мумтаз очень хитрый, держит язык за зубами, но Афлас проболтался. Теперь надо Афласа заставить повторить эти слова ещё раз. Если бы он только мог это сделать.

Его переполнила радость, словно он был караванщиком, идущим по пустыне на верблюде, пылающим жаждой и увидевшим зелёную долину.

Посмотрел на часы: 5:07. Он быстро вышел из музея.

Глава 32

Вышел из дома, попрощавшись с Соной и детьми. У дверей его ждала служебная машина ЗИМ. Обернувшись, Муса увидел, как жена смотрит на него с любовью; она наморщила нос и улыбнулась. Он ответил тем же. Сона беспокоилась за него. Сталин, несмотря на протесты Берии, направил в Азербайджан комиссию во главе со своим заместителем Емельяновым¹, поскольку в Москву поступило слишком много анонимных писем. Эта комиссия могла быть очень опасной для человека, являющегося одновременно заместителем председателя Совета Министров, председателем планового комитета, депутатом Верховного Совета, да к тому же молодого: ему не было и сорока лет. Весь Баку знал, что на крючке Кремля уже были другие заместители Совета министров: Исламзаде и Азизбеков. Емельянов вёл себя очень активно: он сразу же разоблачил нелегальную торговлю, доказал, что дачи чиновников были построены на государственные средства, и привлёк Исламзаде к ответственности. Азизбеков же был полностью на дне. В его бумажнике нашли 700 тысяч рублей.

Но для Мусы Алиева должности не были головокружительными, он давно доказал себе, что работает на благо государства. В отличие от окружающих, он смотрел на высшую должность другими глазами, не только не брал взятки, не занимался коррупцией, наоборот, боролся со взяточничеством и коррупцией, и был против всего негативного. Он пытался получить у Москвы ещё больше привилегий для своего народа, для своей Республики. Придя на работу, он сразу же отправился в кабинет Багирова, где должно было проходить заседание. Емельянов заставлял Багирова трепетать, надо было принимать срочные меры. На встрече Багиров оскорблял всех, включая Исламзаде и Азизбекова. Муса Алиев был единственным, кого он не упомянул. Багиров требовал расхлёбывать заваренную им же самим кашу.

Долго искали решение. Было уже известно, что Емельянов взятку не брал. В итоге они придумали отвратительный сценарий. Красивая женщина заманит Емельянова в ловушку, соблазнит и потащит в постель, а если нет, то хотя бы на пляж. Планировалось сфотографировать его и женщину, опозорить якобы приехавшего в Баку для развлечений несчастного Емельянова, который, увидев эти кадры, устыдится и откажется от своих претензий.

Так и сделали. Емельянов попал в ловушку. Багиров и на этот раз смог сохранить свою репутацию. Но после того случая Багиров окончательно упал в глазах Алиева. Интриги и слухи были не для Мусы. Он засучил рукава и приступил к исполнению своих обязанностей.

В период, когда Алиев возглавлял Плановый комитет, он первым делом решил вопрос строительства Бакинского метрополитена. Ещё в 1932 году было решено после Москвы и Ленинграда построить метро и в Баку, но потом началась война, проектные работы затянулись – короче, метро существовало только на бумаге. Муса Алиев приступил к строительным работам. По его же инициативе было начато строительство Республиканской библиотеки, Драматического театра, Академгородка, Астрофизиче-

¹ Василий Семёнович Емельянов – советский учёный и государственный деятель, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по использованию атомной энергии. Профессор, член-корреспондент АН СССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат двух Сталинских премий.

ской обсерватории, украсивших облик столицы и принёсших огромную пользу её жителям. Он радовался каждому успеху как ребёнок. Получить средства из Москвы на столь масштабное строительство было невероятно сложно. В то же время он взвалил на себя тяжёлое бремя решения одной из самых судьбоносных проблем для Азербайджана. Он подготовил грандиозный проект: организация Морского нефтяного управления и эксплуатация Нефтяных Камней. Отправившись в Министерство нефти в Москве, он заявил о своей цели, а когда столкнулся с препятствиями, достаточно чётко разъяснил тезисы. Проект был одобрен. Так началась история Нефтяных Камней – это был «золотой проект века», автором которого стал он, Муса Алиев.

Как только вернулся в Баку, приступил к реализации проекта. Был осуществлён первый десант в море, старые корабли стали первым убежищем для нефтяников, начали строить стальные эстакады. Это был невероятный успех. Вскоре была сдана в эксплуатацию первая двадцатипятиметровая эстакада. Первый нефтяной танкер доставил первую нефть. Муса буквально плакал от радости. Что ещё может сделать человек для своего народа и страны? О нём писали газеты, выходили очерки, по радио передавали передачи.

Но несправедливость не дремала. Муса Алиев – основоположник морской нефтеразведки – не увидел своего имени в списке удостоенных награды за первую добычу нефти на море. Более того, Багиров привел к руководству учреждением своего родственника. Это была очередная месть диктатора. Из-за этой несправедливости у Мусы до утра болело сердце, он принимал таблетки. В отдельные моменты ему хотелось оставить всё и уйти, он боялся, что не выдержит такой несправедливости. В ту ночь этот страх достиг апогея.

В 1950 году произошло ещё одно неожиданное назначение. Его пригласили в Академию наук Азербайджанской ССР. Действительно, он так много работал, его так любили, что он был нужен во всех сферах. В том числе и академики хотели видеть его в своих рядах, чтобы восстановить утраченный престиж учреждения. В полном составе Президиум побывал на приёме у Багирова с просьбой: «Отдайте нам Алиева». Таким образом, будучи кандидатом наук, Муса вдруг получил статус академика. И вскоре после этого был назначен президентом Академии. Он нисколько не удивился такому неожиданному назначению. Потому что за тот короткий промежуток времени успел поработать практически во всех сферах. В народе даже ходила шутка, что Мусу Алиева отправят возрождать футбольный клуб «Нефтчи», который был зачислен в Высшую лигу СССР по футболу.

Академия располагалась в здании «Исмаилия», в одном из красивейших зданий Баку. Прежде чем войти во дворец, он стоял перед ним и долго любовался великолепной архитектурой. Воспоминания увели его далеко, в 1918 год. Ровно тридцать два года назад, когда они переехали из Ашхабада в Баку, одноклассники привели его сюда, посмотреть на здание. И естественно, Муса мечтал о том, что настанет время, когда он войдёт сюда как руководитель.

ПРАВИЛО ПЯТНАДЦАТОЕ

Не переставайте мечтать. Мечтайте о самом большом, желайте самого недостижимого. То, о чем вы мечтаете и чего желаете, записывается в ваше подсознание и передаётся Вселенной как сигнал. Мистические силы постоянно контролируют их. Вы сами, даже не подозревая, попадаете под влияние этого и следуйте за мечтами и желаниями. И наступает день, когда мечты становятся реальностью.

Есть поговорка: «Куда река пошла, там и русло будет». Эта пословица создана не зря.

За тридцать два года здание «Исмаилия» почти не изменилось. Лишь исчез текст, выгравированный на камнях. Надпись убрали большевики, вторгшиеся в Баку в 1920 году и решившие, что это текст из Корана.

Дома с восторгом рассказал отцу и Соне, как тридцать два года спустя сбылась его мечта, то, о чём он думал, будучи десятилетним мальчиком. Но когда речь зашла о ситуации в Академии, было видно его разочарование:

– Я понимаю, что академия в очень печальном состоянии. Её буквально разрывают раздоры и конфликты. У бывших президента и вице-президента шла вражда не на жизнь, а на смерть. Все институты разделились на два противоположных лагеря.

В первый же период своей работы в Академии Муса Алиев получил ещё один удар от жизни. Вице-президентом Академии был выдающийся философ Гейдар Гусейнов. Муса сразу подружился с этой яркой личностью, они наладили сотрудничество. Докторская диссертация Гусейнова была посвящена знаменитому герою Дагестана шейху Шамилю, который тридцать лет боролся против царского режима и хотел освободить свою Родину от экспансии. Гусейнов пользовался большой симпатией в большинстве кругов. Институт истории АН СССР поддерживал позицию азербайджанского учёного и представил его труд к Сталинской премии. Гусейнов получил награду в 1950 году. Багиров пришёл в ярость, услышав эту новость. Как это, награда – без моего ведома? Пресса сразу же назвала шейха Шамиля врагом народа, а Гусейнова – антисоветским элементом, который написал ему оду. Багиров в очередной раз пригрозил Мусе Алиеву:

– Это самовольство вам дорого обойдётся.

Багиров не успокаивался, он заставлял Гусейнова отказаться от награды. В отчаянии Гусейнов выполнил его требование. Но Багирову и этого было мало, он отстранил учёного от должности, хотя отстранять кого-либо из органа с избирательной функцией не входило в компетенцию секретаря ЦК. И тогда Гусейнов перерезал себе вены в своём кабинете в знак протеста. Это был очень страшный день. Муса Алиев, услышав об этом, бросился в кабинет Гусейнова. Когда он увидел своего заместителя, лежащего на полу в крови, он не потерял самообладания, схватил его за запястье, чтобы остановить кровотечение, и сжал изо всех сил, крича, чтобы вызвали скорую помощь. Он был потрясён, и тот факт, что он смог спасти Гусейнову жизнь, доставив его в больницу, стал лишь кратковременным утешением. Багиров, будучи жестоким деспотом, не отстал от Гусейнова, в день выписки из больницы позвонил ему домой и вызвал к себе на следующий день. А Гейдар Гусейнов – один из самых светлых сынов азербайджанского народа – ночью приехал на дачу и повесился.

Гейдар Гусейнов был выдающимся и любимым учёным своего народа. Его участь повергла десятки тысяч людей в бездны горя; вера в государство и правительство была сломлена.

Муса Алиев ещё раз убедился, что находится в плену режима, который хочет сделать людей одинаковыми, словно из инкубатора, и уничтожает тех, кто отличается. Отношения между ним и Багировым ухудшились. «Твоё время истекло», – такие угрозы он получал от окружения Багирова. Однажды утром, когда он посмотрел на себя в зеркало, то не поверил глазам: его волосы были совершенно седыми, голова стала белой как снег. Даже Багиров, который на встрече в очередной раз угрожал Алиеву, обратил внимание на седину и сказал:

– Я принесу в жертву твою белую голову на Соловках.

Одним из названий тюремного лагеря, расположенного на острове Соловки в Белом море, который находился в Архангельской области, было СЛОН¹, это был самый жестокий в своё время лагерь, только в 1937 году там было расстреляно две тысячи «преступников» и «врагов народа», считавшихся наиболее опасными для Со-

¹ Соловецкий лагерь особого назначения. .

ветской власти. Хотя тюрьма в тот момент прекратила свою деятельность, но угроза отправить в тюрьму по-прежнему звучала как «сослать на Соловки».

Муса подготовился к аресту. Тамашний режим, контингент, как общаться с людьми, как быть спокойным, чтобы не быть уничтоженным, как закалить себя – ко всему он подготовил себя.

ПРАВИЛО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Неправильно убежать от удара, даже самого сильного, потому что он настигнет тебя, где бы ты ни был.

Лучше сначала принять меры, как его избежать, а если не получится, то как принять, как выйти с минимальными потерями, используя знания и умения.

Он был полностью поглощён своей работой в Академии, как и всем, чем он занимался до сих пор. Но ему суждено было оставить Академию и снова покинуть Азербайджан, на этот раз навсегда. Позже он напишет: «Иногда я задаюсь вопросом, правильно ли я поступил, уехав из Баку? Если бы я остался в то время президентом Академии наук, сколько нужного и полезного я мог бы сделать для науки Республики! С другой стороны, я считаю, что поступил правильно, уехав из Баку. Возможно, причина, по которой я сейчас жив, заключается в том, что я уехал».

Но отъезд случится несколько позже.

То были тяжёлые годы, людей насильственно «советизировали», национальные ценности были обречены на полное уничтожение. В это время Муса Алиев, который был националистом до мозга костей на всех ответственных должностях, которые он занимал, и рисковал своей карьерой и жизнью, думал, как принести пользу своему народу. Всё равно уже, по сути, сидишь на электрическом стуле. Рано или поздно они подключат провод к току. Будьте полезны своему народу, пока есть время!

В спальне Мусы был установлен правительственный телефон, куда непосредственно звонил сам Багиров. Как только раздавался его звонок, в доме у всех, даже у детей, заходило сердце. Сколько паники и страха таилось в этих звонках и в этом аппарате!..

Постепенно дети стали бояться и избегать устройства в спальне даже в обычное время. Они разговаривали друг с другом тихо, почти шёпотом.

А 1952 год принёс семье Алиевых настоящее счастье. Многолетняя очередь на жильё наконец-то наступила, и им дали квартиру в красивом доме, построенном для учёных на проспекте Сталина, недалеко от фуникулёра. После войны Сталин распорядился обеспечить учёных отличным жильём по всей стране, поскольку они сыграли важную роль в Победе. Это монолитное здание стало подарком Сталина азербайджанским учёным.

Алиевы погрузили свои немногочисленные вещи в грузовик и с чувством бесконечной радости переехали в новую квартиру.

Они жили на третьем этаже. На четвёртом со своей семьёй обосновался известный писатель Мир Джалал. Они сразу подружились, их дети – дочь Мусы Алиева Рена и сын Мир Джалала Хафиз – начали учиться в одном и том же восьмом классе школы номер шесть. Рена, милая девушка, сразу привлекла внимание Хафиза. Детская дружба, казалось, сближала их родителей.

Хафиз очень интересовался физикой, и когда его новый сосед подарил школе физическую лабораторию, у него возникла огромная симпатия к Мусе. Иногда, глядя с балкона, он видел, как этот высокий, седовласый, красивый мужчина величественной походкой, не торопясь, садился в ожидавший его чёрный служебный автомобиль ЗИМ, и он чувствовал горячую благодарность.

Муса Алиев был ровесником Мир Джалала Пашаева, оба родились в 1908 году. Мир Джалал был из села Ардебиль города Халхал на юге Азербайджана. Его отец переехал в Гянджу, поэтому детство писателя провёл здесь. В 1918 году отец умер, и мальчик жил под опекой старшего брата. В 1918-1919 годах он получил начальное образование при поддержке благотворительного общества. В 1924 году, после установления Советской власти в Азербайджане, он поступил в Гянджинскую Дарулмуаллим¹, был избран председателем студенческой организации, а затем городской студенческой профсоюзной организации. Далее последовала преподавательская деятельность, затем работа в прессе, научная работа. Но во всём этом главной оставалась для него литературная деятельность. Созданный Мир Джалалом в 1949 году роман «Манифест молодого человека» пользовался большой популярностью. Несмотря на свою занятость, Муса Алиев прочитал этот роман за два вечера.

В то время Мир Джалал был доцентом государственного университета, поэтому и получил квартиру в доме учёных. У него была очень красивая, образцовая семья, в которой было пятеро детей: три мальчика – Ариф, Хафиз, Агиль, и две девочки – Адиба и Эльмира.

Муса и Мир Джалал могли часами беседовать, признавали, насколько тяжело интеллектуальным людям в условиях суровых репрессий режима в нынешнюю эпоху, и жили надеждой на светлое будущее.

И в том же 1952 году, когда Муса не успел даже порадоваться новой квартире, произошла очередная стычка с Багировым.

Армянский геолог Лачинян предоставил Багирову ложную информацию о том, что обнаружил месторождение гематита объёмом в пять миллионов тонн на западе республики – в Алабашлы. Багиров немедленно передал эту информацию в Кремль и получил за неё горячую благодарность. Задумали эксплуатировать это месторождение, на что должны были уйти миллионы государственных средств. Муса Алиев мог бы остаться просто зрителем происходящего, но как могла допустить это его совесть? Как хорошо информированный человек, прекрасно знающий карты месторождений полезных ископаемых республики, некоторые из которых составлял лично, он сразу выступил против. Муса сообщил Багирову, что в Алабашлы имеется всего 250 тысяч тонн гематита — кварцевого, негодного.

– Лачинян – безграмотный геолог, он считает слой, который обрушивается восемь раз, восемью слоями!

Алиев заставил замолчать армянского геолога и заявил, что затраты, понесённые на эту работу, не будут оправданы. Но, естественно, Багиров, уже проинформировавший ЦК и заслуживший себе похвалу, не мог отступить. Не скрывая гнева, он раскритиковал Мусу Алиева, назвав его «врагом народа» и наказав строгим выговором. Якобы, будучи сыном контрреволюционного купца, он был против достижений Советского Азербайджана.

После этого отношения Багирова с Мусой переросли в абсолютно враждебные. Первый секретарь отдал приказ уничтожить Алиева, который «смеет совать нос в его дела», и просто ждал подходящего момента.

Началась кампания по дискредитации Мусы, газеты обвиняли его в вымогательстве – якобы он покупал ковры и холодильники для своего кабинета, а также обвиняли в том, что он очерняет успех Лачиняна. Муса знал, что впереди его ждёт что-то более опасное. Скорее всего, его ждала судьба Гейдара Гусейнова.

Те же обвинения прозвучали и на очередном заседании ЦК. Выступавшие клеветали на него. Даже те, с кем он делил хлеб и соль, кто обнимал его при встрече, стали перечить ему. В своём выступлении Багиров оскорбил и его, и Самеда Вургуну, назначенного вице-президентом Академии, используя при этом самые грубые выражения.

¹ Школа учителей. .

Муса был опечален этой жестокостью и несправедливостью. Когда ему дали слово, он нерешительно пробрался к трибуне, даже не зная, что сказать. Понятно, что люди служат режиму. Но это настоящий позор, что они открыто служат злу, называют чёрным белое, поливают грязью своих друзей и коллег.

Иногда, когда ты один на поле боя и тебе не с кем объединиться против атак другой стороны, ты нуждаешься в стороннике, партнёре. Когда Муса нерешительно шёл к трибуне, кто-то коснулся плеча Мусы и сказал:

– Вы нам дороги, будьте смелее.

Это был Алиш Лемберанский, член ЦК. И эта поддержка решила всё. Муса Алиев тут же взял себя в руки, резко защитился и рассказал о проделанной им работе, своих достижениях и миллионных доходах, которые он дал национальной экономике. Он сказал:

– Если меня признают виновным в попытке спасти миллионы ресурсов Азербайджана, то, пожалуйста, накажите меня!

Его выступление вызвало бурные аплодисменты. Багиров ни разу его не перебил. Он был уверен, что если он перебьёт этого бесконечно разгневанного человека, то получит грубый отпор толпы.

Глава 33

Афлас позвонил рано утром, сказав, что отведённое им время истекло, поинтересовался, смог ли он уговорить отца. Назим в это время был в электричке, для реализации планов нужно было тихое место, поэтому пообещал перезвонить.

Он закончил работу на оптовке, пришёл на свой рынок, разобрал товар и попросил у женщины за фруктовым прилавком её телефон: сказал, что есть важное дело и ему нужно поговорить сразу с двумя друзьями, поэтому нужно два телефона. Назим уверил её, что звонить с её телефона не будет, пусть та не боится.

Женщина протянула телефон и сказала, что он может позвонить, если надо, она не боится.

Он взял телефон, смятённый, и прошёл на склад. Получится ли?

Он не знал, как записывать на телефон голос во время разговора, поэтому взял телефон женщины, чтобы включить функцию диктофона. Открыл, нажал кнопку, при запуске функции записал свой голос и проверил – все нормально.

Приободрив себя: «С Богом!», набрал номер Афласа, подключив микрофон своего телефона для записи разговора. Он был взволнован, но пытался оставаться хладнокровным и сохранять спокойствие. Ночью он продумал всё. Как только поздоровался, начал действовать. Сказал с фальшивой улыбкой:

– Слушай, ты прости, мне неудобно было говорить, поэтому попросил подождать. Насчёт отца – да, уговорил, и ещё как уговорил.

По тону голоса сразу было видно, что Афлас очень обрадовался.

– Отличные новости. Мумтаз обрадуется. И что, как нам быть?

По плану Афласу следовало бы спросить, как он убедил отца. Но он не спросил, поэтому Назим заставил его спросить.

– А чего это не спрашиваешь, как удалось его убедить? Как можно было убедить упрямого человека, который месяцами не соглашался и отнекивался?

Афлас с интересом спросил:

– Как?

Назим начал рассказывать:

– Я сказал отцу, что он не знает Мумтаза. Ведь Мумтаз без суда и следствия может приговор вынести, и никто ему перечить не будет. Сказал, что Тапдыг тоже не соглашался, Мумтаз похитил его дочь, которая в Баку училась, и заставил его подписать документы в обмен на её возвращение.

Афлас начал хвастаться:

– Он понял, что Мумтаз не мелкая рыбёшка? Что он сказал?

Назиму нужно было разговорить его, чтобы заполучить желаемое.

– Он сначала не поверил и сказал, что этого не может быть, история с девочкой не имеет никакого отношения к Мумтазу.

Афлас раздражённо возразил:

– Как не имеет? Она что, испарилась?

Назим заставил его немного раскрыться:

– Кажется, Тапдыг в Баку с Мумтазом встретились.

Не подозревая о ловушке, Афлас раскрыл все карты:

– Нет, не так было. Мумтаз тогда был здесь. Тапдыг в Баку. Он бился, не знал, что делать, как-никак менталитет, а дочка исчезла. Он ещё в милицию не обратился. Была версия – может, украли из-за женитьбы. Мумтаз обставил всё так, что в это время его младший брат Бейбала случайно оказался перед гостиницей, где Тапдыг остановился. Разговорились, типа сочувствовал отцовскому горю. Предложил обратиться к Мумтазу. Ведь у него руки длинные, поможет найти, кто сделал, по какой причине и так далее. Тапдыг согласился.

Назим мастерски выудил и подробности конца этой истории.

– Этот Мумтаз очень хитрый, смотри, как всё ловко придумал. А Тапдыг потом ничего не заподозрил?

Афлас охотно принялся раскрывать историю дальше:

– Да ты что, нет, конечно, что подозревать? Тапдыг сказал Бейбале, что мы с Мумтазом в конфликте. Позвони ты, мне неудобно. Бейбала позвонил и уже два-три часа спустя типа нашли девушку. Якобы она в руках группы, занимающейся трансплантацией органов.

Вмешался Назим:

– Трансплантация органов? Ты смотри, как ловко всё придумал, какой отец устоит перед этим?

Афлас снова завёлся:

– Ну да. Когда Тапдыг советовался с Бейбалой, пойти ли в полицию, тот сразу отговорил его, якобы Мумтаз не советует обращаться в полицию, а выплатить деньги. В противном случае он никогда больше не увидит свою дочь. Также ему посоветовали вымолить у Мумтаза помощь, так как он в таких делах разбирается и всё уладит. Тогда Тапдыг попросил Бейбалу быть посредником между ним и Мумтазом. Вот как всё было.

Назим волновался, диктофон работал. Он записывал разговор. Продолжительность записанного разговора составляла уже 11 минут 36 секунд.

А теперь нужно было подвести итог. Назим собрался с мыслями и продолжил:

– Слушай, Афлас, это же рискованно. Как Мумтаз мог такое организовать, на-верное, попросил знакомых украсть девушку?

Ничего не подозревающий Афлас продолжал:

– Конечно. У него есть доверенный человек Серго в таких тёмных делах. Девушку вывели из дома под предлогом – якобы он представитель ЖЭКа и всем квартиросъёмщикам нужно зарегистрироваться.

Вот и всё. Миссия выполнена. Назим сказал Афласу, пусть обрадует Мумтаза, а документы он подпишет сам как законный наследник отца. Афлас пообещал перезвонить, как только поговорит с Мумтазом.

Как только разговор закончился, Назим выключил диктофон, опасаясь – «вдруг не записалось». Лихорадочно проверил запись. Всё было записано, и довольно чётко. Он переслал запись на свой телефон и удалил её с телефона бабуся. Глубоко вздохнул. Теперь оставалось сделать только одно: поставить точку в этом деле. Он с нетерпением ждал звонка Афласа.

Мумтаз был очень жёстким человеком, его избегал даже собственный отец. Его братья и двоюродные братья никогда не перечили ему. Что бы Афлас ни делал в Москве, он делал это за счёт Мумтаза, поэтому старался ему угодить. Мумтаз поручил ему поговорить с Назимом, так как они были одного возраста, и убедить его уговорить отца, Аршада, который отказывался продать свой дом. Афласу до сих пор не удалось добиться этого. Устроить приезд Назима в Москву было частью плана, ведь здесь он был бы под рукой, и оказывать давление на него стало бы легче.

И теперь Назим наконец-то справился с поставленной задачей. А вот какие тайны раскроются после этого, он и не подозревал.

Назим вернулся к прилавку, поблагодарив, вернул бабуся телефон. Почувствовал сильный голод, поспешил к выходу рынка. С улыбкой посмотрел на надпись «Шахбургер» и вошёл в кафе. Увидев его, Шахмурад потёр руки:

– Кажется, братишка Назим сегодня отдаст свои долги.

Назим попросил в последний раз накормить его в долг и пообещал на следующей неделе выплатить всё.

Шахмурад сказал:

– Посмотрим.

И поставил перед ним шахбургер, стакан айрана и майонез с кетчупом. Назим с аппетитом начал есть.

Он решил, что не пойдёт на встречу с Мумтазом. Там с ним невозможно было бы поговорить. Оставит ли Мумтаз человека с компроматом в живых? Поэтому он поговорит по телефону и попытается получить от него обещание оставить его отца в покое.

Похвалив бургер Шахмурада, вернулся к прилавку. Бабуся сказали, что приходил Аслан и спрашивал его.

– Умирал с голоду, не мог до обеда ждать, – сказал Назим и приступил к работе.

Есть традиционные рыночные продукты – картофель и лук, на них основной спрос круглый год. Но в каждом сезоне есть свои товары, пользующиеся спросом. Сейчас был сезон ягод. Малина, клубника, смородина, ежевика – в основном покупали их. Где-то через пятнадцать дней начнётся сезон вишни. В этом году Аслан пытался заработать, привозя черешню из Азербайджана. В сезон арбузов и яблок он тоже хотел привезти продукты прямо с родины. Он всегда был полон энтузиазма, ему очень хотелось внести что-то новое в своё дело. Даже сегодня Аслан купил и привёз малогабаритную рацию китайского производства – чтобы, как в крупных компаниях, общаться со своими сотрудниками. Но Назим не верил, что Аслан добьётся того, что задумал. Аслан был мелким игроком на рынке. Такие не могут конкурировать с гигантами.

Время словно остановилось. Назим всё глядел на часы.

Краем глаза он заметил, что одна из покупательниц похожа на Зарнишан, а ребёнок – на Анара. Старуха рядом куталась, как его мать, у мужика были такие же синяки под глазами, как у его отца – на фотографии после того, как его избили.

Наконец позвонил Афлас и сказал, что в три часа Мумтаз примет его в офисе. Назим убедился, что Мумтаз осведомлён о положительном решении дела, а значит, в три часа наступит время атаки.

Позвонила Люба и пожаловалась, что он охладил к ней. Расплакалась. Напомнила, что после измены Кости не верила в мужчин, и перевела разговор на отношения Павлика с дочерью. Намекнув, что мужики между собой лучше ладят, напомнила про воскресный ужин и попросила его хорошенько изучить Павлика, высказала опасения: вдруг он просто воспользуется наивностью дочери и бросит её. На вечеринке надо попытаться полностью прочитать мысли Павлика. Собирается ли он использовать её дочь, а затем уйти?

Аслан пришёл и сделал Назиму замечание, что того не было на месте. Но сделал это как бы между прочим. После того, как Назим взял на себя покупку и доставку продуктов с оптового рынка, Аслан увидел серьёзную разницу в заработках, поэтому от прежнего пренебрежительного отношения не осталось и следа.

Потом Назим позвонил Вадиму Борисовичу узнать, как он там. В результате круглогодичной протечки воды из нагревателя часть паркетного пола испортилась, сегодня Вадим Борисович хотел отремонтировать его. Спросил про ремонт, но оказалось, что мастера ещё не приехали.

Он позвонил Мумтазу ровно в три часа. Мумтаз сразу, даже не здороваясь, спросил:

– Да, Назим, ты пришёл? Я сказал, чтобы тебя пропустили. Я у себя в кабинете, поднимайся.

Назим без малейшей паники и волнения в голосе сказал:

– Мумтаз, у меня есть неопровержимые доказательства преступления, совершенного тобой против Арзу Гасановой, дочери Тапдыга Гасанова с целью насильственно отобрать его имущество у гражданина. Ты...

Мумтаз перебил его криком:

– Ты больной?! Какой Тапдыг, какая Арзу?! Какое преступление?! Знаешь, что я с тобой сделаю?! Тебя...

Назим, повысив голос, продолжил:

– Твой доверенный в чёрных делах Серго и его банда представились Арзу Гасановой, как работники ЖЭКа, заявив, что все квартиросъёмщики должны пройти регистрацию. Заперли её, потом твой брат Бейбала явился к Тапдыгу Гасанову и предложил помощь. Якобы ты в силах помочь спасти девушку.

На этот раз голос Мумтаза был слабым и хриплым:

– Это бред.

Назим продолжил более решительно:

– Тапдыг Гасанов обратился к тебе, попросил помощи в поисках дочери. Ты освободил его дочь в обмен на то, что он откажется от своей законной собственности. За похищение человека тебя приговорят к лишению свободы на срок от пяти до десяти лет по статье 144.1 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики. Более того, к тебе будет применена статья 34.2 УК «Преступление, совершённое группой лиц по предварительному сговору, если в его совершении совместно участвовали два или более лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления». Это первоеотягчающее обстоятельство. Статья 34.3: «Преступление признаётся совершённым организованной группой, если оно совершено устойчивой группой, состоящей из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Это второе отягчающее обстоятельство. В общей сложности тебе светит целых 10 лет. Причём есть ещё статья 61.1.1 «Неоднократность преступлений, рецидив преступлений». У меня есть доказательства, подтверждающие преступления, совершённые тобой здесь, в Москве, против своих соотечественников, являющихся твоими конкурентами. То есть тебе спасения нет, со всеми потрохами влип.

Мумтаз пригрозил:

– Я тебя уничтожу, я тебя зарюю.

Назим ждал и этого, он сказал:

– Факты, которые ты огласил, сейчас находятся в руках двух известных юристов в Москве и Баку. У меня также есть заявление в правоохранительные органы о том, что ты можешь представлять для меня угрозу. Это заявление тоже находится у моих доверенных людей, при надобности его представят в нужные органы.

Когда Мумтаз перешёл к пункту «давай решим вопрос», Назим спокойно назвал своё условие:

– У меня есть пока одно условие: чтобы дело разрешилось, убери руки от нашего имущества и оставь меня и моего отца в покое.

Мумтаз вздохнул и сказал: «Хорошо».

Об остальном Назим может подумать позже: выбрать перемирие с Мумтазом или сдать его правоохранительным органам – это дело завтрашнего дня. А теперь он нейтрализовал этот кошмар, обрушившийся на его семью.

Закончив разговор и повесив трубку, он невольно закричал: это была настоящая победа. Он тут же набрал сестру и весело сказал:

– Скажи родителям, чтобы жили спокойно, Мумтаз больше не сможет их тронуть.

Какое это было прекрасное чувство! Скоро родители, Зарнишан – все узнают о его подвиге. Он превратится из песчинки в гору в их глазах.

Глава 34

Судьба распорядилась так, что во время жёстких репрессий режима Багирова самым близким другом и доверенным лицом Мусы Алиева стал Самед Вургун, народный поэт, любимец миллионов. Кроме того, Самед был его коллегой и соратником, занимая пост вице-президента Академии. После очередного заседания на совещании обсуждалась директива ЦК, которая заключалась в том, чтобы «пресекать на месте любую попытку, которая служит национализму и рассчитана на то, чтобы нанести удар понятию единой советской семьи».

Муса Алиев спустился с третьего этажа на второй, постучал в дверь кабинета с табличкой «Вице-президент Самед Векилов». После слов «войдите», зашёл. Увидев его, Самед Вургун встал с места, они обнялись, как друзья, давно не видевшиеся, будто несколько часов назад не сидели на заседании или три дня назад не пили чай вместе.

Самед Вургун пригласил Мусу на чай, сказав:

– Только что заварил свежий, на дворе холодно. Наверное, не откажешься.

И разлил ароматный напиток в стаканы.

Муса ответил:

– С удовольствием.

Ожидая чай, посмотрел на улицу из больших окон Академии. Стоял февраль, холодно. А ночью был такой мороз, что лужи замёрзли, на улицах люди скользили и падали.

Хотя Самед Вургун знал, что они будут говорить о том, что обсуждалось на совещании, он намеренно, чтобы уклониться от этой темы, сказал:

– Муса, будущие поколения всегда будут благодарить тебя не только за Нефтяные Камни и метрополитен, но и за идею Академгородка, в реальность воплощения которого я верю. Это наука и культура делают государство государством, а народ – нацией.

Муса Алиев улыбнулся и сказал:

– Я войду в историю ещё и как самый близкий друг Самеда Вургун, величайшего поэта советской эпохи.

Он отпил чаю, взял кусок сахара из сахарницы. Чай был очень вкусным. Похвалив его, впервые сказал Самеду Вургуну, что знает пьесу «Вагиф» наизусть. Самед Вургун, не поверив, сказал:

– Может быть, ты и знаешь некоторые части наизусть, но я не верю, что ты знаешь наизусть всю поэму, ты говоришь это, чтобы порадовать своего друга.

Муса Алиев улыбнулся:

– Какую часть прочитать?

Самед Вургун сказал, не подумав:
– Расскажи сцену, где Вагиф и Гаджар встретились, и я поверю.
Муса с выражением заговорил:

Гаджар:

*...Поэт! Опомнись!
Ты пред лицом властителя стоишь.*

Вагиф:

Я это знаю без напоминаний.

Гаджар:

Ты не склонился предо мной, Вагиф.

Вагиф:

*Я – статуя, тяжёлая, как совесть.
А статуи не кланяются, шах.*

Гаджар:

*Какая совесть? Ха! К боям готовясь,
Я знал, что меч находится в ножнах,
А совесть – в чём? На что она похожа?
Где обитает? Чем живёт? Молчи.
Смирись, не рассуждая. Совесть тоже
Должна молчать, коль говорят мечи.*

Вагиф:

Как объяснить тебе... такое слово?

Гаджар:

Жду.

Вагиф:

*Слово «совесть» – истина. Она
Из хаоса и мрака мирового
Была, как свет, навеки рождена.*

Каджар:

Опять, поэт, возносишься куда-то?

Вагиф:

Мысль человека отроду крылата!

Гаджар:

*Но есть темницы, клетки... Эх, Земля
Сожрет равно – и шаха, и солдата,
Не различая их и не деля.
Ха! Я ведь вас испытывал, – не боле...
Да, мастер вы. Ведь вам крылатый дар
Природой дан. В темнице и на воле –
Счастливец вы!*

Вагиф:

Вы правы, шах Гаджар.

Счастливцев я. Мы счастливы — поэты!

В глазах у Самеда Вургуня стояли слёзы. Он был окружён огромной любовью и симпатией людей, его стихи заучивались наизусть, но то, что его друг теперь читал его строки, как чтецы, дарило ему совершенно иные ощущения. Одно дело выучить наизусть обычное стихотворение, другое — целую драму. А самое главное — что читал её один из самых ответственных людей республики.

Говорили о поэзии, о чае, которого выпили по три стакана подряд, о морозе на улице, и, наконец, дошли до главной темы.

Муса сказал:

— Самед, мы не дети, директива «пресекать на месте любую попытку, которая служит национализму и рассчитана на то, чтобы нанести удар понятию единой советской семьи», направлена против тебя и Мирзы Ибрагимова. Это будет длиться, и это очевидная опасность для тебя. Пожалуйста, не пиши пока стихов, не произноси пламенных речей, моряк должен переждать бурю. Всё утихнет, и ты снова будешь писать и творить.

Самед Вургун пошутил:

— Муса, поэты — это такое племя, что, когда приходит муза, никогда не могут сказать ей: «Придётся попозже». Потому что они знают: если так скажешь, муза может уйти и не вернуться никогда. — И добавил: — 1937 год позади, ничего не будет.

Но Алиев возразил:

— 1937 год продолжается уже 15 лет. И пока не ясно, когда закончится.

В тот день они провели много времени за разговорами. Договорились, что вместе посетят родные края — Газах и Шамаху.

У Мусы была сильно развита интуиция. Он чувствовал, что тучи, нависшие над ними, — огромные, и приплыли они не просто так, а чтобы затопить весь мир.

Гроза из тех туч пришла ровно через год. Зима 1953-го была суровой, настали резкие холода. Снова был февраль. Муса только пришёл на работу, как зазвонил прямой телефон Багирова. Багиров, по обычаю, перешёл прямо к делу, распорядился завтра же исключить Самеда Вургуня, Мирзу Ибрагимова и Мирасадуллу Мир-Касимова из Академии, и сказал:

— Если вы не выполните моё задание, пеняйте на себя.

Разумеется, разговор шёл не просто об исключении этих людей из Академии, это было начало процесса их свержения. Что произойдёт дальше, было известно.

Алиев оказался в отчаянном положении. Конечно, он не может подчиниться приказу Багирова, но как? Сказать «нет» явно означало подставить себя.

Спустя всего три дня, рано утром, когда прямой телефон Багирова зазвонил сердитым и устрашающим звуком, Муса почувствовал резкую боль в сердце. Багиров без приветствия сразу спросил:

— Я кое-что сказал сделать. И?

У Алиева был готов ответ:

— Они очень влиятельные люди, особенно Самед Вургун, он кумир всех народов СССР, было бы неправильно внезапно исключать его из Академии, даже товарищи в Кремле этого не примут. Дайте мне немного времени, дайте подумать и найти безболезненный путь.

Последними словами Багирова были:

— Имей в виду. Я дал задание и жду его выполнения.

Так прошло ещё несколько дней. Пятого марта молниеносно распространилась новость: глава СССР Иосиф Сталин умер от инсульта на своей даче в Кунцево. Его похороны возглавляет великая четвёрка: Хрущёв, Маленков, Молотов и Берия.

Разве могло быть лучшее спасение? Смерть главы страны вызвала смятение. Трёхдневная церемония прощания с ним в Колонном зале Дома союзов с последующими похоронами, объявление траура в стране, минуты молчания по всему Союзу во время похорон, звон колоколов Кремлёвской башни, звуки сигналов, сирен, труб по всем городам и весям, двадцать один артиллерийский залп в Кремле, военный парад Московского гарнизона в сопровождении военного оркестра... Шествие миллионов людей, желавших «прикоснуться к гробу святого вождя», привело к официальному заявлению о 109 погибших, хотя убитых и раненых были тысячи... Мумификация тела Сталина и похороны в мавзолее на Красной площади... Всё это заполнило повестку дня.

Разумеется, Багиров тоже был в замешательстве. Страна настолько находилась под влиянием культа Сталина, верила в миф о том, что мир рухнет после него, что были необходимы практические меры для поддержания спокойствия.

Чтобы не попасться на глаза Багирову, не дать ему шанс повторить своё задание, Муса редко бывал в Баку, ездил в командировки по стране. Иногда он болел, были случаи, когда он спал в машине с температурой. Но продолжать в том же духе долго было нельзя. Пятого июля позвонил секретарь по вопросам пропаганды Гасанов и сказал:

— Багиров спрашивает: вы исключили упомянутых академиков из академии?

Муса Алиев ответил:

— Нет.

— Знаете, что вас ждёт?

— Да, я знаю, но я не могу сделать то, что он требует.

— Тогда не обижайтесь. Он позвонит мне завтра в одиннадцать часов, чтобы узнать, как обстоят дела. Я буду вынужден сказать, что его поручение не выполнено.

Разумеется, Самед Вургун был в курсе. Он написал заявление и представил его Мусе Алиеву:

— Не губи себя из-за меня, я готов уйти.

Но Алиев разорвал написанное другом заявление и выбросил:

— Речь идёт не о тебе или обо мне, речь идёт не о нашей судьбе, речь идёт о судьбе нашего народа.

В ту ночь Муса не мог сомкнуть глаз. Он не смог бы подставить передовых учёных нации, его гордость и достоинство не позволили бы этого, ему придётся самого себя принести в жертву. Он просидел на кухне до утра, куря сигарету, а Сона тихо пристроилась рядом и наблюдала за ним. Жизнь прекрасна, но, если дальше жить, попирая свою совесть, от этого прекрасного не останется и следа. Так зачем попира-
ть?

Время от времени Муса уходил в комнату и смотрел на своих спящих детей, как будто прощался с ними. Ему пришло в голову, что если его арестуют, ему будет тяжела разлука с Сонай, сыновьями и с отцом. Но больше всего будет разлука с дочерью Реной.

Он попросил Сону не рассказывать о случившемся его старому и больному отцу. Сона никогда не видела Мусу в таком подавленном состоянии. Она, посмотрев ему в глаза, сказала:

— Ты не похож на себя. Почему ты сдаёшься? Может быть, опасность снова мигнет?

Действительно, Всевышний велик, и на этот раз произошло чудо, опасность миновала, и Муса Алиев был спасён. Когда он пришёл на работу и дождался одиннадцати часов, получил телеграмму из Кремля. Помимо того, что он был президентом Академии, он также был и председателем секции тяжёлой промышленности как депутат Верховного Совета СССР. А в телеграмме его срочно вызвали в Москву для участия во внеочередном заседании Верховного Совета.

Он немедленно сообщил Гасанову о телеграмме и радостно улетел в Москву. В одиннадцать часов, когда Багиров услышал от Гасанова информацию о том, что произошло, молчал три минуты. Потом сердито сказал:

– Пусть этот негодяй едет. Как вернётся, рассчитаюсь с ним. Он сам вынес себе приговор.

Снова Москва. Конечно, военная Москва, которую он покинул в 1941 году, превратилась в совсем другой город. Но Муса не мог избавиться от воспоминаний о тех страшных годах. Вот здесь, на этом месте, были построены укрепления. Это здание подверглось бомбардировке. А в том доме случился страшный пожар. На этой аллее выстроились танки и гаубицы. Здесь лежал труп человека, умершего от голода. А тут вспахали землю и посадили картошку...

Совещания по бюджету в Москве продолжались неделю. Он поселился в гостинице «Москва», мечтал, чтобы совещания длились вечно, чтобы он остался здесь и не попал в кровавые сети Багирова.

Чудо иногда случается, когда все надежды потеряны, когда не осталось и соломинки, за которую можно было бы ухватиться. За день до конца недели – утром двенадцатого июля – пронеслась подобная молнии новость, ставшая главной на повестке дня. Лаврентий Берия – самый ненавистный человек в элите руководства СССР, покровитель Мир Джафара Багирова, был арестован, а Багиров отстранён от должности.

Муса долго не верил в это чудо. Он воздел руки к небу и помолился Всевышнему, который стал его спасителем.

ПРАВИЛО СЕМНАДЦАТОЕ

Иногда человек попадает в такую беду, в такую сложную ситуацию, что никто не в силах его спасти. Поскольку он является мишенью чёрных сил из-за того, что прав, Всевышний сам приходит ему на помощь в такой ситуации. Наказывая врага, становится спасителем.

Таким образом, были спасены Муса Алиев, Самед Вургун, Мирза Ибрагимов и Мирасадулла Мир-Касимов.

Нейтрализация Багирова доставила Мусе Алиеву огромную радость, энергию, у него оказались развязаны руки. С большим энтузиазмом принялся он за строительство Академгородка. Поставил перед собой задачу обогатить этот проект, архитектором которого был Михаил Усейнов, национальным колоритом и элементами, лично поехал и привёз из Харькова гранит для облицовки стен. Когда здание было построено наполовину, Никита Хрущёв, руководитель страны после Сталина, не сумев «переварить» такого произвола народных кадров, отреагировал жёстко. На пленуме партии он выступил с докладом о «чрезмерных архитектурных украшениях при строительстве Академгородка в Баку», в газете «Правда» появилась статья с критикой архитектора и президента Академии. В результате из композиции были удалены четыре башни здания. Однако гранитная облицовка сохранилась – и придавала зданию неимоверную красоту.

Муса взял домочадцев и показал им эту красоту, которой гордился.

В мире есть понятия долга, верности и достоинства, и когда ты им следуешь – даже смерти не боишься. В 1954 году состоялся пленум ЦК для избрания первого секретаря вместо Багирова. Специально приехавший из Москвы представитель Кремля назвал своих кандидатов – новым руководителем Азербайджана станет Имам Мустафаев, работавший секретарём ЦК по сельскому хозяйству.

Выборы были формальными: делалось предложение, и все единогласно голосовали за него. Но неожиданно член пленума Самед Вургун встал со своего места, пошёл к трибуне и заявил, что хочет выдвинуть кандидатуру более достойного человека – академика Мусы Алиева.

Все были удивлены неожиданным шагом. Сердце поэта Самеда Вургуну нужно было ответить добром на добро, которое сделал ему друг. И даже больше: огласив имя человека, который может по-настоящему верно служить Азербайджану в это роковое время, тем самым поставить под удар себя. Что будет? Все ожидали ужасного финала. Чтобы спасти своего друга, Муса Алиев встал и заявил, что он снимает свою кандидатуру.

В 1954 году Муса Алиев был избран президентом Академии во второй раз. Имам Мустафаев не пошёл против этого, он дал понять, что никакого конфликта между ними нет. В следующую череду светлых дней Мусе выпала честь быть награждённым орденами «Знак Почёта» и «Красного Трудового Знамени». Мир Джалал был одним из первых поздравивших. Вскоре после этого Мир Джалал и сам был награждён орденом «Знак Почёта». И на этот раз уже Муса поздравлял его.

В марте 1956 года Муса с глубоким чувством уважения поздравил Самеда Вургуну с пятидесятилетием и присвоением недавно учреждённого звания «Народный поэт Азербайджанской ССР». 12 мая в Театре оперы и балета торжественно отметили юбилейный вечер Самеда Вургуну. Поздравить гениального поэта приехали видные люди со всей страны. Муса очень гордился этой дружбой.

Но очередная чёрная полоса не заставила себя долго ждать. 27 мая того же года ему суждено было получить удар судьбы. С юбилейного мероприятия прошло всего пятнадцать дней, когда Самед Вургун скончался около половины восьмого вечера. Потеря лучшего друга, доверенного лица и помощника была очень болезненна. Они понимали друг друга с полуслова, могли утешать, поддерживать друг друга. Самед Вургун был кумиром молодёжи, любимцем всего СССР, лицом культуры Азербайджана.

Похороны Вургуну прошли в здании филармонии. Поэта похоронили в Первой Почётной аллее. Проститься с ним пришла чуть ли не вся страна. Такую большую толпу Муса видел только во время похорон Сталина. Муса плакал, он просто не мог успокоиться. И он вспомнил, как однажды Самед Вургун сказал ему:

– Я ночами не сплю, сижу на диване с чемоданом. Я жду, когда они придут ко мне. Я не хочу доставлять неприятности своим близким. Если они придут, я пойду с ними немедленно.

Самед Вургун также стал жертвой репрессий. Какая разница, убьют тебя пулей или доведут до смертельной болезни.

Глава 35

Назим был полон энтузиазма, на работу уже не ходил через «не могу». Настроение его значительно улучшилось. Решив вопрос с Мумтазом, он неожиданно стал популярным в селе. Никто не знал подробностей, известно было лишь то, что «Мумтаз отказался от дома Аршада после того, как поговорил с Назимом, который поставил его на место в Москве».

Правда, Зарнишан до сих пор с ним не помирилась, но родители и сестра сегодня долго разговаривали с ним по телефону. Услышав голоса родных, Назим расстрогался. Сын чувствовал облегчение от выполнения своего долга перед родителями.

До этого момента по очереди заявлялись к ним домой то участковый села, то представитель Исполнительной власти, то представитель Мумтаза – и беспокоили отца. Но как только рассвело, пришёл подрядчик Мумтаза и сообщил, что проект изменён и их земельные участки им больше не нужны.

И Аршад сначала не поверил, но вскоре стал свидетелем того, что оборудование, расставленное перед его калиткой, и забор в пяти шагах от их дома убрали.

Аршад и Мунаввар и во сне не могли представить, что их никудышный сын Назим смог повернуть такое дело. Он вырос в их глазах. Его сестра Сельма также подобрела к брату, веря, что и её проблема будет решена. Шакир, услышав о произошедшем, позвонил и расхвалил его. Он словно забыл свою обиду, сказал, что открыл большой автосервис в центре района:

– Я так понял, в Москве дела у тебя не очень, если домой не посылаешь ничего. Что было, то прошло, ты образованный парень, мой друг, приезжай, займись финансами, давай работать вместе, – предложил ему даже работу.

В последние дни Назиму казалось, будто он оказался в центре происходящих чудес. В музее он смотрел на доброе лицо своего спасителя на большом портрете, произнося неоднократно: «Всем обязан тебе, дорогой человек».

Он увидел на портрете пыль, быстро пошёл в ванную, отыскал тряпку, смочил её и вытер. Вытер и стол, на котором тоже было пыльно.

Вчера попросил Вадима Борисовича выплатить зарплату в середине и в конце месяца, а не один раз за весь месяц. На что тот ответил: «Для меня это не имеет значения, сделаем так, как ты хочешь». Чтобы взять половину зарплаты, ему пришлось остаться, а на оптовом рынке товары для прилавков Аслана за него сегодня по его просьбе возьмёт Субхан. Это он предварительно согласовал с самим Асланом.

Как только Вадим Борисович приехал, он сразу, до чаепития, достал деньги, передал Назиму и попросил поставить подпись. Назим положил деньги в нагрудный карман. А потом рассказал, не упоминая имён, всю историю с Мумтазом с самого начала, обо всех угрозах, как сожгли их стога сена, как отравили корову, как избили старого отца, «пятидневный ультиматум», разговор с Афласом, как обхитрил Мумтаза – всё рассказал. Он сделал паузу, чтобы сказать главное, но Вадим Борисович уже уловил суть и, указывая на портрет Мусы Алиева, сказал:

– Наверное, благодаря ему, да?

– Да, благодаря ему, – с улыбкой подтвердил Назим.

Поджидающие ежедневные заботы и хлопоты давят на плечи человека, от них перехватывает дыхание. И когда от них избавляешься, чувствуешь прилив сил. Назим был очень спокоен в электричке по дороге в Москву. Он сел поудобнее и быстро достал телефон. Каждый день он фотографировал несколько страниц из рукописи, чтобы читать в дороге. Рядом с ним сидел подросток и играл в игру на телефоне. Коснувшись плеча подростка, Назим сказал:

– Друг, а ты знаешь, как полезно читать биографии известных людей, покрывших в жизни большие высоты? Обязательно чему-то у них научишься и применишь полученные знания в жизни.

Подросток проигнорировал этого странного человека и продолжил играть.

Назим наладил отношения с Шакиром и избавился от Мумтаза. А как насчёт Зэк Тахира? С ним как быть? Он чувствовал, что не вполне освободился от бремени, его ещё что-то гложет.

– Что мне делать с этим негодяем? – спросил он, глядя на рукопись, которую читал. – Помоги мне и в этот раз, пожалуйста.

Разговаривать с Зэк Тахиром как с нормальным человеком, пытаться его в чем-то убедить, просто пустая трата времени. У того только кулаки работают, мозгов нет. Угрозами делу не поможешь, на него это просто не подействует. Он же не знает страха, к тому же рецидивист. В полицию идти тоже смысла нет. Нет преступления, значит, наказанием будет административное предупреждение. А это может его лишь разозлить и принудить к более радикальным поступкам. Использование какого-то компромата, как в случае с Мумтазом, здесь тоже не пройдёт. У этого человека не было посредника, который мог бы выдать его тайну. Что же делать?

Добрался до работы, поздоровался с бабусями, проверил, справился ли Субхан с просьбой. Товар был, и цены были удовлетворительными, документы тоже на месте. Субхан молодец. Назим позвонил, сказал «большое спасибо» своему другу и пошёл за прилавок. Он был полон энтузиазма, начал зазывать покупателей. Если торговля пойдёт хорошо, всё наладится.

Люба что-то написала. Опять что-то связанное с покупкой машины. Кто-то предложил: чем покупать за высокую цену в автосалоне, лучше купить поддержанную машину наличными за полцены.

Появился Аслан, Назим попросил у Аслана аванс за работу на оптовом рынке. Аслан протянул ему деньги со словами:

– После истории с Мумтазом ты вырос в моих глазах.

Назим положил эти деньги тоже в нагрудный карман. Впервые в этом городе заработанные деньги стали ему дороже, чем стоили. Деньги тоже живые. Они будто улыбаются, когда тратятся на благие цели.

С нетерпением ждал обеденного перерыва. Все смотрел на часы в мобильнике. Наконец, бабуси стали освобождать место, чтобы накрыть себе обед. Он молниеносно ушёл и направился в банк. Назим собирался перевести рубли, которые были у него в кармане, в доллары и отправить Зарнишан. Это было ровно триста долларов. Правда, он не знал, продают ли банки доллары. Он даже не знал, можно ли переводить деньги из российских банков, находящихся под международными санкциями из-за конфликта с Украиной, в зарубежные страны. Он думал: если не получится через банк, он отдаст деньги кому-нибудь из соотечественников, собиравшемуся ехать на родину. В конце седьмого месяца наконец-то обрадует свою семью.

Глава 36

Смерть Самеда Вургунa полностью обескуражила и потрясла Мусу Алиева. Входя в здание Академии, он невольно искал глазами Самеда. Всего пятьдесят лет. Если бы он жил, что бы дал литературе этот гениальный поэт, как бы он обогатил её... Два-три раза в неделю Муса ходил на Первую Аллею Почёта и возлагал на его могилу свежие цветы.

С Имамoм Мустафаевым отношения не сложились. Новый первый секретарь хотел совершить национальную революцию, чтобы возвыситься в глазах народа, он сразу же выдвинул такие предложения, как отказ от русского языка и ведение всей переписки на азербайджанском. Много лет назад Муса Алиев, который перевёл деятельность во всех институтах академии с русского на азербайджанский язык, который стал одним из первых, кто начал читать лекции на азербайджанском, и в итоге получивший клеймо националиста, доказывал, что это нужно делать не сразу, а постепенно, иначе они навлекут на себя гнев Кремля и больше ничего не смогут сделать для народа.

На следующей встрече представил аргументы Иمامу Мустафаеву:

– Переход страны на азербайджанский язык – это превосходно, но нужно делать это безболезненно и постепенно, не таким популистским способом. В Баку проживают представители тридцати других народов, а в республике — семидесяти. Тысячи жалоб немедленно поступят в Москву.

В результате между ними возникли серьёзные разногласия. Мустафаев стал обвинять Алиева в антинародной позиции в самых престижных местах. А тому пришлось объясняться, что к чему, и ему невероятно надоели дискуссии и споры. Это было очень несправедливо.

Многотомные труды Академии: «Флора Азербайджана», «Животный мир Азербайджана», «Земли Азербайджана» – должны были быть изданы как на азербайджанском, так и на русском языках. Русский язык был необходим для того, чтобы об

этом труде узнал весь СССР. Ведь как ни крути, жили они в СССР, ещё рано было, по сути, изолироваться и говорить «сам себе голова». Зачем срывать неспелый фрукт, на что он годится?

В октябре 1957 года Муса Алиев отправился в Дели для участия во Всеиндийском съезде учёных в составе советской делегации. Это было сказочное путешествие по Индии. Он посетил Бомбей, Калькутту, легендарный Тадж-Махал, был личным гостем премьер-министра Джавахарлала Неру. В Баку вернулся с огромными впечатлениями, но ему сразу же попортили кровь. Сам Мустафаев одобрил издательский план Академии, но посчитал целесообразным выпуск издания только на азербайджанском языке. Поступая таким демонстративным образом, он хотел сказать: «Я здесь хозяин». Этим шагом он помешал всей стране узнать о достижениях азербайджанской науки.

Муса много думал и подал Мустафаеву просьбу об отставке: «Я не хочу с Вами работать. Вы принимаете за меня решения, с которыми я не согласен. Поэтому я ухожу с работы, чтобы не отвечать за ваши ошибки». И сообщил подчинённым Мустафаева, что хочет работать в созданном им же Институте палеонтологии и стратиграфии.

Муса Алиев был президентом Академии восемь лет. Когда он приступил к работе, численность сотрудников Академии составляла 1050 человек, из них только тридцать процентов были азербайджанцами. Когда он писал своё заявление, здесь работало уже 2500 человек, и семьдесят процентов из них были азербайджанцы.

От Мустафаева долгое время не было ответа. Лишь в 1958 году на 50-летие Мусы Алиева Мустафаев вдруг дал ему сразу два ответа. Сначала глава республики принял отставку, а затем объявил, что принял решение закрыть Институт палеонтологии и стратиграфии.

Таким образом, Муса Алиев был не только уволен, его деятельность оказалась полностью ограничена. После тридцати лет образцового служения родной республике он удостоился такой оценки и обращения. В год его юбилея, в год ожиданий это было как пощёчина.

Он попрощался с Академией и вернулся домой. Поднимался по лестнице тяжёлыми шагами, с бременем печали на плечах, когда услышал плач. Сразу подумал об отце. Пока он поднимался по лестнице, перед его глазами предстала сцена смерти матери, когда он услышал плач, возвращаясь домой из гимназии в Ашхабаде.

Он не ошибся в своём предположении. Его отец скончался.

Жизнь настолько жестока, что постоянно приносит человеку боль и страдания. Ставит подножки, хочет сбить с ног, раздавить и растоптать.

Период безработицы он встретил в состоянии полной депрессии, совершенно деморализованным. Как может человек, который всю свою жизнь работал, строил и созидал, сидеть дома? Никто и ничто не могло его утешить. Но Всевышний велик, и иногда, даже если человек сам про себя забывает, Аллах не оставляет его. Однажды к нему в дверь постучал почтальон и доставил телеграмму, которая стала спасением.

Его звали в Москву.

Родина имеет странное очарование. Когда вы покидаете её, оно не оставляет вас в покое. Всё притягивает, притягивает. Пахнувший нефтью ветреный Баку полон особого очарования. Уехать из Баку и жить в другом месте – самое тяжёлое испытание.

В 1958 году Муса Алиев вместе с семьёй переехал в Москву. Он привёз с собой в контейнерах свою богатую библиотеку, созданную еще в Ашхабаде и перевезённую затем в Баку. Начался следующий период их жизни. Он будет работать, дети будут учиться в институтах, а Сона будет заниматься домашними делами.

Ему предложили должность директора вновь созданного Института геологии и горных месторождений при АН СССР, и от него снова ждали новых открытий. Поскольку Муса имел горький опыт интриг и устал от тайной борьбы, он попросил своего куратора назначить его заместителем директора.

Удивлённый куратор поинтересовался причиной.

— В моей жизни было так много мистических моментов и необыкновенных совпадений, — ответил Муса, — что в результате я научился интуитивно принимать незамедлительные решения. Как вы думаете, если в институт, где работают четыре академика Академии наук СССР, придёт директор извне, тем более из далёкой республики, иной нации, примут ли его нормально? Я не высокомерный человек. Мне хватит и заместительства.

Итак, он был назначен заместителем и начал работать в этом институте. Они поселились в Академгородке в подмосковном посёлке Перхушково, в дачном домике, окружённом зелёными деревьями.

География научной деятельности Алиева была обширна: от Южного Кавказа до Западной Сибири и Средней Азии. Ему нужно было быть вдвое сильнее, активнее и бдительнее, чтобы добиться признания и влияния в этом новом, совершенно незнакомом ему мире. Он хорошо знал Азербайджан, Туркменистан и Северный Кавказ, но ему предстояло работать в палеозойских отложениях Волго-Уральского региона. Конечно, неоспоримы были заслуги его учителя Богачёва, заставившего его когда-то изучать фауну палеозоя.

Он освоился на новой работе, полюбил её, занимался наукой, проводил исследования, писал и публиковал фундаментальные труды. Но глава страны Никита Хрущёв неадекватным решением вывел институт из-под контроля Академии и передал его в ведение отраслевого министерства. Конечно, это отразилось на слаженности работы и результатах. Будто сознательно отбили желание работать. Муса первым опомнился, сказал:

— Жизнь и работа продолжают, мы обязаны привыкать к новым условиям.

Это стало своего рода утешением для всех.

В их дом приходили родственники, знакомые и даже совершенно незнакомые люди из Азербайджана, каждый из них просил у Мусы помощи. Алиев звонил кому надо, делал всё, чтобы не разочаровать просителей.

Сын Мир Джалал Хафиз также сделал выбор в пользу Москвы после окончания института — продолжил обучение в аспирантуре Курчатовского института. Дружба с Реной, учившейся в МГУ, переросла в любовь. Хафиз приходил к ним, как старый сосед. Мусе очень нравился Хафиз, он был интересным собеседником. А Сону беспокоили любовные отношения молодых людей, она боялась, что Хафиз женится на Рене и увезёт её с собой в Баку.

Когда после работы, возвращаясь домой, Муса видел Хафиза у себя, то первым делом он шёпотом спрашивал у Соны:

— Дала ему поесть?

...В марте 1967 года Мусу Алиева неожиданно вызвали в Нефтяной отдел ЦК и сказали:

— Товарищ Алиев, мы испытываем к вам большое доверие. Двери нефтяной промышленности Алжира закрыты для СССР, и ЦК поручает открыть их вам. Пока там действуют французские и американские компании. Но у нас тоже есть нефтяной контракт с алжирским государством. Вы должны реализовать его.

— Какой Алжир? Только Африки не хватало...

Это была первая реакция Мусы. Вскоре отрицание сменилось принятием. Если тебе поручено решение какой-то проблемы, значит, ты нужен, отступать — ошибка, грех, ты должен работать вдвойне, оправдывать ожидания, проявить себя ещё раз. Это будет ответом для тех, кто тебя вычеркнул из жизни.

Когда встал вопрос о проживании в Алжире Мусы Алиева с его женой, то возникла проблема с детьми. С мальчиками проблем не было, будут учиться в своих институтах. Но как же им оставить девочку?

Как будто судьба благословила Рену и Хафиза этим алжирским делом. В тот момент любовь молодых оказалась очень своевременной. Вскоре после их свадьбы родители спокойно уехали в Алжир.

...Куда только судьба не заносит человека.

Вот и Африка. Об Алжире Муса знал только то, что большая часть его территории приходится на пустыню Сахара, он имеет сухопутную границу с шестью странами, государство носит то же название, что и столица; это богатая страна, но всё находится в руках иностранцев, население бедствует. Сона также узнала, что в провинции Тамугад расположены остатки памятника Триумфальной арки римского императора Траяна и что Пророк Мухаммед сравнивал рай с долинами Алжира.

Когда они прибыли в эту страну, политическая ситуация была напряжённой. Всего два года назад в Алжире произошёл военный переворот, и к власти пришёл министр обороны Хуари Бумедьен, один из лидеров Фронта национального освобождения. Он хотел построить, по сути, социалистическое государство, что послужило бы сближению с СССР. Его привлекали идеи «общества без богатых и бедных, где все равны». Конечно, после более чем 130 лет колониального влияния разорвать тесные экономические, культурные и языковые связи с Францией Алжиру было непросто. Они хотели построить социализм не как атеисты, а как верующие. Потому что население целиком состояло из религиозных мусульман. И главным преимуществом в назначении сюда Мусы Алиева могло стать именно то, что он был мусульманином.

Французы и американцы сосредоточили в своих руках нефтяной сектор страны, они полностью контролировали национальную нефтяную компанию Sonatrach. Глава этой компании, мужчина по фамилии Мегатели, назвал Мусу Алиева «полковником КГБ» с целью дискредитации его в глазах местного населения и развернул антисоветскую пропаганду. Однако Муса Алиев был полон решимости.

Основной целью стала провинция Тиндуф, расположенная в Западной Сахаре, где необходимо было реализовать нефтяной потенциал. Французы предлагали бурить на глубине три тысячи метров, а Муса – на глубине пять тысяч. Назревал большой конфликт.

Противники вели свою пропаганду в местных органах власти и среди местных кадров, чтобы унижить советских специалистов. Они вмешивались в работу Мусы и его команды каждый раз, когда это было возможно. Однажды произошёл явный конфликт. Мегатели сказал местным жителям:

– Вы обязательно должны сделать выбор между французами и советской властью. Помните, что Советы вторгнутся в вашу страну, изменят вашу религию и язык, а этот приезд – проверка почвы.

Тогда Муса припомнил все факты, отфильтровал некоторые новости из прочитанных книг, вышел и начал свою речь:

– Господин Мегатели, из ваших слов выходит, что советские люди пришли сюда, чтобы нанести ущерб, а французы думают об алжирцах. Я оставляю в сторонке все последствия ста тридцати двух лет колониальной политики Франции и припомню только один факт. Восемь лет назад большинство населения всё ещё не осознавало масштабов французских ядерных испытаний в регионе Регган этой бедной страны. Я расскажу. Мощности взрыва составила семьдесят килотонн в тротиловом эквиваленте. Для сравнения приведу примеры. Мощности атомной бомбы, взорвавшейся в Хиросиме во время Второй мировой войны, составила всего восемнадцать килотонн, а в Нагасаки – двадцать одну килотонну. Теперь вы можете себе представить масштаб ущерба. Население в этом районе страдает от радиации уже много лет – и будет страдать ещё десятилетия. Вот это вы называете «думать об алжирцах»?

Муса Алиев пояснил, что он тоже мусульманин, азербайджанец, и первая страница в истории мировой нефти – это бакинская нефть. Он заверил жителей, что цель его визита сюда – открыть алжирские нефтяные месторождения и поручить их эксплуатацию самим алжирцам, обогатить государство, страдающее от сотен лет эксплуатации, и население, живущее в нищете. Министр промышленности и энергетики Абдулсалам аплодировал выступлению Мусы. Все присоединились к нему.

Разумеется, дальнейшее развитие событий пошло в пользу Мусы. Французы и американцы не смогли найти нефть на глубине трёх тысяч метров, а Муса со своей командой обнаружил залежи нефти, спрятанные на глубине пяти километров.

Муса Алиев собрал этих людей, назвавших себя нефтяниками, и провёл их обучение, объяснив, что рассчитывать на сметы для бурения нефтяной скважины – это авантюра, надо проводить геофизические работы, уточнять структуру. Таким образом, всем пришлось принять Мусу Алиева. Это был колоссальный успех советской геологии.

Муж и жена здесь очень скучали по детям, по возможности связывались с ними по телефону, а когда было время, изучали места, где жили – так как часто меняли место жительства из-за работы Мусы. И постоянно следили за новостями, отовсюду собирая информацию о происходящем на Родине.

...Мир разделился на два полюса: капиталистический и социалистический. США стояли во главе капиталистического, а СССР – социалистического, и между этими двумя сверхдержавами шла холодная война. Руководство СССР было настроено на расширение социалистического лагеря, и Алжир казался очень подходящей страной. Если в Африке будет создано первое социалистическое государство, это обеспечит Советам большие перспективы для укрепления своих сил на «чёрном континенте». По этой причине в Алжире чувствовалось идеологическое влияние СССР, алжирское телевидение и газеты уделяли много места и времени советской пропаганде.

Мусу больше интересовали культурные новости, нежели политические, и, поскольку Сона знала об этом, рассказывала мужу о новостях культуры – она слушала их, пока муж был на работе: «Муса, в Баку установлен памятник Микаилу Мушфику», «Сдана в эксплуатацию станция метро Хатаи», «В один день состоялись две премьеры: опера «Айдын» и балет «Гараджа гыз», «Муса, говорили о культурных итогах 1968 года в разных республиках, наши молодцы, в Азербайджане за год начали действовать сразу четыре новых театра – Государственный театр песни, Агдамский, Сумгаитский и Мингячевирский драматические театры».

В тот год они получили ещё одну хорошую новость: их дорогой сосед и кум Мир Джалал Пашаев, видный писатель Азербайджана, был удостоен премии Ленинского комсомола за роман «Манифест молодого человека». Они сразу же позвонили в Баку и поздравили друга.

В 1969 году у Мусы истёк контракт. Алжирцы не хотели его отпускать, но он вернулся в Москву. В ЦК его возвращение встретили радостно.

– Мы знаем, какую революцию вы там совершили. Аплодируем. Но вы там ещё нужны, наши отношения с Алжиром могут испортиться. Возвращайтесь, поработайте полгода, а потом вернётесь, – сказали ему.

Муса устал и соскучился, но оставлять начатое дело на половине было не в его характере. И он вернулся в Алжир.

Сразу после возвращения Алиев выступил с докладом о геологии, нефтегазовых ресурсах Сахары и Атласа перед президентом Алжира Бумедьеном. Муса заверил, что они смогут получить почти десять миллионов долларов даже без вложений. Если будут сделаны серьёзные инвестиции, страна будет иметь триллионы долларов.

Он снова засучил рукава и принялся за работу. За время этого контракта никто не мешал ему. Он проявил себя своей работой.

ПРАВИЛО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Количество успешных людей гораздо меньше, чем количество неуспешных. Те, кому суждено добиться успеха, с первых своих шагов сталкиваются с завистью и ревностью других. Эти зависть и ревность постепенно превращаются в препятствия, клевету, дискредитацию усилий. Когда успешному человеку приходится отвечать на эти угрозы, он вынужден тратить силы и энергию, он устаёт, утомляется, а иногда и вовсе падает духом. Самое главное — вместо того, чтобы продолжать свой путь к успеху, он сходит с рельсов, тратя время в этой бесполезной борьбе.

Если появились много недоброжелателей, значит, ты очень сильный. Значит, ты на правильном пути. Ты должен доказать свою правоту, достигнув цели, а не споря с врагами, которые утверждают, что ты не прав.

Действительно, если человек остановится и начнёт кидать камни в каждую лающую собаку, он не сможет пройти свой путь.

По окончании второго контракта министр экономики Алжира Абдулсалам предложил Мусе Алиеву должность главы разведывательного агентства Sonatrach, а также главного советника президента по нефти, и ежемесячную зарплату в шесть тысяч динаров. Но тот отказался от этого заманчивого предложения, сказав:

— Я не променяю свою Родину ни на одну другую страну.

Москва — это не Баку, но, во всяком случае, это был СССР, а оттуда до Баку рукой подать.

Для Алиева организовали прощальную церемонию. Министр с сожалением сказал:

— Жаль, что вы уходите. Вы научили нас, как взять наше нефтяное богатство в свои руки и использовать его. Я очень благодарен вам. Не только я, но и весь алжирский народ благодарен вам.

Глава 37

В тот же вечер деньги были у Зарнишан. Он попросил Аслана о помощи, так как банковские переводы были вознён, дал ему рубли, а Аслан позвонил своим, живущим в селе, и его сын отнёс Зарнишан триста долларов. Триста долларов — это была небольшая сумма, и, как только Зарнишан получила деньги, она позвонила и сказала, что прямо завтра с утра поедет в райцентр обменять валюту, купит детям и себе обновки и продукты. Также сказала:

— Триста долларов — триста проблем, у Зулейхи и Расима родился сын, и я должна купить подарок для ребёнка.

Он поговорил с детьми по видеосвязи. Самое тяжёлое испытание в мире — разлучиться с любимыми и пережить эти трудности. Он понял, как сильно любит своих детей. Когда услышал их голоса, не смог сдержать слёз.

Проблемы решались одна за другой. Кроме одной. Он снова подумал о сестре. Что будет с этой несчастной? Как долго она будет сидеть дома? А вдруг Зэк Тахир не откажется от неё, ей что, придётся до конца жизни не выходить на улицу?

Как только он вошёл в музей, он положил перед собой рукопись и прошептал, как бы разговаривая с автором:

— Пожалуйста, помоги мне.

Его взгляд упал на портрет Мусы Алиева. На портрете он был как живой, словно замерший на мгновение.

— Пожалуйста, дай мне совет, как справиться с подонком Зэк Тахиром, как помочь сестре и Ниязу создать семью.

С этими мыслями он долго смотрел на портрет.

– Что мне делать, дорогой человек? Ты прошёл через такие опасности, победил таких врагов. Что бы ты сделал в этой ситуации?

Назим словно ждал ответа от человека на портрете. Потом он задал этот же вопрос рукописи, взял и перелистал, пересмотрел несколько раз. Он почувствовал, как щиплет глаза, они начали слезиться, встал, прошёлся немного и вышел во двор. Зелень деревьев успокаивала. На этой деревянной скамейке под клёнами, подстелив газету, советские учёные когда-то сидели и беседовали. Эту мелочь Назим заметил на фотографиях. Лицо Мусы Алиева появилось перед его глазами. Затем, поняв, что в своем воображении он всех одел по-современному, представил их в одежде того времени. У мужчин – бакенбарды, из одежды – широкие штаны, двубортные пиджаки, белые рубашки на трех пуговицах, на головах летние шляпы.

Вдруг раздался телефонный звонок. Это был Субхан. Назим не ответил. Потом звонок от Любы. Ей он тоже не ответил. На дне электрического чайника Вадима Борисовича было полстакана воды, он не хотел наполнять и заново кипятить, поэтому нагрел и выпил то, что было.

Очередной звонок. Это был Нияз. На этот раз он ответил. Известие о том, что Назим избавился от Мумтаза как от сорняка, было для Нияза настолько неожиданным, что он не поверил. Но после разговора с родственниками в деревне, услышав от Сельмы, что произошло перед их домом, поверить ему пришлось.

После обыденных вопросов Нияз спросил, как удалось убедить Мумтаза отстать от них, на что Назим ответил:

– Неважно, главное, что он больше не беспокоит мою семью.

Кажется, Нияз поверил и в возможности волшебной руки, подарившей силу Назиму.

– От Ээка Тахира есть какие-то новости?

– К сожалению, нет.

После этого ответа Нияз попрощался, выразив надежду, что верит в счастливое стечение обстоятельств. Как только они попрощались, Назим автоматически нашёл номер Ээка Тахира.

«Ты просто попробуй!»

Он начал набирать номер. Потом остановился. Попытаться сделать что? Что скажет? Ведь у него не было планов, связанных с этим человеком. Скажет, отстань от сестры? Он же ответит – а где ты был до сих пор, сейчас только сестру вспомнил? Начнёт оскорблять, ругаться, это же Ээк Тахир.

Он положил телефон на стол.

«Ты просто попробуй!»

Снова взял. Может, попросить? А разве он примет просьбу? Он же бесчеловечный. Был бы человеком, не встал бы между влюблёнными, не заставил бы столько пережить. Проходили годы, но так и не заживали раны, полученные в то время.

Когда Назим снова положил телефон на стол, раздался звонок. Звонок был с номера Ээка Тахира. Разволновался, по телу прошла дрожь. Оказывается, все-таки вызов прошёл, и ему набрали в ответ.

Это был скрипучий мужской голос, а не ужасный хриплый голос Ээка Тахира. Скрипучий голос произнёс:

– Извините, мы не могли ответить, вы, наверное, звоните с соболезнованиями, да помилует Аллах тех, кто отошёл в мир иной.

Сначала он не понял, в чем дело. Но если вы кому-то звоните, кто-то другой отвечает и говорит: «Вы, наверное, звоните с соболезнованиями, да помилует Аллах тех, кто отошёл в мир иной», – это значит...

В один момент его переполнила такая радость, что он с трудом обуздал её и уточнил:

– От чего он умер?

– Это произошло здесь, в Дубае, прошлой ночью. Ведь у него была вражда с Микаилом. Узнали, что он здесь, и застрелили, подонки. Уважающий себя мужчина так не поступит. Труп должны отвезти в Азербайджан, этим заняты. А ты кто?

Он дал отбой, перевёл дыхание, его полностью охватило чувство радости. Быстро позвонил сестре, потом Ниязу, и те заплакали в ответ на этот неожиданный подарок судьбы.

Внезапно слова словно вырвались из рукописи и выстроились в его сознании, как жемчужины: *«Иногда человек попадает в такую беду, в такую сложную ситуацию, что никто не в силах его спасти. Поскольку он является мишенью чёрных сил из-за того, что прав, Всевышний сам приходит ему на помощь в такой ситуации. Наказывая его врага, становится спасителем».*

Происходили невероятные вещи.

Он поднял руки к небу и начал молиться Богу. Ничто в мире не проходит бесследно. Хорошие и плохие поступки, которые вы совершаете, рано или поздно возвращаются к вам. Вас награждают за хорошие поступки и наказывают за плохие.

Глава 38

После возвращения в Москву здоровье Мусы Алиева ухудшилось, он долго болел, зрение начало снижаться. Долгие годы непрерывной тяжёлой работы, стресс, нервное напряжение, бессонница давали о себе знать.

Мемуары он начал писать в 1978 году. Закончит он их ровно через 3 года – в 1981-м.

В 1980 году Муса с Соной отпраздновали золотую свадьбу. Целых пятьдесят лет прожили вместе, а это значит – были вместе всю жизнь. Семья из одиннадцати человек – юбиляры, их дети, супруги и внуки устроили красивое застолье в Перхушково и сделали коллективное фото.

Муса Алиев любил, когда вся семья собиралась вместе, он уже был в возрасте. Он смотрел на своих детей и невольно грустил.

Омар Хайям, его первенец, родился, когда ему было всего двадцать четыре года. Он был талантливым ребёнком, окончил школу с серебряной медалью и поступил в институт. Сейчас преподаёт в Московском институте автоматики волновую механику, доцент. Сильный, стройный, похож на своего отца. Но его семейная жизнь сложилась неудачно, с женой ему не повезло: он был дважды женат, а затем развёлся. На тот момент он был одинок, за его дочь Нилей присматривали родители.

Его второй сын, Икрам, был жёстким, упрямым и деловым человеком. Он продолжил дело отца, окончил геологический факультет Индустриального института и имел около пятидесяти научно-исследовательских работ, связанных с геологией. Он был женат на женщине по имени Рена и имел двух дочерей, которых звали Камилла и Тамилла.

Третий ребёнок, Рена, его любимица. Смотря на её лицо, каждый раз убеждался, что Рена похожа на его мать Набат. Она была серьёзной, умной и красивой. Окончила Институт восточных языков Московского государственного университета. Свободно владела арабским, французским, английским, русским и, конечно же, азербайджанскими языками. Успешно защитила кандидатскую диссертацию по арабской литературе. Её супруг, Хафиз Пашаев, наследник Мир Джалала Пашаева, был выпускником Курчатовского института. Он стал известным физиком, умным, образованным интеллектуалом. Заведовал лабораторией в Институте физики и математики Академии наук Азербайджана. Они были очень красивой, любящей друг друга парой. У них росли двое детей: сын Джамал и дочь Джамиля.

В 1980 году Муса Алиев вспоминал свой бурный жизненный путь и был безумно счастлив быть рядом со своими близкими. Он смотрел на Сону с любовью, он был чрезвычайно благодарен этой женщине, которая прошла с ним этот долгий путь, всегда старалась защитить его, взяла на себя огромную задачу правильно воспитать детей и справилась с ней.

ПРАВИЛО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Жизнь сложна. Важнейшее условие для того, чтобы человек преодолел эту сложность, без потерь продвинулся вперёд к своей цели и задаче – это семья, которая должна быть крепкой и монолитной. Конечно, в обычной жизни могут быть раздоры, споры, обиды и недовольства, но при необходимости семья должна уметь собраться вместе. Главный залог того, чтобы держаться вместе – любовь. Самая большая и священная любовь – это любовь, которая рождается между двумя людьми и объединяет их в одну семью, в дальнейшем передаётся детям, которая возвращается от детей к родителям, снова передаётся собственным детям – любовь, передающаяся из поколения в поколение.

Когда нет любви в семье, когда бушуют постоянные разногласия и ссоры, тогда у человека не ладится на работе, он не может подняться по карьерной лестнице.

Старайтесь создать семью по любви. Построенные на всех других основах и желаниях семейные союзы не могут принести счастья. Создайте семью по любви, чтобы в вашей семье не было недостатков.

Осенью 1981 года Алиеву стало хуже. Последняя запись, которую он написал, была такова: *«1981. Ранняя осень. Внизу тихо. Все разошлись по своим спальням. Значит, наступила ночь. Кромешная тьма. Я ослеп. Я больше не могу писать. Я могу различать только звуки. Я отошёл от большого мира. Но я чувствую его дыхание. Я чувствую, что теперь все времена, пересекающиеся только внутри меня, безвозвратно уходят в прошлое...»*

Человек проходит сквозь время. Прожитые годы прикованы к нему словом «жизнь». Но время тоже проходит через человека. Иногда бушующим ураганом потрясёт, иногда оставит в молчаливой тишине.

Миновали ещё три с половиной года. Иногда с помощью Соны он выходил и садился на деревянную скамейку под клёнами, слушал ветерок и пение птиц, думал, жил только воспоминаниями и с нетерпением ждал следующих приездов своих детей и внуков.

Когда наступил май 1985 года, московское небо было затянуто густыми чёрными тучами, непрерывно шёл дождь. Южане никогда не мирятся с недостатком солнца, они настойчиво требуют его в небе. Вы надеетесь, что рано или поздно Солнце взойдёт и принесёт с собой тепло и свет.

А ещё бывает вечная тьма.

В те дождливые майские дни Муса Алиев серьёзно болел. Именно тогда написал своё завещание. У него было только два желания. Он не хотел, чтобы его библиотеку постигла участь библиотеки дяди, поэтому первым желанием было передать своё богатое собрание книг кафедре палеонтологии Государственного университета его родного Баку. А вторым – быть похороненным в Баку.

Из открытого окна доносилось нежное дыхание весны. Шелест листьев был подобен мелодии, грустной, хрупкой, уносящей в лоно мечты – далеко-далеко. Туда, где мать лежала на шёлковой постели, на большой, сверкающей огнём никелированной кровати. Говорила отрывисто, со слезами на глазах, с подкатывающим к горлу комком:

– Муса, ты помнишь, как встречали с тобой восход солнца? Ты тоже стал моим солнышком, родился в моей жизни и сделал меня счастливой. Дети являются солнцем для своих матерей. Однако я вижу твой ум, умение, способности, образ мышления, не свойственный детям, и знаешь, чего я желаю? Желаю тебе быть таким замечательным человеком, таким ярким солнцем, рождённым не только для своей матери, но и для всех.

Он навсегда закрыл глаза 3 мая 1985 года в возрасте 77 лет.

В соответствии с завещанием его библиотека была перевезена в Баку и передана университету.

Похоронили Алиева в Баку в Первой Аллее Почёта.

Муса Алиев не завещал публиковать свои мемуары, которые он писал с большим трудом.

Его дочь Рена долгие годы хранила эти записи и, читая их, поняла, что её отец принадлежал не только их семье, но и всему Азербайджану, и даже больше – всему миру.

Рена Алиева-Пашаева в послесловии к мемуарам упомянула о заслугах её отца перед государством и народом одно из личных качеств Мусы – его настоящий альтруизм: «Мой отец был очень благородным человеком. Где бы мы ни были, всегда находился незнакомец, который выражал благодарность за помощь, которую отец ему оказал в трудную минуту. А отец, сколько бы ни думал, не мог вспомнить, какое доброе дело он сделал. Он помогал и поддерживал многих».

К сожалению, судьба не позволила Рене ханым издать мемуары отца. Эту миссию выполнил её супруг Хафиз Пашаев. Воспоминания Мусы Алиева увековечены в красиво оформленной книге «Моя жизнь».

Почему человек таков? Всю свою жизнь он борется, несмотря на все трудности, страдания и боль. Уходя из жизни, он чувствует её свет, на который постоянно жаловался, и ему хочется вцепиться в него обеими руками. Не хочет разлучаться с этим миром, из которого уходит навсегда.

Муса Алиев ушёл из жизни очень тихо. Потому что хорошо понимал, что теряет только физическую её часть. Он был уверен, что следы, которые он оставил в истории, не позволят его позабыть.

ПРАВИЛО ДВАДЦАТОЕ

Подобно цветку, который цветёт, а потом увядает, человек тоже рождается и умирает. Хотя эти два процесса происходят в разные промежутки времени, по сути они идентичны. Миллиарды людей приходят, живут и уходят. Их помнят их семьи, родственники и друзья. Когда уходят последние, кто видел их при жизни, о них забывают. Значит, они не смогли оставить след после себя.

Очень немногие люди оставляют после себя след: государство, которое они построили, победу, которую они одержали, здание, которое они построили, открытие, которое они сделали, книгу, которую они написали, фильм, который они сняли, музыку, которую они сочинили – эти следы живут вечно, и пока живы они, помнят и чтят и их создателя.

Почему бы и тебе не стать одним из тех, кто оставит след после себя?

Глава 39

Назим завершил чтение рукописи; его как будто разлучили с самым дорогим человеком. Он так привык к этим страницам, что не представлял, как будет жить дальше без них.

Сегодня вечером он должен был пойти к Любе. Зина, дочь Любы, пригласила в гости своего молодого человека Павла. Покупка напитков была на нём. Водка для них самих, а виски для молодёжи. Люба уже звонила несколько раз с утра. Она даже по поводу блюд к столу советовалась с ним:

– Зайчик мой, готовлю соус в огромной кастрюле, взяла жирную говядину. Пожарю картошку с котлетами, ещё взяла курицу и сделаю табака. Хотела сделать столичный салат и селёдку под шубой, но Зина сказала, что у Павлика аллергия на столичный салат. Оказывается, он отравился этим салатом, когда ещё в садик ходил. Представляешь? Зайчик мой, из холодных закусок сыр с колбасой, фрукты, которые ты прислал. А выпивку ты принесёшь. Смотри, дорогой, водка для нас, покупай, что хочешь. А виски для молодых, возьми хороший. И конечно же, возьми «Фанту» и «Колу». Не опаздывай. Тебе следует прийти до Павлика, чтобы я успела расставить на столе всё, что принесёшь. Смотри, чтобы этикетки не были порваны, не портили мне эстетику на столе.

Как же дети любят пить газировку. Скорее всего, эта индустрия и была рассчитана на детей. Этот вкус настолько их притягивал, что дети могли пить эти напитки целый день без перерыва.

Внезапно испортилось настроение.

Интересно, а его дети когда в последний раз пили «Фанту» и «Колу»? Зарнишан сказала, что за триста долларов триста проблем надо решать, она однозначно не потратит деньги на газировку.

В воскресный день на рынке былолюдно. Сегодня в музей Назиму было не надо – работал он там только шесть дней в неделю. Вадим Борисович давал ему выходной в воскресенье, и на эту ночь оставался там сам.

Дома Назим ночевал только раз в неделю, и в этот единственный вечер скучал по музею. Иногда люди проходят долгий путь, глядя прямо перед собой и не отвлекаясь. Случайно оглядываются – и увиденное в этот миг может поменять всю жизнь. Если бы бабуся не купила и не принесла газету объявлений, откуда он узнал бы про место, где ждало его спасение от проблем? Она его спасательница. Но если бы Вадим Борисович не искал охранника для музея, который он хотел создать, газета оказалась бы бесполезной. Итак, спасителем стал Вадим Борисович. А на самом деле, конечно же, спасителем стал сам великий человек по имени Муса Алиев. Без него Вадим Борисович не смог бы создать музей и разместить объявление в газете, а бабуся не купила и не принесла бы её на рынок...

Во время очередного звонка Люба хотела посоветоваться насчёт одежды к ужину. Она хотела выглядеть красиво на первой встрече с кандидатом в зятя. Она не могла выбрать между сиреневой шёлковой блузкой с чёрными брюками и длинным красным платьем с вырезом на груди.

«Я была подобно цветку, но увяла...»

Он снова вспомнил Зарнишан. Она носила в школе лучшие наряды, любила хорошо одеваться и быть ухоженной. Все время соревновалась с Зулейхой. Как сейчас одевается Зулейха? А Зарнишан, бедняжка, одевается в старьё, принесённое из отцовского дома. Допустим, она купила себе платье из тех трёхсот долларов. Ну и что? Это разве её утешит?

Пришёл Нияз, кажется, он был ещё под впечатлением от услышанной новости, он обнял Назима. Оказывается, они до утра по телефону с Сельмой говорили, строили планы. Нияз сообщил, что поедет в деревню через неделю, чтобы продолжить оборванную на половине жизнь.

Назим позавидовал, что тот поедет в деревню к своим. Интересно, а когда он сам сможет вернуться? На всякий случай он спросил про билеты в Баку. Сложно ли опять с этим? По словам Нияза, всё не так, как раньше, даже билет на текущий день можно найти, а самолёты летают полупустыми.

Нияз хотел посоветоваться насчёт брака: как ему поступить, просто тихо забрать Сельму к себе – или сыграть свадьбу? Они же один раз объявили о свадьбе, подготовились, раздали приглашения, но из-за паршивца Зэка Тахира не смогли её сыграть. Теперь Нияз не знал, что делать.

Назим посоветовал поговорить и следовать решению старших. Если старшие решат сыграть свадьбу, он обязательно поедет. Если решатся на свадьбу, то, скорее всего, отложат её на следующий месяц. Май – пустой месяц, в деревне никогда не бывает свадеб в этом месяце.

Был уже полдень. Он сказал Аслану, что уйдёт на пару часов раньше, вышел и направился в универсам. Одно из старых зданий из-за реставрации обвели забором из деревянных досок. Проходя мимо, он услышал крик: «Помогите». Прохожие тоже слышали, но проходили мимо равнодушно.

Он прошёл во двор через проём в заборе. Двое молодых парней прижали подростка к стене. Понятно было, что его хотят ограбить.

– Вы что делаете? – сказал, подойдя к ним.

Один из грабителей отпустил горло своей жертвы и начал ругаться. А у другого в руках сверкнул нож. Назим понял, что в рукопашную один с ними не справится. Реакция была моментальной. Он вытащил рацию и сказал:

– Седьмой, седьмой. Я одиннадцатый. Отправьте срочный наряд на Болотниковскую улицу, во двор ремонтируемого здания рядом с универсамом. Ограбление. Два человека. Их приметы. Один...

Молодые люди сразу кинулись бежать. Подросток, которого он спас, от души его поблагодарил. Какое это чудесное чувство – быть для кого-то героем, спасти кого-то от беды...

Он зашёл в универсам.

Чувствовал Назим себя как-то иначе. словно бушующий поток пронёсся через него. Как когда-то река, протекающая мимо их деревни, вышла из своего русла. Мутная вода рябила и колыхалась, уносила с собой всё, что попадалось на пути. Даже самые большие и сильные деревья вырывало с корнями.

Он прошёл мимо ряда декоративных ваз и искусственных цветов.

«Я была подобно цветку, но увяла...»

Купил в винном отделе дорогой виски и водку, подошёл к кассе. Настала его очередь. Он смотрел на кассира, но его мысли были далеко отсюда. Кассир и стоявшие в очереди торопили его.

...Никогда нельзя определить характер человека, когда он полностью спокоен. В спокойном состоянии он склонен приукрашивать свои действия, скрывать свои недостатки и даже притворяться кем-то другим. Но в эмоциональном состоянии он не может контролировать свои чувства и фильтровать то, что говорит. Спокойное, сдержанное состояние на самом деле лишь маскирует человека.

...Вдруг на лице Назима появилась улыбка. Внезапное решение определило дальнейшие действия. Заплатил и отошёл от кассы. Открыл телефон, ввёл запрос «покупка авиабилетов в Интернете» в поисковике. Был билет на ночной рейс в Баку. Заказал.

Нужно было торопиться. Надо было доставить по адресу купленное, затем пойти собраться и попрощаться со своим спасителем.

Самолёт унесёт его по ночному небу над пушистыми облаками, далеко, очень далеко. Туда, где были его родные. Туда, где была любовь, которую он почти разрушил, и которую он собирался возродить.

К 105 ГОДОВЩИНЕ ИНТЕРВЕНЦИИ РОССИИ В АЗЕРБАЙДЖАН

МАХИР ГАМЗАЕВ

АПРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ ГЛАЗАМИ ЛИТОВСКОГО КОНСУЛА

В Азербайджане ежегодно в апреле отмечается скорбная годовщина трагических событий в Баку, когда в ночь с 27 на 28 апреля 1920 года XI армия большевистской России, с участием дашнакских военных формирований во главе с Анастасом Микояном (1895-1978) совершила военную агрессию против независимого Азербайджанского государства. В результате этой предварительно подготовленной интервенции были свергнуты парламент и правительство Азербайджанской Республики, оккупирована вся территория страны, и, соответственно, азербайджанскому народу на штыках была привезена большевистская власть – «ревкомы», «народные комиссары» и «военные трибуналы».

Об апрельском перевороте в Азербайджане написаны десятки аналитических статей, издано большое количество исторических книг и научных монографий. Несмотря на это, произведений, написанных об этих драматических событиях в Азербайджане по горячим следам, имеется не так и много. Одним из таких редких произведений значится документальный и политико-исторический очерк «Большевики», автором которого является первый консул Литовского государства в Азербайджанской Демократической Республике, знаменитый классик литовской литературы, прозаик и драматург, первый президент Академии наук Литовской ССР Винцас Креве-Мицкявичюс (1882-1954).

Винцас Креве (лит: Vincas Krėvė-Mickevičius) в 1909-1920 гг. работал учителем русского языка и литературы в 1-м Бакинском реальном училище. Наряду с этим он в те годы активно участвовал в общественно-политической и культурной жизни города Баку. В 1910-1914 годах был одним из активных лекторов Бакинского народного университета. Будучи кандидатом Бакинского комитета партии эсеров России, в 1917-1918 гг. избирался гласным в Бакинскую городскую Думу и был его секретарём, а также редактором издания «Известия Бакинской городской Думы».

В. Креве внес неоценимый вклад в развитие и обогащение литовско-азербайджанских литературно-культурных и общественно-политических связей. В Азербайджане Винцас Креве был известен под русифицированным именем и фамилией – как Викентий Иосифович Мицкевич.

В. Креве принимал непосредственное участие и в установлении государственных отношений между независимыми республиками Литвы и Азербайджана в 1918 году. Одновременно с этим он в 1919-1920 годах в Азербайджане выполнял и дипломатическую миссию – был консулом независимого Литовского государства в Баку.

Весной 1920 года – в ночь с 27 на 28 апреля, В. Креве в Баку стал свидетелем военной интервенции большевиков в Азербайджане и свержения ими правительства АДР. Тогда он следил, каким обманным путём и политическим лицемерием большевистская Россия совершила открытую военную агрессию против суверенного Азербайджанского государства, какими коварными методами большевики свергли правительство, захватили власть и как они создали здесь новую «законодательную и исполнительную власть» – Революционный комитет, а после этого еще и установили марионеточное правительство – Совет Народных Комиссаров Азербайджанской ССР.

В.Креве в те трагические дни в Баку с тревогой в душе взирал, как здесь свирепствовал новый советский режим и какими беспощадными репрессивными методами большевики расправлялись с малейшими попытками сопротивления, как бесцеремонно национализировали всю экономику и финансовую систему, как у про-

стого аполитичного народа отнимали годами накопленное и с каким рвением реквизировали все приватное и общественное имущество, секвестрировали частный жилой фонд и другую полезную недвижимость, проводили красный террор – повальные аресты «классовых врагов и контрреволюционеров», а также другие карательные меры.

Тогдашние роковые события в Азербайджане и весь этот страшный кошмар с болью и сочувствием обозначен в его по горячим следам написанном документальном политическом очерке «Большевики».

В «Большевиках» В. Креве, используя самые разнообразные художественные приемы, в неоспоримой манере рассказывает не только о внутренних репрессиях озверевшей власти большевиков после оккупации Азербайджана, но также чётко описывает и события вокруг Азербайджана, происходившие накануне Апрельского переворота. Для независимого Азербайджана первая половина 1920 года в сфере внешней политики и межгосударственных отношений со своим северным соседом – Советской Россией, это целая цепь грозных событий, потрясших все политическое общество и в конце концов приведших к трагедии 28 апреля. В «Большевиках» содержатся краткие сведения об отдельных этапах этой интервенции, начиная с января 1920 года. Автор на основе убедительных фактов указывает военные действия большевиков, когда они под прикрытием борьбы с Добровольческой армией А. И. Деникина (1872-1947) на юге России, в непосредственной близости северной границы Азербайджана готовили военно-стратегический плацдарм для инвазии Красной Армии в соседнее государство с целью захвата нефтяного центра города Баку.

Автор «Большевиков» в этом очерке не только описывает, излагает, но и анализирует тогдашние реальные факты и общественно-политические явления в Азербайджане, как правило, в сопровождении собственного прямого истолкования. В нем он аргументированно рассказывает и о некоторых решающих факторах, приведших к свержению власти и уничтожению независимости Азербайджана.

Блестящее знание общественно-политической, экономической и военной ситуации в Азербайджане и Советской России, верность правде истории, исключительная точность в фактах и вместе с тем их удачное публицистическое и художественное обобщение позволили писателю создать произведение, воспринимающееся как исторический документ и помогающее читателю войти в атмосферу того грозного периода. Писатель как бы изнутри анализирует противостоящие силы Азербайджану во всем их коварстве и непредсказуемости. В очерке автор разоблачает реакционную сущность большевизма, непримиримую в своей ненависти ко всем инакомыслящим.

После большевистской оккупации Азербайджана В. Креве вернулся в Литву 14 июля 1920 года. Можно сказать, что этот очерк практически написан им в пути из Баку на родину. И по возвращении во временную столицу Литвы – в Каунас, он сразу же, в конце июля – начале августа, в трёх номерах литовской газеты «Tauta» («Народ») успел опубликовать очерк «Большевики» (Каунас, «Tauta», июль-август 1920 г., № № 34, 35, 36).

Очерк «Большевики» при внешней камерности и локальности описываемых роковых событий в Азербайджане всё-таки является произведением обобщающего характера. В нем просматривается и огромное желание В. Креве предвидеть политическое будущее Литвы, исходя из её тогдашней сложной международной ситуации. Именно в этом и состоят историческое значение, жизненность, идеологическая злободневность и политическая актуальность этого очерка для Литвы в 1920 году.

Вот почему газета «Tauta» тогда в рубрике «Политические известия», ссылаясь на произведение «Большевики» и подчёркивая актуальные параллели из истории переворотов и схожих сценариев большевистских революционных методов, о событиях 1920 года в освобождённом большевиками от польских легионеров Вильнюсе писала следующим образом в нижеизложенном тексте:

«Большевиистское правительство в Вильнюсе поступает таким же жёстко, как и в рассказе В. Креве об Азербайджане. Здесь они якобы обещают не вмешиваться в дела гражданского правительства, создаваемого литовцами, и уважать независимость, признанную мирным договором. Но они продолжают своеобразно здесь хозяйничать. Москва говорит одно, а в Вильнюсе их люди делают совсем другое. И даже не думают поступать по-иному. Они откровенно заявляют, – если было бы что украсть и присвоить, все вывезли бы с собой: фортепьяно, мебель, типографии, фабрики... Кроме того, они в обычном порядке вещей понимают ещё и ведение яростной пропаганды против независимости Литвы и её властей. Указывают господам в Каунасе разводить кровавую баню для себя и объявить там Советскую Республику, такую же, какую большевики сами объявили: Литбел – Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Они обещают покинуть Вильнюс до 1-го сентября 1920 года, но при этом и не думают увезти с собой своих агитаторов, ибо, говорят, что агитировать – это прирождённая задача большевиков. (...)

Большевики ничего не различают – где общественное, а где личное имущество, это для них никакого значения не имеет, – они грабят всё! Кроме этого, объявляют военную мобилизацию, аграрную реформу и т. д. Да ещё арестовывают множество невинных людей, мол, таким образом они здесь создают новый строй...» (газ. «Tauta», август 1920 г., № 36).

После первой публикации в 1920 году это произведение до 2007 года больше нигде не было опубликовано. Только 5 ноября 2007 года, по инициативе Общины азербайджанцев Литвы, этот редкий очерк на литовском языке повторно был напечатан в газете «Lietuvos aidas» («Эхо Литвы») в Вильнюсе, и таким образом очерк «Большевики» после долгих лет вновь увидел свет.

Добавим, что до 2010 года очерк «Большевики» не был переведен на другие языки. В 2007-2010 годах это произведение было переведено нами на русский и азербайджанский языки.

Для ознакомления с очерком мы предлагаем читателям его перевод на русском языке. Надеемся, что это позволит вам увидеть роковые события 105-летней давности в Баку глазами литовского консула Винцаса Креве и таким образом взглянуть на некоторых персонажей «революции» с другой точки зрения, а также соприкоснуться с достоверными фактами и малоизвестными моментами истории Апрельского переворота в Азербайджане.

ВИНЦАС КРЕВЕ (1882 – 1954)

БОЛЬШЕВИКИ

1. Дела, а не слова

Нашими соседями, и к тому же самыми могучими, сегодня являются русские – большевики¹. Чтобы мы знали, как вести себя с ними, надо хорошо-хорошо познать их, и познать не по словам, не по речам, а только по действиям. Мы нынче находимся в таком положении, в каком некогда находились закавказские республики. Чтобы понять, что представляют собой большевики, какова их тактика, каковы поступки, чего ждать от них, добра или зла, – не мешает в некоторой мере ознакомиться с их поведением в Закавказье.

¹ Для определения понятия «большевики» автор местами употребляет литовское новообразование, не имеющее русского аналога, близкое по смыслу к слову «большинство». Во избежание путаницы в русском переводе, в преобладающем большинстве случаев предпочтение отдаем слову «большевики» как более точно определяющему реальное понятие. – Здесь и далее примечания переводчика.

В соседстве с большевистским государством русских, после гибели Добровольческой армии Деникина, оказалась Азербайджанская Демократическая Республика. Та появилась примерно в то же время, как и Литва. Ее создали немцы и турки в сентябре 1918 г., изгнав большевиков из Баку¹. Азербайджанская Республика была подобна другим республикам: имелся парламент, существовали министерства, хлеба хватало досыта, лавки были полны товаров и сравнительно недорогих. Можно было жить. Ясно, как и всюду, так и в Азербайджане, большинство были недовольны своей судьбой. Всем казалось, что при ином поведении властей могло быть еще лучше. Фунт черного хлеба стоил 6 р., белого можно было купить за 8-9 р.; люди думали, что могло быть еще лучше, если власть была бы покладистее. Фунт мяса стоил 20-30 р. Люди тоже бурчали, предполагая, что было бы еще дешевле, если власть строже боролась бы со спекуляцией и так далее.

Это недовольство властью было еще сильнее тем, что в Азербайджане очень не хватало образованной интеллигенции. Язык во всех учреждениях употреблялся русский, на службе находились бывшие русские чиновники. Только в Министерстве внутренних дел, в армии и учреждениях парламента была предпринята попытка ввести татарский язык (*азербайджанский язык* – **М. Г.**), но эта попытка оказалась неудачной, ибо и тех служащих татар (*азербайджанцев* – **М. Г.**), которые были, следовало уволить по их недопониманию, по недостаточному разумению своего гражданского долга. Как только полуинтеллигентный татарин занимал более или менее ответственную должность, тут же он начинал брать взятки и обращаться со всеми словно бог, могущество которого не ограничено. Таким образом, весь чиновничий аппарат находился в руках русских: естественно, все более высокие посты занимали татарские интеллигенты, что вызывало еще большую неудовлетворенность у русских. По правде говоря, они никогда и не были друзьями Азербайджана. Сначала ждали прихода Деникина, затем, когда распались силы добровольцев, стали ждать большевиков.

Ходили слухи, что большевики нынче вовсе не такие, какими были, что теперь они уже научились вести работу, что у них уже не стало террора, что интеллигенцию уже не преследуют, что они лишь яростно борются со спекуляцией, что с их прибытием все станет дешевле, станет легче жить. Русские их дожидались и потому, что все же это – власть русских. Рабочие ждали, ибо это власть рабочих – по их разумению. Простые граждане, которые сомневались, справедливы ли эти разговоры, тоже ждали, полагая: пусть будет, как говорят украинцы: *«Хоть гирше, да инше»*.

По правде говоря, их ждали и большинство татар, к тому же большевистские агенты среди них проводили яркую агитацию, мол, большевики вовсе не тронут ни независимости Азербайджана, ни внутренней жизни народа; им, большевикам, Азербайджан нужен лишь как ворота на Восток, особенно в Турцию, которую они пойдут спасать.

Интеллигенция, в руках которой находилась власть и которая вовсе не доверяла таким предложениям большевиков, опасалась, что они своей враждебной к русским политикой уничтожат и народ, и государство. Поскольку агенты Антанты, и особенно разные учреждения Англии, лишь в свою угодую использовали богатства Азербайджана, чинили только зло и не раз показали, что с их стороны никакой помощи ждать не стоит, власть тоже колебалась. Это колебание заставило ее искать контактов с русскими. Послали в Москву делегации, приступили к переговорам о связях, о торговле, об отправлении в Россию горючих и смазочных материалов, хлопка, кожи, шерсти и других товаров, которые Азербайджан имел в избытке и был не в состоянии израсходовать.

¹ В Криве имеет в виду события 15 сентября 1918 года, когда азербайджанские и турецкие военные части после длительных и ожесточенных боев освободили Баку от большевистско-дашнакских оккупантов, и национальное правительство АДР переехало из временной столицы Азербайджана Гянджи в Баку.

Поскольку шли переговоры, все более крупные силы большевиков группировались в Петровске¹, вблизи северной границы Азербайджана. Азербайджанская власть стала проявлять беспокойство и запросила Москву, что это значит? Москва ответила, что она не думает покушаться на государственную независимость Азербайджана, которую она признает, никаких задних мыслей у нее нет; большинство войск там оказалось, лишь преследуя силы Добровольческой армии. Как только этого не станет, оно окажется ненужным в стратегических целях, все войско тут же будет отозвано обратно. Теперь же Россия не о войне с кем-то либо грезит, а только о наведении порядка во всей внутренней жизни. Большевицкая власть желает только одного: договориться со своими соседями, установить добрые отношения и жить с ними как с добрыми соседями, имеющими в виду только благополучие для своего народа и понимающими общие связи и пользу этих связей.

Этим ответом азербайджанская власть была полностью удовлетворена, и никто так и не обратил внимания на предупреждающие голоса, отдельные и редкие.

Случилось то, чего власть вовсе не ожидала. Уже к концу переговоров большевики заняли станцию Ялама, находящуюся уже на самой границе Азербайджана.

Поскольку азербайджанская власть, доверяя большевикам, была вовсе не готова к борьбе, и когда все военные силы были переброшены к границе с Арменией, власти, протестуя, запросили Москву, что это означает, и была отправлена делегация к военному командиру большевиков, действующему в той области.

Делегации был дан ответ, что это осуществляется в стратегических целях, ибо ходят слухи, что Азербайджан готовится к борьбе против русских и думает призвать на помощь англичан.

Таким образом, в стратегических целях необходимо занять Яламу, из которой уйдет, как только все эти слухи будут развеяны.

Не успела делегация вернуться в Баку, как пришла весть о том, что большевистский бронепоезд уже занял Дербент, в четырех часах дороги от Баку.

А ответа из Москвы не последовало никакого.

Для перекрытия дороги были отправлены силы, которые в то время возможно было подтянуть: четвертый полк и один батальон второго полка и немногочисленный отряд стрелков – добровольцев.

Этими силами командовали турецкие офицеры, заранее уже сагитированные. Часть этих сил перешла на сторону большевиков, другая часть была разогнана, и только небольшой отряд отошел к Баладжарской железнодорожной станции, в тринадцати верстах от Баку.

Дорога в Баку для большевиков была открыта.

2. Тут договариваются и тут же вновь хватаются за свое

Тогда в городе приступили к дежурству местные большевики, уже образовался ревком, который распространил листовку с требованием передать им власть, ибо только они, большевики, способны договориться с советской властью русских, сдержать Красную армию, чтобы та не пошла на Азербайджан, и не допустить, чтобы Москва вмешивалась во внутреннюю дела Азербайджана. В других листовках были изложены все ошибки и погрешности нынешней власти, которую там же всячески ругали.

При таких сложных обстоятельствах был созван парламент. Среди его членов теперь же появились и депутаты-большевики, которые потребовали, чтобы парламент без борьбы передал бы всю власть в их руки и разошелся. Они создадут совет-

¹ 14 мая 1921 года по приказу Дагестанского революционного комитета г. Петровск стал столицей Дагестанской АССР и был переименован в Махачкалу в честь известного большевика Махача Дахадаева.

скую власть. Борьба бесполезна, по их мнению, ибо Азербайджан не сможет сдержать натиск Красной армии, которая идет на Баку; только зря прольется кровь, будет уничтожено народное имущество и возможна окончательная гибель Азербайджана как отдельного государства.

Противоположное мнение требовало бороться до конца, снова помирившись с Арменией, но не с большевиками, и попросив помощи у Грузии.

Споры были продолжительными. Около двенадцати часов ночи послышались пушечные залпы. Это бронепоезд большевиков подошел к станции Баладжары и обстреливал вокзал.

Эти залпы означали и кое-что другое: не прошло и двадцати минут, как председатель местной большевистской ячейки Гусейнов¹ явился на заседание парламента и предъявил ему ультиматум: если в течение двадцати минут парламент не передаст власть большевикам и не разойдется, пушки морского флота откроют огонь по зданию парламента.

И действительно, тут же поступила весть, что флот под командованием турецкого офицера Ильдым-паши² поднял красный флаг и перешел в сторону большевиков.

Парламенту не осталось ничего, кроме как разойтись, так он и поступил.

Председатель парламента и некоторые министры на автомобилях успели уехать из Баку и оказались даже в Тифлисе, другие же через день были арестованы.

Проснувшись на следующий день, город увидел, что тут уже господствуют большевики. Всюду красные знамена, изобилие всяческих листовок: по городу в разные стороны снуют автомобили, полно разнородных комиссаров, вооруженных до зубов рабочих.

Там и тут собираются кучами молодежь, рабочие, по улицам то там, то тут ползут броневики. Но войска еще не было. Оно запрудило город только наутро.

Первым шагом нового организовавшегося ревкома, в который вошли только местные большевики-татары, стало отправление Ленину в Москву телеграммы, в которой они лживо объявили, что местный народ, который без борьбы взял в Баку в свои руки власть, приветствует Ленина и Троцкого как своих вождей. Поскольку существует угроза, что в красном Азербайджане может ожить контрреволюция, они призывают братскую Красную армию, которая до сих пор боролась за свободу и счастье всех трудящихся, явиться в Азербайджан и помочь им свернуть голову химере контрреволюции.

Телеграмма была отправлена тогда, когда русские войска уже свергли местную власть, но это Москве нужно было с дипломатической точки зрения, дабы показать миру, что большевики-русские пришли в Баку не сами, а по призыву местного народа и рабочих.

В тот же день были арестованы главы миссии Польши, Англии, Франции, Грузии и Италии, которые не ожидали таких шагов со стороны большевиков и не успели убежать из Баку. Хотели еще арестовать латвийского уполномоченного, но тот скрылся; его так и не нашли. В тот же день были арестованы видные русские, еврейские и армянские деятели, арестованы все члены и председатели разных национальных комитетов. Арестованы были даже Комитет революционных социалистов и вся редакция их ежедневника «Трудовое знамя», несмотря на то, что уже давно они признали советский строй и не скрывали, что такого строя жаждут и для Азербайджана. Были арестованы и все видные социал-демократы.

¹ Заместитель председателя Революционного комитета Азербайджанской ССР, первый Народный комиссар иностранных дел Азербайджанской ССР Мирза Давуд Гусейнов (1894-1938).

² Первый Народный комиссар по военным и морским делам Азербайджанской ССР (28 апреля 1920 - июнь 1920) Чингиз Ильдым оглу Султанов (1890-1938).

Образовавшаяся из местных 18-20-летних, а то и еще помоложе, пацанов «чрезвычайка» хватала, кого только могла схватить, и всех пихала в тюрьму.

Никаким иным способом революционная власть в тот день себя не проявила.

Толпы, которые весь этот день и в другие дни заполняли улицы и площади, держались спокойно по вышеизложенным причинам. Не ошибусь, если скажу, что многие этой перемене были даже рады, не исключая торгашей и промышленников, которые полагали, что нынче с возникновением связей с русскими промышленность возродится еще живее.

У татар не было причин для беспокойства, ибо воззвания ревкома были написаны от имени комиссаров исключительно татар. Они еще не знали, что более половины из числа подписавшихся под воззванием в ту пору отсутствовали в Баку.

Порядок нигде ни в тот день, ни в следующие дни нарушен не был. Никаких изменений в своей жизни никто не ожидал.

В государственных и отраслевых учреждениях служащим было приказано оставаться на местах и продолжать свою работу.

В то время в Тифлисе сформировалась новая антибольшевистская власть Азербайджана или, точнее, скопились члены старой власти, которым удалось удрать из Баку, не угодив в лапы большевиков. С их стороны был отправлен протест в Москву, что они разочарованы действиями Москвы и оказались обманутыми. Был отправлен протест и со стороны грузинских властей. Они выражали протест против того, что без объявления войны большевики задержали в Баку их представителей, задержали поезда, захватили грузинские паровозы, которые находились на территории Азербайджана.

Москва тут же ответила на эти протесты. Сосредоточившимся в Тифлисе членам бывшей азербайджанской власти было сказано, что московская Советская власть никогда не вмешивалась во внутренние дела независимого Азербайджана. Она не виновата, что восставший азербайджанский народ разрушил негодную ей власть и установил порядок и власть такую, какую он сам желал. Что московская Советская власть, таким образом, никого не обманула и переговоров не прекратила, ибо их продолжает с представителями новой власти. Верно, опасаясь, чтобы в междоусобной борьбе не были уничтожены народные богатства, которые имеют большое значение и для возрождения России, по призыву самого народа Азербайджана она отправила свои силы туда; но их задачей являются не вмешательство во внутренние дела и не создание нового порядка в их жизни, а только охрана того, что представляет особую важность для Азербайджана и России, т. е. нефтяных богатств.

Так говорила Советская власть тогда, когда XI армия уже стояла в Баку и собиралась в Грузию.

Хотя Грузия серьезно готовилась к борьбе, отлично зная цену московским заверениям, хотя тут же объявила военное положение по всей Грузии и всеобщую мобилизацию, взорвала мосты на рубеже и стала стягивать туда все свои силы, но вряд ли она сдержала бы силы большевиков, если бы народное восстание азербайджанских татар и польский фронт не направили бы эти силы в другую сторону.

3. Буржуазные предрассудки

Еще в ходе переговоров, 4 марта 1920 года, председателя Бакинского русского национального комитета П-кина¹ навестили двое уполномоченных большевиков: Авшар хан – турецкий офицер, служивший начальником азербайджанской авиации, и некий другой, фамилии которого уже не помню; они спросили, какие отношения со-

¹Здесь имеется в виду председатель Русского национального совета Баку, руководитель Бакинского отделения партии кадетов России, депутат Бакинской городской Думы Михаил Флорович Подшибякин (1884-1963).

блюдали бы русская общественность и русский национальный комитет после прибытия в Баку большевиков. Не скрывали, что большевики тем или иным способом возьмут Баку не позднее 1 мая. П-н пообещал дать ответ лишь после полного обсуждения на заседании правления комитета, которое и было созвано на 5 марта.

Там постановили:

1. Поскольку азербайджанская власть всеми силами пытается уничтожить русское влияние в этой стране,

2. Поскольку Баку необходим для возрождения России и без него не может развиваться ее промышленность, желательнее, чтобы большевики взяли г. Баку.

3. Поскольку нынче единственная Советская власть проявила дееспособность, русская власть и пытается присоединить к России все окраины, которые от нее отделены, поддержать на местах все московские замыслы, способствовать, по возможности, их работе после прибытия сюда большевиков.

4. Пока же вести в своем ежедневнике «Голос России» самую активную агитацию против азербайджанской власти и дискредитировать ее в глазах народа.

Такое решение было вручено Авшар хану, и его копия находится в архиве консульства Литвы в Баку¹.

Следует подчеркнуть, что все правление Бакинского русского национального комитета было исключительно «кадетским», состояло из людей, положительно проявивших себя в качестве противников большевиков. Мало того, сказать, что сам председатель П-кин после прихода большевиков, только скрывшись, спасся от расстрела, другой же член – адвокат Леонтович² был расстрелян по решению «чрезвычайки». Им не хотели простить их работу в пользу сил Добровольческой армии в прошлом.

Не менее выразительным фактом, иллюстрирующим работу большевистских дипломатов, является то, что на 6-й день марта из Москвы с полномочиями уже был отправлен на Кавказ крупный специалист по перевозке нефти в Россию Доссер³, который вез с собой уже разработанный проект по национализации всей нефтяной промышленности. Он прибыл в Баку лишь на 4-й день мая 1920 года.

Эти факты, как и вышеизложенные, довольно явно дают понять, какую политику осуществляют большевики и в какой мере можно полагаться на их слова, а не дела.

В июле 1920 года, находясь в Москве, мне довелось встретить одного грузина – товарища К-лакр, который нынче являлся комиссаром в Закавказье и временно находился в «красной Москве». Я его знал еще до войны, занимались общей работой. Разговорились о Закавказье, об Азербайджане, Грузии, и я спросил, каково его мнение относительно мирного договора между большевиками и Литвой⁴. Его ответ был примерно следующим: положение России и власти большевиков невероятно сложное и трудное. Они часто вынуждены мириться с теми, с кем не хотят, то есть вынуждены заключать «Брестские договоры помельче и покрупнее», дабы можно было хоть немного воздуха хлебнуть, отдышаться. Но большевики отлично понимают, что их строй, их власть смогут удержаться в России только тогда, если подобный строй будет и в других европейских государствах, более богатых и с более развитой промышленностью, чем Россия. Иначе их ждет гибель, а с ними вместе погибнет и Рос-

¹Консульство Литвы в АДР было учреждено в марте 1919 г. и действовало до августа 1922г.

²Блестящий бакинский адвокат-криминалист и чрезвычайно популярный местный общественный деятель, член Бакинской городской думы Александр Константинович Леонтович. В 1920 году после апрельского переворота большевики арестовали Леонтовича, обвинили его в спекуляциях, сбыте товаров англичанам и снабжении белой армии. В мае его расстреляли в тюрьме.

³Зиновий Николаевич Доссер (1882-1938), революционер, большевик, советский государственный деятель. Председатель «Главнефть» России (1918-1922). В 1938 г. арестован по сталинским спискам и осужден по сфабрикованному делу, ст. 58 (1-я категория) - расстрел. Реабилитирован в 1957 году.

⁴Имеется в виду мирный договор между Литвой и Советской Россией от 12 июля 1920 г.

сия, ибо они уничтожили всех людей, которые были очень вредными для строя большевиков, но были лучшими людьми, лучшей рабочей силой для буржуазного строя. После возрождения того буржуазного строя не останется людей для работы, которая будет проводиться ради возрождения страны, ибо все они, большевики, трудившиеся на благо сегодняшнего строя, будут не только бесполезными, но и вредными. Ради спасения русского народа они вынуждены напрочь по возможности все силы, свои идеи распространить по всей Европе и всюду, где возможно, установить советский строй. Они мало верят в то, что пролетариат Европы смог бы своими силами там взять верх, в этом деле ему нужна физическая помощь. Лазейкой в Европу являются Литва и Польша. Но преодоление Польши является сомнительным, а Литва, конечно, не сможет воспротивиться силам большевиков. Они, естественно, не станут нарушать заключенный мир, но кто же запретит образование «Советской независимой Литвы» в Минске или в других местах, которые тоже называются «литовскими». Советская Литва, разумеется, объявит междоусобную борьбу с белой Литвой. Разумеется, обладая малой силой, она призвет красных добровольцев, чтобы те помогли спасти рабочий народ, бедствующий в белой Литве в лапах буржуев, и уже дело московской Советской власти, чтобы для «Красной независимой Литвы» не было недостатка в тех добровольцах, чтобы не было недостатка и в военном имуществе.

Кто тогда сможет обвинять советскую власть России, что она вмешивается во внутренние дела литовского народа?

Кто в таком положении останется в выигрыше, нет сомнений, если вспомнить, как вела себя Антанта в Закавказье. Она брэнчала оружием, пока не появился первый солдат большевиков. А с его появлением всюду, и в Ашхабаде, и в Петровске, и в Баку, и в Бендер-Энзели, и даже в Одессе и в Риге, опустив хвост, как побитая собака, усаживала своих солдат на корабли и автомобили, куда как поудобнее, и оказывалась «за семью горами, за семью реками» от большевиков, и снова брэнчала оружием.

Я заметил, что, поступая так невежливо со всеми теми, с кем хотят наладить те или иные связи, можно утратить доверие.

На это он только усмехнулся: по его мнению, в политике никто никому не верит, если его не принуждают верить. Тогда только делает вид, что действительно доверяет. Что теперь Литве остается, кроме как верить? Конечно, раз не может что-то другое предпринять, она сделает вид, будто верит в договор...

Естественно, все, что он говорил, — это всего лишь его мнение, может, всего этого никогда больше не будет, а если и будет, то не нынче и не завтра. Большевикам еще нужно отдышаться, воздуха хоть немного глотнуть.

Когда я заметил, что пролетариату не подходит такая лукавая политика, он отрезал, слова «подобаает», «не подобаает» — это лишь буржуазные предрассудки. Те, кто борется на «жизнь или смерть», не обязаны соблюдать эти буржуазные привычки...

P.S: При переводе использован текст очерка, опубликованного в литовской общественно-политической газете «Tauta» («Народ»), г. Каунас, июль-август 1920 г., № № 34, 35, 36.

Перевод с литовского Махира ГАМЗАЕВА

Председатель Общины азербайджанцев Литвы,
Член СП Литвы и Союза литературных переводчиков Литвы

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА (Dr. Janti)

История и значимость первых переводов лирики Тукая на русский язык 1913-1917 гг.

Габдулла Тукай занимает в истории и культуре татарского народа исключительное место. Его называют народным поэтом. Но еще при жизни Тукая его называли национальным поэтом. Габдрахман Сагди в 1909 году в статье «Габдулла Тукаев», опубликованной в газете «Вакыт», писал: *«Тукаев воспеваает то, что имеет смысл для татарского сердца. Татары, которые читают, поют и слушают его песни, поют и слушают свои песни. Они являются хозяевами всех смыслов и чувств в стихах Тукаева. Поэт же находится в положении их переводчика. Если у кого-то многие стихи национальны, то правильно называть такого человека «национальным поэтом». И если мы назовем нашего Габдулла Тукаева «национальным поэтом», то мы будем как раз действовать согласно этому правилу».*

Габдулла Тукай родился в 1886 году в деревне Кошлауч Казанской губернии. Рано лишившись родителей, воспитывался в семье деда, затем в семьях приемных родителей. Учился в медресе «Мутыгия» в Уральске, где посещал также русский класс. Первые стихи были опубликованы в рукописном журнале «Аль-Гаср аль-Джадид» («Новый век»). В Уральске он сотрудничал с такими татарскими изданиями, как «Фикер» («Мысль»), «Уклар» («Стрелы»). В 1907 году Тукай приезжает в Казань и целиком посвящает себя поэтическому творчеству. Он быстро входит в литературный круг, знакомится с известными татарскими писателями и деятелями культуры. Первая книга поэта вышла в 1907 году. За шесть лет напряженной творческой деятельности Тукай стал признанным татарским народом поэтом. Он прожил всего 26 лет. Умер от чахотки в 1913 году.

В начале XX века татарская литература формируется как литература нового времени. Идеи, которые поднимали татарские писатели в своих произведениях, а также их эстетические принципы и взгляды были созвучны и близки передовым мыслям того времени. Поэтому переводы поэзии Тукая на русский язык имеют огромное значение для того, чтобы татарская поэзия, в том числе поэзия Габдуллы Тукая, стала частью многонациональной литературы России.

О значимости национального в искусстве и литературе писал и Н. Бердяев: *«Все творческое в культуре носит на себе печать национального гения... В национальном гении раскрывается всечеловеческое, через свое индивидуальное он проникает в универсальное».* И далее он заключает: *«Все великие национальные культуры – всечеловечны по своему значению».*

Актуальность переводов лирики Тукая, как и лучших образцов татарской поэзии, на русский язык состоит и в том, что татароязычные читатели, как правило, в достаточной степени владеют русским языком, чтобы читать произведения классической и современной литературы на языке оригинала. Поэтому переводы на русский язык более актуальны и востребованы на современном этапе, чем переводы произведений русской литературы на татарский язык.

Изучение переводов Тукая на русский язык необходимо также по причине того, что Тукай стал основоположником современного литературного языка татар. Он создал новые поэтические формы, соответствовавшие новому содержанию исторической жизни татарского народа. Переводы Тукая, таким образом, становятся зеркалом развития татарского литературного языка.

Самый ранний памятник татарской литературы – поэма «Кысса-и-Йосыф» – написан Кул Гали в XIII веке. Язык этого произведения включает в себя элементы булгарского и кыпчакского языков. В эпоху Золотой Орды появляется язык поволжских татар, язык, близкий к чагатайскому (староузбекскому) литературному языку.

Затем, в период Казанского ханства, формируется старотатарский язык. В нем присутствовало множество заимствований из арабского и персидского языков. После того, как Казанское ханство перестало существовать (это произошло во времена Ивана Грозного), в татарском языке начали появляться русизмы и западные термины. В конце XIX века наблюдается активный интерес татар к турецкой культуре. Османская лексика начала широко использоваться татарской интеллигенцией.

И только во второй половине XIX века начинает формироваться современный татарский язык. Его основой стали казанский и мишарский диалекты. Этот процесс завершается в начале XX века. И наибольшую роль в этом сыграл Габдулла Тукай, который создал тот язык, на котором говорят татары сегодня.

Значимость Тукая как поэта-новатора, поэта-демократа, по-новому взглянувшего на мир и человека, становится причиной его необыкновенной популярности и обращения к переводу его произведений на многие восточные языки. *«Творчество ни одного писателя из восточных народов дореволюционной России, – отметил казахский писатель Сабит Муканов, – не могло оказать такого воздействия на литературу других народов, как творчество Тукая, никто из них не завоевал такое уважение и славу. Это историческая реальность».*

Некоторые литературные формы, не свойственные татарской поэзии, вошли в нее через переводы Тукая, который хорошо знал русскую классическую литературу. Например, элегия появилась в татарской лирике благодаря переводам Тукая лирических стихотворений Лермонтова.

Лирика Тукая также была известна в некоторых странах Ближнего Востока. Произведения Тукая в начале XX века переводились на турецкий, казахский, уйгурский, китайский, узбекский, азербайджанский языки.

Тукай уже при жизни был очень известен и признан среди тюркских народов России. *«Все тюркоязычные народы испытали поистине неизгладимое, по сей день свято хранимое воздействие и впечатление от творчества Габдуллы Тукая»*, – писал Чингиз Айтматов.

История переводов стихотворений великого татарского поэта на язык Пушкина насчитывает более ста лет, но не сохранились данные, подтверждающие существование каких-либо прижизненных переводов Тукая на русский язык.

Одна из первых публикаций поэтических произведений татарского поэта на русском языке состоялась в «Оренбургской газете» 29 мая 1913 года. Это был перевод стихотворения «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда», 1910). Долгое время не была известна фамилия переводчика, скрывавшегося под псевдонимом «Изгнанник». Перевод был осуществлен по подстрочнику, а в скобках указано: «На мотив Абдуллы Тукаева». Исследователь Р. И. Нафигов отмечает: *«Несмотря на издержки и вольности перевода, стихотворение дошло до русского читателя. Отдельные строки его были удачны: «Взвилась птица – душа из тюрьмы мировой. Я для мира рожден, но для мира – чужой».* Р. И. Нафигову удалось установить имя переводчика: *«Это Н. Охотин, член социал-демократической организации, высланный властями из Казани за революционную деятельность».*

Одними из первых начали переводить лирику Тукая на русский язык авторы, связанные с Лазаревским институтом восточных языков: Н. Ашмарин, П. Радимов, Г. Акчурина, В. Гордлевский, Ф. Корш и др. Лазаревский институт восточных языков во второй половине XIX и начале XX века был в России одним из крупнейших центров изучения тюркских языков. Он сыграл значительную роль в развитии науки и культуры в Российской империи.

Не случайно, что одни из первых переводов произведений с татарского языка были опубликованы в издании Лазаревского института восточных языков. А сами переводы были выполнены авторитетными деятелями, тюркологами-филологами, связанными в своих научных исследованиях с этим институтом.

К сожалению, переводы поэзии татарского классика в дореволюционный период (1913–1917 гг.) не нашли широкого распространения. В переводе на русский язык поэзия Тукая стала появляться сразу после смерти поэта в 1913 году. Но и эти переводы носили единичный характер. Татарская поэзия в дореволюционное время мало переводилась на русский язык, поэтому необходимо отметить, что эти переводы были несовершенными. Например, в 1914 году как отклик на безвременную кончину выдающегося поэта на страницах «Восточного сборника», издаваемого в Москве Лазаревским институтом восточных языков, на русском языке впервые публикуются такие произведения Тукая, как: «Теләнче» («Нищий», 1907), «Эштән чыгарылган татар кызына» («Брошенной татарской девушке», 1909), «Мөбәрәк тәсбих өзелде» («Порвались благословенные четки (На смерть Л. Толстого)», 1910).

Перевод поэмы-сказки «Шурале», одного из самых известных произведений Тукая, опубликованный в «Восточном сборнике», подготовленном казанским исследователем чувашского языка и фольклора Н. И. Ашмариным, можно считать первым переводом этого произведения, которое далее переводилось разными поэтами в разные периоды времени как минимум тринадцать раз.

В 1912 году Горький в одной из своих работ написал: «Лозунгом времени должно стать единение честных людей всех племен, входящих в состав империи, единение, почвой которого должны быть интересы всероссийской демократии, духом – демократическая идея». Уже в 1914 году Горький планировал издание «Татарского литературного сборника», в который должны были войти переводы на русский язык стихотворений Габдуллы Тукая. Но Первая мировая война помешала довести эти планы до конца.

Инициаторами издания одного из первых сборников поэта на русском языке были русские писатели В. Бахметьев и П. Радимов – он увидел свет в 1921 году. По мере углубления интереса к творчеству Тукая улучшалось качество перевода, все чаще стали появляться наиболее полные сборники поэзии татарского поэта на русском языке.

В досоветский период представители тюркской культуры читали творения Тукая на языке оригинала. Этому способствовали родственность языков, синхронность арабской графики, общность культурных и литературных традиций. Казахи, киргизы, узбеки зачитывались стихами, фельетонами и очерками Тукая, которые публиковались в журналах «Уктар» («Стрелы»), «Яшен» («Молния»), «Ялт-йолт» («Зарница»).

Тукай ратовал за образование, за права женщины-татарки, за просвещение и культуру. Это было привлекательно для интеллигенции и импонировало революционному движению. Популярность Тукая среди татарского народа давала возможность революционерам использовать его слово как оружие против старого режима.

Переводить Тукая – закономерность, ибо в переводческой практике взаимодействуют не только языки, но и люди, которые потом объединяются, перенимая друг у друга все лучшее. Переводя его произведения на русский язык, переводчики знакомили читателей с историей освобождения татарского народа.

Тукай стремился к духовному объединению с русским и другими народами, при этом сохраняя национальный код. В то время происходил плавный переход от старотатарского языка к более упрощенному и понятному языку. Объединение общенациональных идей авторитетным словом поэта в бурлящей революционными настроениями Российской империи было в тот момент актуальным. Поэтому переводы произведений Тукая – очевидная необходимость того времени.

Важное значение в понимании мировоззрения Тукая и его отношения к реалиям его времени, повлиявшим и на творчество поэта в целом, имеет стихотворение «Китмибез» («Не уйдем!»), написанное в 1913 году как ответ черносотенцам и националистам. Политический деятель В. М. Пуришкевич во время выступления в Государственной Думе депутата Каримуллы Хасанова, предлагавшего равное финансирование государством татарских национальных школ, закричал с места: «Езжайте в Турцию, будут там вам мусульманские школы!» Этот случай стал широко известным. Тукай откликнулся на него своим стихотворением «Не уйдем!», которым поэт утвердил в татарской литературе жанр социально-политической лирики.

Стихи для Тукая были не просто творчеством, но и способом постижения мира. Поэтому переводчики старались передать и показать этот индивидуальный мир всему миру. В некоторых его произведениях стираются грани между поэзией и публицистикой. Он одним из первых вводит в обиход национальной поэзии социально-политические понятия и актуальные вопросы времени: проблемы татарского общества, национального самосознания, татарской периодической печати, народного просвещения, прав женщин и др. Поэтому *«поэзия Габдуллы Тукая, по мастерству своему поднимавшаяся до общеевропейского уровня, насыщенная революционным содержанием, стала могучим фактором воздействия на литературы восточных народов России»*, — пишет исследователь И.С.Брагинский.

Переводчики разных стран знакомили свой народ с поэзией Тукая, переводя его произведения на более чем 30 языков. Более 120 произведений Тукая переведены на английский, арабский, башкирский, венгерский, казахский, киргизский, китайский, немецкий, персидский, русский, таджикский, турецкий, украинский, узбекский, уйгурский, финский, французский и другие языки.

Впервые переводы лирики татарского поэта на русский язык были изданы отдельной книгой «Габдулла Тукаев. Избранные произведения» в 1920 году в Ташкенте издательством Туркестанского народного комиссариата просвещения в переводе поэта Валентина Вольпина. Долгое время о ней было почти ничего не известно. Подробную информацию об этой книге опубликовал в 1986 году в журнале «Азат хатын» писатель и переводчик Л. Хамидуллин.

В сборник вошли стихотворения Тукая «Эш кешесенең жыры» («Песня рабочего», 1906), «Алтынга каршы» («Против золота», 1907), «Эш» («Работа», 1909), «Шагырь» («Поэт», 1908), «Кыйтга» («Отрывок», 1913) и «Сабыйга» («Ребенку», 1909). Все они переведены на русский язык поэтом Валентином Вольпиным, братом последней жены и другом Сергея Есенина.

На обложке книги указано: «К семилетию со дня смерти поэта 1913 – 1920 гг. Вольные переводы». Ее составителем стал Ибнеамин Янбаев. Он родился в городе Касимов, окончил Московский коммерческий институт перед революцией 1917 года. С 1919 года был преподавателем на рабфаке Ташкентского университета. Также являлся членом коллегии Комиссариата образования Туркестанской Автономной Советской Республики.

В предисловии к этой книге Ибнеамин Янбаев подробно излагает биографию поэта и резюмирует: *«До Тукаева татарской поэзии не было, если не считать жалких подражаний турецким поэтам, насыщенных «арабщиной». Тукаев дал стих простой и понятный по смыслу, по языку и по форме. Он не только мог облекать мысль в красивую форму, но он умел вложить в стихи простой, понятный всем смысл. Все произведения Тукая проникнуты глубоко демократизмом»*.

Автор предисловия также приводит цитаты современников Тукая, поэтов и журналистов, рассказывающих о своей первой встрече с Тукаем.

Так, например, описывает первую встречу с ним другой татарский поэт Сагит Рамеев: «Однажды к нам в редакцию приходит невысокий юноша, без шапки, в черных очках, в старом бешмете и в лаптях, и что-то расспрашивает».

Рамеев старается скорей от него отделаться. Но стоило тому назвать свое имя, как они бросаются друг к другу в объятия и остаются друзьями навсегда.

Он также стремится объяснить, почему стихи Тукая были любимы татарским народом: «*Тукай не просто привил простому народу любовь к поэзии, но и саму поэзию поднял на ступень выше*». Свое предисловие Янбаев заканчивает словами: «*Тукай открыл новую страницу не только в татарской поэзии, но и в поэзии тюркских народов. Он указал путь, каким должна идти эта поэзия*».

Можно считать, что вступительные слова Янбаева к стихотворениям Тукая стали первым печатным высказыванием о творчестве Габдуллы Тукая на русском языке.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ

Родной язык

**Родной язык, святой язык.
Отца и матери язык!
Как ты прекрасен! Целый мир
В твоём богатстве я постиг!
Качая колыбель, тебя
Мне в песне открывала мать.
А сказки бабушки потом
Я научился понимать.
Родной язык, родной язык.
С тобою смело шел я вдаль.
Ты радость возвышал мою.
Ты просветлял мою печаль.
Родной язык, с тобой вдвоем
Я в первый раз молил творца:
«О, боже, мать мою прости,
Прости меня, прости отца».**

Перевод Семена ЛИПКИНА

Я полюбил бы

**Я полюбил бы зиму, но крепкие морозы
Для нищих и бродяг таят в себе угрозы.**

**Я полюбил бы лето за переливы света,
Но ад придёт в жилище, что в камень не одето.**

**Я полюбил бы горы, поля и всё на свете...
Не полюблю никак. Виной – Адама дети.**

Перевод Лилии ГАЗИЗОВОЙ (Dr. Janti)

Меж двух друзей

– Что слышно, Расскажи какую-нибудь весть!
Мой друг, от любопытства я сгораю весь.

– Не донимай, я занят, весь в делах:
Нет времени болтать о пустяках!

– Ну, не упрямясь, новостями поделись;
На друга лучшего, пожалуйста, не злись!

– Да ты, мой друг, глупей, чем был вчера;
О чём тут говорить – ведь эта весть стара!

Перевод Лилии ГАЗИЗОВОЙ (Dr. Janti)

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА (Dr. Janti)

* * *

Осуждается татарский язык
За то, что посмел
Встать вровень с державным,
За то, что сумел сберечь себя,
За то, что «отца и матери язык»,
Эткэм-энкэмнен теле.

Одобряется татарский язык
В строго отведённых местах,
В строго отведённое время,
В строго регламентированных целях,
В строго отведённом объеме –
Кечкенэдэн анлашылган
Шатлыгым, кайгым минем.

Предлагается отказ от татарского языка,
Потому что не в тренде.
Потому что малое поглотится большим.
Потому что империя.
Потому что обречён.
Ярлыкагыл, дип,
үзем һәм эткэм-энкэмне, ходам!

И туган тел...

МАРАТ ШАФИЕВ

ПАРОДИИ

Когда писать?

*«Кто-то пишет каждый вторник,
Чтобы не с понедельника».*

Лейли Салаева

**Вдохновенье – слава пятницы,
но уже рабочий день
в выходные властно ломится,
и строгать стихи мне лень.**

**Рифма парная повторит
замечательный набег
с понедельника на вторник
или, лучше, на четверг.**

**Разбираюсь я с делами,
обегаю сотни ям...
Неподвижным далай-ламой
потерял мой стих счёт дням.**

Поэтка

*«Я от нечего делать сейчас пишу».
Зейнаб Назарли. «От нечего делать»*

**Если делать нечего
и с тоской повенчана,
то с немыслимой отвагой
начинай марать бумагу.
Тушь поплыла на ресницах
и закапала страницы,
я возьму тетрадь другую –
мировой пожар раздую.
В зеркальце взгляну нарочно
(в клубе танцы, между прочим),
нацеплю серьгу на мочку
и скорей поставлю точку...
Мысль давно меня свербила:
мир прекрасней без верлибра.**

До или после?

«Читать стихи после оргазмов...»

Гамид Ахмедов. «Любить»

Иметь подругу в разных позах,
на спину кинуть, как в дзюдо –
какая будничная проза!
когда стихи читаешь «до».

САФА ГАЛЕЕВ

БАСНИ

Про панцирь

«Ах, – вздыхала черепаха, –
до чего же я бедна!
и живу совсем одна,
оттого и в вечном страхе».

В небесах Орёл, кружа,
клекотал: «Не святотатствуй,
на горбу неся богатство.
Знаю шустрого ужа,
страстно жаждущего панцирь».

Сторговались по цене.
Знает каждый, что в конце:
не достать ужа уже,
нравится Орлу, похоже,
черепашие мясо тоже.

Помощь друга

Утомлённый от недуга,
притащился больной к другу:
«Дружба – вот залог спасенья,
нужны деньги на лечение».
Друг-банкир приходу рад:
«А, Рифкат! Моё почтение.
Сколько надо, без стеснения».

И бумажек славный ряд
расписал Рифкат подряд.
И проценты на процент
выросли в один момент.
Умер Рифкат от болезни?
Нет, от дружбы стопроцентной.